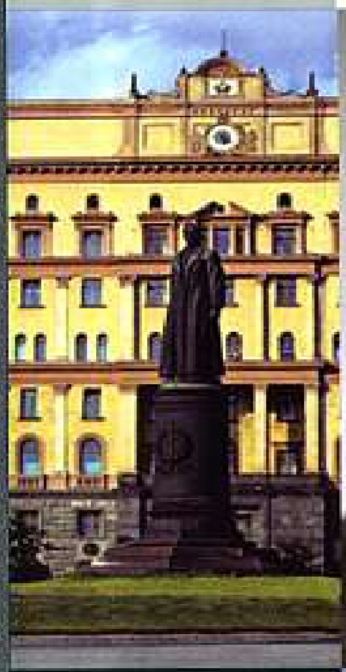
КИМ ФИЛБИ



Николай Долгополов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Западные специалисты считают Кима Филби (1912–1988) наиболее известным из советских разведчиков. Британский аристократ, выпускник Кембриджа, он в 1934 году связал свою судьбу с советской разведкой, по ее заданию поступил на службу в СИС — разведку Великобритании. Карьера, которую сделал советский разведчик в рядах этой спецслужбы, поражает: в 1944 году он руководил отделом, занимавшимся борьбой с советской разведкой на английской территории, в 1949–1951 годах возглавлял в Вашингтоне миссию по связи СИС и ЦРУ. В итоге, по свидетельству одного из ветеранов американской разведки, «все чрезвычайно обширные усилия западных разведок в период с 1944 по 1951 год были безрезультатными. Было бы лучше, если бы мы вообще ничего не делали». Филби даже являлся одним из кандидатов на должность руководителя СИС.

В исследовании историка разведки Николая Долгополова, известного читателям по книге серии «ЖЗЛ» «Абель — Фишер», не только раскрывается ряд малоизвестных страниц жизни самого легендарного разведчика после его бегства в 1963 году из Бейрута в Москву, но и подробно рассказывается обо всей «Кембриджской пятерке», в состав которой входил Ким Филби. Специально для этого издания Служба внешней разведки предоставила ряд уникальных рассекреченных документов, ранее не публиковавшихся.

- Николай Долгополов
  - М. Богданов. Оставался верным присяге
  - От автора. Да, были люди
  - Первый на все времена. Ким Филби (1912–1988)
    - «Кембриджская пятерка» — истоки
    - Отец был, оказалось, ни при чем
    - Все началось под музыку «Венского вальса»
    - Вот и первое задание
    - Рассекречено: разведка по Филби
    - Что сделал для нас «Зенхен», «Том», «Стенли»
    - Волков переступил через «красные флажки»
    - 9-е отделение протянуло руку помощи Москве
    - Любимец ФБР и ЦРУ
    - Сотрудничество сокращено
  - Верный выбор Кима
    -
    - Несколько слов о кураторах

        - Любовь против дурных привычек
        - «Медовый месяц» в Сибири
        - Витали в воздухе угрозы
        - Целые тома секретов
        - Опять к насущной жизни
        - А вот и Грэм Грин
        - Разведчик или знаменитость?
        - Дом разведчика — его крепость
        - Муж не брал жену в разведку»
        - «Пятерка», «шестерка», «туз»
    - Второй. Сын адмирала. Гай Бёрджесс (1911–1963)
    - Третий. «Английский декабрист». Дональд Маклин (1913–1983)
    - Четвертый. Агент королевских кровей. Энтони Блант (1907–1983)
    - Пятый. Пути «Мольера». Джон Кернкросс (1913–1995)
    - А были ли шестой… седьмой?
    - «Глыба твердой породы»
    - Наука от Кима Филби
    - Уроки мэтра
        -
        - Как «приоткрыли» Филби
        - Пикадилли на улице Горького
        - Прямой канал
        - Десант из Ясенева
        - Руфина нуждалась в поддержке
    - Великие знали друг друга
    - Он шел своим путем
    - Можно ли создать музей-квартиру Кима Филби?
    - Приложения
    - Основные даты жизни и деятельности Г. А. Р. (Кима) Филби
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15

Николай Долгополов
Ким Филби

Посвящается моему отцу — журналисту Михаилу Долгополову

М. Богданов. Оставался верным присяге

Говорят, каждый человек способен написать хотя бы одну книгу — книгу о своей жизни. Ну, может быть, не целую книгу, а хотя бы описать какой-нибудь один яркий эпизод из пережитого, который произошел только с ним, который неповторим и поэтому обогатит копилку человеческого опыта.

Книгу, которая перед вами, читатель, написал не я. Но всё, о чем в ней говорится, мне настолько близко, настолько «рядом», что я просто не мог не принять участия в работе над ней.

По любым меркам Ким Филби — выдающаяся личность. В нашей стране он по праву завоевал себе славу легендарного разведчика. Но, как это ни странно, его имя пользуется широкой популярностью и в Англии. Его там, конечно, кто-то ненавидит, кто-то осуждает, но в целом, как мне показалось, на родине относятся к Филби с уважением и даже… с гордостью: мол, такой незаурядной личностью может быть только англичанин.

Киму Филби посвящены десятки томов исследовательской, мемуарной и художественной литературы. Но все они в основном касаются периода его работы на советскую разведку в качестве «агента в поле» (agent in the field). И крайне малоизвестно, если не считать догадок, а может, — домыслов западных беллетристов, чем же занимался бывший шеф британской внешней контрразведки после того, как 27 января 1963 года он пересек советскую границу в направлении Москвы. А ведь он провел в Советском Союзе 25 лет — треть своей жизни. И отнюдь не бездействовал. Здесь он любил, отчаивался, радовался, путешествовал, находил и терял друзей. Он работал, творил и даже создал школу своих учеников.

Самое святое имя, которое мне приходилось слышать от Кима в последние годы его жизни, — это Руфа, Руфина Ивановна, его жена. Опытный психолог, Ким разглядел ее с первой же встречи, уже через несколько дней предложил ей руку и сердце. И не ошибся. Союз этот оказался на редкость гармоничным и, вне всякого сомнения, принес Филби самые счастливые мгновения на склоне его лет.

Ким буквально боготворил свою Руфину и, казалось, в ее отсутствие был абсолютно беспомощен. Она была для него «светом в окошке» — если хотите, поводырем в нелегкой советской действительности, без которого ему было бы трудно, — а может, и просто невозможно, — сохранить достоинство и имидж «легендарного», налагаемый его положением.

С Руфиной Ивановной мы познакомились незадолго до ухода

Кима и уже по-настоящему подружились в последние годы. Подробную беседу с этой хрупкой, деликатной и очень интеллигентной женщиной вы найдете здесь, в книге. В беседе этой отражено всё самое сокровенное для Руфины Ивановны, а в результате появились яркие, образные зарисовки, раскрывающие неизвестные доселе черты личности Филби, точно передающие атмосферу его жизни в Советском Союзе. Ведь дома, на пенсии, рядом с любимой женщиной ведут себя естественно — не так ли? Нет никаких оснований подозревать Филби в лукавстве, и когда ему приходилось выступать в своей официальной ипостаси — легендарного разведчика и «несгибаемого борца за дело коммунизма» (небольшие уловки и недомолвки в интересах конспирации не в счет). Это с готовностью подтвердит любой из коллег Кима, общавшихся с ним в последнюю треть его жизни. Некоторые из них, сохранив в силу специфики своей деятельности право на анонимность, поделились своими впечатлениями и воспоминаниями с автором книги, которые он, на мой взгляд, передал точно и деликатно, сохранив личную стилистику каждого персонажа. В результате Ким предстает перед нами на редкость многогранной личностью — могучей, волевой и в то же время в высочайшей степени цельной.

Цельность, мне кажется, это ключевое понятие к разгадке феномена Филби. Без каких-либо претензий на окончательное слово в продолжающихся уже десятилетия попытках определить историческую роль его личности постараюсь все же объяснить, что имею в виду.

С обложки английского издания книги «Моя тайная война» бросается в глаза вопрос: «Циничный предатель или человек убеждений?» Вопрос этот, по сути, отражает полярные трактовки личности Кима Филби. За первой из этих позиций стоит уязвленный британский истеблишмент, который до сих пор не может до конца осознать: как же такое могло случиться, что «один из них» (или несколько, если говорить о всей знаменитой «Кембриджской пятерке») предал их интересы, их школьные и университетские связи ради службы Советскому Союзу? Отсюда растут всякие страхи относительно существования еще и «оксфордской пятерки», преувеличение степени влияния советской разведки на политическую жизнь Великобритании, до сих пор не прекращающиеся поиски «скелетов в шкафу» — вплоть до высших эшелонов Уайтхолла.

Что касается второй позиции, то она отдает определенным цинизмом. Усердно эксплуатируя, казалось бы, неуязвимое, положительное словосочетание «человек убеждений», советская официальная пропаганда пыталась отождествить искренние —

добавим, весьма идеалистические — коммунистические убеждения Филби со всем тем, включая преступления и откровенные безобразия, что творилось в нашей стране «во имя светлого будущего». По этой логике получалось, что раз Ким называет Советский Союз своей родиной, то он должен одобрять любую политику ее руководителей — и Сталина, и Хрущева, и Брежнева, и Горбачева.

Давайте для начала разберемся, кого и что предал «циничный предатель» Филби. Даже британские историографы разведки вынуждены признать, что в результате его деятельности не была поставлена под угрозу жизнь ни одного англичанина. Сам он до последнего дня по своим привычкам, манерам и образу мышления оставался англичанином до мозга костей и в этом смысле, вероятно, ненамного отличался от многочисленных своих соотечественников, проживших значительную часть жизни, скажем, в Индии или Африке.

Что же касается предательства, то оно, вероятно, подразумевает переход в стан врага, отказ от веры, убеждений (по крайней мере, по Далю, предатель — это «вероломец», «душепродавец»). Но ведь Филби ничего этого не совершил! Только раз в жизни, в двадцать с небольшим лет, он дал присягу на верность идеалам коммунизма и никогда ей не изменял.

Широкому кругу читателей этой книги предоставляется возможность узнать, как с раннего детства формировалось его мировоззрение. Когда и почему он стал атеистом, антиимпериалистом, социалистом, затем — убежденным коммунистом и, наконец, советским разведчиком. Логика этих метаморфоз, особенно последней, изложена предельно ясно. Она подчеркивает еще одно замечательное качество Кима — он всегда был человеком дела. Избрав свой жизненный путь, он сделал все от него зависящее, чтобы добиться на нем конкретных результатов.

Тут может возникнуть вопрос: неужели Филби не видел «изъянов» дела, за которое боролся? Осмелюсь заметить, что даже широким массам советских людей преступный характер сталинизма приоткрылся лишь в середине 1950-х годов. И только к началу 1990-х выявилась общая картина того, что же на самом деле представляет из себя коммунистическая доктрина — на практике, а не в теории, ибо в идеях равенства, социальной справедливости и т. д. не то что нет ничего предосудительного — они благородны и вечны. А что делать, если, находясь, как Филби, в «глубоком подполье», не знаешь реалий советской жизни, связан добровольно данным честным словом, уже внес весомый конкретный вклад в дело защиты СССР от фашизма и к

тому же постоянно сталкиваешься с грязными методами работы западных спецслужб по подрыву СССР и советского влияния в мире?

Я вынужден попросить извинения за этот монолог, самоуверенно произнесенный в защиту Филби. Может быть, он в этом не нуждается и его мотивы были иными. Тем не менее хотелось привлечь внимание к внутренней трагедии этого, по моему глубочайшему убеждению, кристально честного, порядочного человека.

Его отношения с боссами из КГБ, несмотря на внешнее благополучие, складывались в Москве отнюдь не однозначно, и это почувствует вдумчивый читатель. Да, был почет по «высшему разряду» (вплоть до пышной панихиды в Центральном клубе им. Дзержинского), были теплые отношения с Андроповым, контакты с начальником разведки Крючковым и личная дружба с целым рядом чекистов различного ранга — от высокопоставленных руководителей до молодых оперативных работников.

Но было и другое. Филби, например, еще в период своей активной деятельности каким-то шестым чувством ощущал, что практически все его советские «контролеры» репрессированы. По приезде в Москву он наткнулся на непонимание своей действительной ценности в качестве уникального источника информации о деятельности западных спецслужб. Был в начале 1980-х годов период, когда молодых учеников из «семинара Филби» отстраняли от контактов со своим учителем под предлогом того, что тот, по мнению «высокого руководства», критикует советскую действительность. Были, наконец, и откровенно беспардонные или профессионально неграмотные действия со стороны отдельных лиц, порой его опекавших.

Я не говорю уже о советском быте, окружавшем привыкшего к западному комфортному образу жизни англичанина, — об этом не скажешь лучше, чем рассказала Руфина Ивановна.

Тем не менее Ким Филби с достоинством вынес и это последнее выпавшее на его долю испытание. Все проблемы — повторюсь, во многом благодаря поддержке преданной Руфины — оставались за кадром, и публика, даже близкие друзья, видела перед собой только «легендарного» и «несгибаемого».

Наблюдая за этим явлением в течение тринадцати последних лет жизни Филби, я часто задавался вопросом: почему же все-таки большинство англичан, с которыми мне приходилось сталкиваться, интуитивно, как бы «про себя» уважают и даже гордятся им? Потом вдруг осенила догадка: они, наверное, видят в Филби олицетворение того, что у них с детства ассоциируется с проявлением собственного своего национального характера, с

тем, что делает англичанина именно АНГЛИЧАНИНОМ. Может быть, все дело в вышеупомянутой цельности характера, врожденном чувстве достоинства, не позволяющем идти на сделки с собственными убеждениями, каким бы испытаниям человек ни подвергался? В гордости, не позволяющей стать предателем, отказаться от сознательно избранного пути, и стремлении довести начатое дело до конца? Иными словами, в знаменитом английском «My word is my bond»[1], адекватном нашему «Береги честь смолоду». Ким Филби свою честь сберег и ни разу, ничем не предал своих убеждений. Однако ошибочными оказались не его убеждения, а, как мы теперь знаем, нечто совсем другое.

Он был на редкость скромным, сдержанным, тактичным и мудрым человеком. Оптимистом по натуре, хотя и осторожным в проявлениях своего оптимизма. Таким Ким Филби запомнился и Руфине Ивановне, и мне, и, думается, большинству окружавших его в Москве людей.

М. Богданов, полковник Службы
внешней разведки России в отставке,
ученик Кима Филби

От автора. Да, были люди

Англичанин Гарольд Адриан Рассел Филби, известный всему миру под именем Ким, был великим советским разведчиком.

Почти за двадцать лет, что пишу о разведке, мне не приходилось встречать примеров того, чтобы иностранец, да еще представитель высшего света, столько совершил для нашей страны. Возможно, были люди даже более самоотверженные, но их отдача, принесенный результат никак не соотнести с тремя десятками лет работы Кима, лишь поворотом изменчивой судьбы не ставшего руководителем Сикрет интеллидженс сервис, британской разведки, одной из самых сильных, квалифицированных и агрессивных спецслужб мира.

Хотя, кто знает, возможно, где-то и в каких-то неведомых архивах хранятся дела советских, российских агентов, которые сделали еще больше — но пока же нет, не предъявлено на свет божий разведчика, равного Филби. Помещенные в приложениях документы, рассекреченные специально для этой книги серии «Жизнь замечательных людей», выпущенной к столетию Кима Филби, дают определенное представление о масштабах его работы.

А вообще, о Киме Филби написано больше двухсот книг, снято бесчисленное количество игровых и документальных фильмов. Однако о двадцати пяти годах, проведенных Филби в Москве, известно было до обидного мало. Да и откуда, если вся жизнь его в советской столице проходила под грифом «Совершенно секретно»? Что делал он на своей новой родине с 1963-го — после бегства из Бейрута и до кончины в 1988-м? Могу твердо сказать, что по правде все было не так, иногда совсем не так, как представлялось и его поклонникам, и его недоброжелателям.

Знаю это, ибо мне любезно разрешили встретиться с теми, кто хорошо знал Филби, кто с ним работал и у него учился. Среди собеседников и действующие, и вышедшие в отставку сотрудники Службы внешней разведки Российской Федерации в разных чинах — от майора до генерал-лейтенанта. Единственным и сразу же выдвигаемым условием было — только никаких имен… Объяснять причины этого требования не буду.

Встречи с Руфиной Ивановной Пуховой-Филби, самым близким и родным человеком для разведчика, дали неожиданно много. Она превратилась в главного поводыря в этом сооруженном Филби хитросплетении двух жизней — профессиональной, закрытой, и сугубо личной. 18 лет в браке,

глубокая обоюдная любовь, светлая память о муже… Сколько эпизодов, фактов — и выводов. Здесь, надеюсь, Ким Филби предстанет для читателя в новом, совсем новом облике. И совсем не в таком, в каком его представляли иностранные авторы, иногда и в переведенных на русский язык произведениях.

Думаю, эта глава заинтересует по чисто житейски, по-человечески и тех, чьи интересы далеки от разведки. Киму и Руфине Ивановне повезло. Замечу, что верный глаз Кима Филби не подвел его и в выборе жены.

Спасибо всем, кто помог, вне зависимости от того, известны мне их имена или неизвестны. Особая благодарность руководителю пресс-бюро СВР Сергею Иванову. Он, профессиональный журналист, подсказал идею книги. Без Сергея Николаевича и его сотрудников осуществить издание было бы невозможно.

Я не хотел идеализировать Кима Филби и четырех его соратников, каждому из которых посвящено по главе, в которых рассказывается, кто и что сделал. Не собирался превращать Кима Филби в икону. Да он никогда и не был ею. Иконопись и разведка — занятия совершенно разные. Повторюсь, что Ким Филби был и остается величайшим советским разведчиком.

Прочитайте книгу. И, надеюсь, вы согласитесь со мной.

Искренне ваш —

Николай Долгополов

Первый на все времена. Ким Филби (1912–1988)

«Кембриджская пятерка» — истоки

Признаем с самого начала: «Кембриджская пятерка» — название довольно условное. По признанию жены Кима Филби — Руфины Ивановны Пуховой-Филби, сам разведчик относился к этому термину довольно сдержанно. Да и «патриарх» советской «атомной разведки», Герой России Владимир Борисович Барковский оценивал название несколько критически и рекомендовал мне «не попадать в плен различных терминов».

Не претендуя на роль первооткрывателя, выскажу свое сугубо личное мнение. Никто и никогда не узнает, сколько действительно человек было в группе преданных Советскому Союзу англичан, поддержавших чужую страну в борьбе с фашизмом, а потом и в холодной войне.

В этом не заинтересована ни одна из двух наиболее затронутых деятельностью «пятерки» держав — Англия и Россия. Англичанам, имею в виду не журналистов и фанатиков, а спецслужбы и британский истеблишмент, не нужны новые скандалы и разоблачения. Ничего хорошего тщательно оберегаемому имиджу они не принесут. Верная собственным неизменным принципам российская Служба внешней разведки, тщательно оберегающая покой родных и близких своих агентов в любом поколении, ни разу за всю свою историю не пошла на излишние откровения.

Достоверно известна и еще одна роковая подробность. Высокие чины и прославленные наши разведчики не раз говорили мне, что практически все дела, особенно касающиеся иностранных источников, уничтожены. Если я правильно понимаю, часть их сгинула еще во время сталинских «чисток» в 1936–1938 годах. Затем наступил черед Великой Отечественной, и многое было предано огню осенью 1941-го, когда фашисты стояли под Москвой. Затем пришел период смены сталинского строя и прихода к власти людей, заклеймивших его культ личности. Значительнейшая часть досье, касающаяся источников из Кембриджа, была уничтожена в 1953-м. Оставшееся и, возможно, не самое главное вывезли, как я слышал, в далекий город. И, наконец, еще часть документов влилась в поток сознательно «канувших в Лету» в период смены формаций в 1991-м. Тогда некоторые близорукие оптимисты верили во всемирное

примирение и вечную дружбу со всеми прежними оппонентами и подстегивали разведку поделиться со всем светом своими секретами. Они рвались в архивы только созданной СВР России, но, к счастью, глупостей удалось избежать. А вот архивы в очередной раз понесли потери.

Так что оригиналы документов, переданные «кембриджцами» и даже докладывавшиеся в Кремль — Сталину, Молотову, Маленкову и другим небожителям, ушли в небытие. Если что-то и остается, то только личные дела членов «пятерки», как и некоторых других зарубежных источников, но все они строжайше засекречены. Нет им, полагаю, срока давности.

Хочется верить, я убедил вас в том, что «Кембриджской пятерке» так и оставаться «пятеркой» — несколько искусственным, однако навечно пришпиленным к ней термином.

Из кого же она состояла?

1. Итак, Ким Филби, он же «Зенхен», «Том», «Стенли». С 1944 года — наиболее ценный агент, ставший начальником 9-го отдела СИС, занимавшийся изучением русской агентуры и борьбой с ней, а затем — представитель СИС в Вашингтоне, координирующий связи британских спецслужб с ЦРУ и ФБР. Был кандидатом на должность руководителя всей английской разведки.

2. Гай Бёрджесс — «Медхен», «Пауль», «Хикс». Сотрудник английских спецслужб, дипломат, журналист.

3. Дональд Маклин — «Стюарт», «Уайз», «Лирик», «Гомер». Дипломат.

4. Энтони Блант — «Тони», «Джонсон», «Ян». Искусствовед, академик, сотрудник английских спецслужб, хранитель королевских картинных галерей.

5. Джон Кернкросс — «Мольер», «Лист», «Карел»… Дипломат, служащий ряда ключевых министерств, сотрудник английских спецслужб.

Возможно, и 6, 7, 8, 9…?

Помимо количества источников, входивших в группы, идет и другой непрекращающийся спор: кто все-таки завербовал этих великолепных агентов? Можно ли здесь расставить точки? Судите сами.

Человек пять-шесть разведчиков с искренней гордостью рапортовали о том, что это они завербовали Филби. Как ни парадоксально, однако каждый из них, вероятно, имеет право претендовать на эту честь. Однако попробуем разобраться в этом с помощью имеющихся официальных документов.

Начнем с даты создания нелегальной резидентуры советской разведки в Великобритании — год 1933-й. Тут сплошной блеск имен советских нелегалов. Орлов, пусть и сбежавший потом в

США, Дейч, Малли, менее известный Рейф… Это они сумели высмотреть, вычислить, оценить перспективы, подготовить к вербовке, стать связниками «пятерки». Из всех упомянутых СВР особо выделяет Арнольда Дейча.

Портрет Арнольда Генриховича Дейча, родившегося в 1904-м в Вене, украшает один из стендов Кабинета истории внешней разведки в Ясеневе. Биография для той поры типична. В 20 лет — членство в австрийской компартии, с 1928-го — в подпольной организации Коминтерна. Поездки в качестве связника в самые разные страны — от Румынии с Грецией и до Сирии с Палестиной. А в 1932 году — ожидаемый шаг. Дейч переезжает в Москву, переводится в партию большевиков и с подачи Коминтерна работает в Иностранном отделе НКВД СССР За это время не совсем понятным образом — как хватило времени? — успевает закончить университет в Вене, защитить диплом и стать доктором философии, свободно осваивает, помимо родного немецкого, английский, французский, итальянский, голландский и русский языки.

Из Москвы быстро подготовленный нелегал Дейч вместе с женой выезжает в 1932 году во Францию, откуда часто наведывается и в Австрию, а в 1933-м обосновывается в Англии, где изучает психологию в Лондонском университете.

Вместе с Дейчем, которому присвоен псевдоним «Стефан Ланг», в британскую столицу перебирается и группа его помощников. Внимание, среди них и «Эдит» — Тюдор Харт!

Кто она, эта дама, которой было суждено сыграть огромную роль в судьбе Кима Филби? Австриячка, вышедшая замуж за англичанина. Жена известного врача, она с его помощью сумела проникнуть в высшее общество. Задача, поставленная Дейчем перед Тюдор Харт, была очевидна, однако сложна. Ей предстояло знакомиться с людьми, которые могли бы быть полезны советской разведке сейчас или на перспективу. Такая специальность в разведке называется «наводчик». Сферы ее интересов начинались с Оксфорда, Кембриджа и Лондонского университета, ковавших будущие кадры для государственной службы Британской империи. Конечно, они затрагивали Форин оффис, различные госучреждения, не говоря уже о разведке с ее дешифровальной службой, которая в Англии всегда отличалась высочайшим классом. «Эдит» искала и находила людей, уже занимающих определенные посты, и молодежь — на будущее.

Таким перспективным «Эдит» сочла и Кима Филби. Есть в мемуарной литературе упоминания о знакомстве первой жены Филби, Литци, с вербовщицей «Эдит». Что ж, две австрийские коммунистки вполне могли быть знакомы. Но сомнительно,

чтобы Литци вывела «Эдит» на Кима. Скорее, осторожная «Эдит» могла проконсультироваться с ней, задать вопросы о прошлом Кима. После определенного периода изучения она сообщила Филби, что им очень интересуется человек, который мог бы сыграть серьезную роль в его жизни. Не раздумывая, Ким сказал, что готов «на рандеву», и «Эдит» представила его Арнольду Дейчу. Вроде бы ответ на вопрос «кто и как завербовал Филби?» получен. По крайней мере, есть такой его вариант — а остальные можно и не рассматривать, они менее интересны и убедительны…

Вот описание знакомства Филби с Дейчем. Однажды в июне 1934 года Тюдор Харт вместе с Кимом несколько часов кружили по Лондону, добираясь до Риджентс-парка[2]. Понимал ли Филби, что пересадки из такси в метро и прогулки по улицам были не чем иным, как стремлением «Эдит» проверить, нет ли за ними слежки?

В Риджентс-парке спутница подвела Филби к скамейке, представила его сидевшему здесь человеку, назвавшемуся «Отто», и навсегда исчезла из его жизни — в отличие от незнакомца, который долго говорил с ним по-немецки, а потом предложил отказаться от идеи о вступлении в компартию. По замыслу Арнольда Дейча, этот яркий представитель истеблишмента по внешности и происхождению должен был выполнить роль совсем иную. Филби сразу понял какую: стать агентом глубокого проникновения. Не спрашивая, что «Отто» представляет — Коминтерн или советскую разведку, Ким согласился на его предложение.

Дейч быстро разглядел в Филби способного ученика. Ему был присвоен псевдоним «Зенхен». Множество раз беседуя с ним, постепенно вводя в круг обязанностей, «Отто» заставил его обращать особое внимание на проблему обеспечения собственной безопасности, тратя на это немало времени — собственного и ученика. Филби поначалу такое расточительство не понравилось, но Дейч твердо стоял на своем. И убедил-таки Кима в необходимости всегда и везде соблюдать строжайшие меры предосторожности. Впоследствии Ким Филби признавал: он настолько проникся мыслями куратора, что «был буквально одержим идеями о безопасности и конспирации. В значительной мере именно поэтому мне удалось выжить».

А вот судьба Дейча сложилась трагично. В 1937-м они с женой возвращаются в СССР, получают советское гражданство и паспорта на имя супругов Лангов. Чудом ему удается избежать сталинских тюрем и лагерей — наверное, помогло и то, что Дейч-Ланг, оставаясь в разведке, был переведен в один из институтов Академии наук, где трудился до начала войны старшим научным

сотрудником.

В июне 1941-го последовало его возвращение к активной деятельности разведчика. Из-за чрезвычайных обстоятельств одна придуманная легенда сменялась другой, а в 1942 году Дейч на пароходе отправился из Архангельска в США. Но добраться до места назначения ему не удалось — транспортное судно «Донбасс» было атаковано в Норвежском море немецкими бомбардировщиками и быстро затонуло. Части пассажиров и команды удалось спастись, но Дейч, раненный в ноги, не смог покинуть тонущий корабль. Ему исполнилось всего 38 лет. Сколько было сделано! И сколько бы еще он успел…

Отец был, оказалось, ни при чем

Вот что писал о Киме Филби в своем эссе не слишком удачливый разведчик Дэвид Корнуэлл — он же суперуспешный писатель, автор детективных романов Джон Ле Карре:

Филби «стал порождением послевоенной депрессии, поспешного уничтожения возгоревшейся было социалистической искры и тысячелетней спячки Идена и Макмиллана (британские премьер-министры. — Я. Д.). Двуличность стала для Кима Филби нечто вроде семейной традиции.

Перед Филби был пример его отца — выдающегося ученого и тошнотворно противного человека. […] Хотел ли он разрушить этот отцовский имидж, перещеголять его или просто пойти по его стопам? Но, живя вдали (от Англии. — Н. Д.), как его отец, он вряд ли бы достиг этих целей. Но отцовские черты унаследовал.

Маленький король, заброшенный в глуши, Гарри Сент-Джон Филби не скрывал от Кима презрения к своим лондонским начальникам. Он посвятил всю свою жизнь, чтобы создать в Киме непробиваемую смесь, повлекшую дальнейшее предательство мальчика. И никто бы не смог делать это лучше, чем это удалось сделать отцу».

Писатель Ле Карре ошибается во многом, как ошибался он, Дэвид Корнуэлл, неся службу в МИ-5[3], а потом работая на разведку под прикрытием консульств Великобритании в Бонне и Гамбурге. Начну с житейского. Отец Филби вообще мало что сделал для его становления как личности. Он жил вдали от первенца — сына Гарольда Адриана Рассела, родившегося 1 января 1912 года в Амбале (современная Индия). Род Филби, не отличаясь богатством, входит в число древнейших английских фамилий. Бабушка Филби происходила из семьи, подарившей Великобритании немало славных армейских офицеров, среди которых — фельдмаршал Монтгомери, герой Второй мировой

войны, самый прославленный английский военный после адмирала Нельсона. Кстати, когда в 1910 году заместитель британского комиссара в Пенджабе Гарри Сент-Джон Филби женился, шафером на его свадьбе был его дальний родственник — в ту пору еще лейтенант Бернард Лоу Монтгомери.

Джон Ле Карре во многих своих произведениях невольно выводит Филби главным героем — причем сугубо отрицательным. Герой этот умен, циничен, готов предать не только страну, но и любого своего ближнего. Кажется, что хороший писатель Ле Карре здесь вновь превращается в посредственного разведчика Корнуэлла. Да, он знает психологию разведки, ее темные стороны и безжалостность. Однако ему неведомы помыслы людей, бескорыстно бьющихся за идею. Хотя благодаря книгам того же Ле Карре Ким Филби был «беллетризован» еще при жизни, уверенной поступью войдя не только в документальную, но и в художественную английскую и американскую литературу, став символом предательства в глазах Корнуэлла — Ле Карре. Между тем даже фанатичные упертые соплеменники Филби, в чем только его не обвиняющие, признают, что деньги и подкуп в данном случае ни при чем. Тогда — с чего же «предательство»? «Свобода выбора», о чем так много говорят на Западе, — одно из неотъемлемых прав человека…

Да, можно говорить, что «взыграли гены». Многие серьезные британские издания, описывая необычную жизнь Гарри Сент-Джона, пишут о его связях с разведкой. Действительно, в 1932 году ее руководство направило Филби-старшего в Месопотамию, дав задание настроить подданных короля Саудовской Аравии Ибн Сауда против турок. Он уверенно справился с поручением, сделавшись советником, а затем и другом саудовского монарха. Он, в чем Ле Карре прав, действительно работал на службу британской разведки МИ-6, будучи причисленным к ней, в качестве «вельможного корреспондента». Так в те годы называли людей из истеблишмента, работавших на СИС.

А дальше пошли такие перемены, после которых неистовому арабисту, отличавшемуся нескрываемой — или показной, немножко на публику, — эксцентричностью, стало вообще не до сына. Сент-Джон Филби, неожиданно для сослуживцев, превратился в ученого. К тому же выпускник Кембриджа, сын владельца плантаций, он принял ислам, взяв имя Абдулла, разошелся с женой — англичанкой Дорой и шокировал всех женитьбой на рабыне из Саудовской Аравии. Впрочем, впоследствии его сын Ким вполне уживался с двумя сводными братьями — Фаридом и Халидом.

Известно, что имя Ким было дано шестилетнему мальчику

отцом, наведывающимся в гости к семье, уехавшей из Пенджаба в Великобританию. Он любил сына и углядел в своем ловком в движениях и смекалистом сынишке явное сходство с персонажем романа «Ким», написанного в 1901 году Редьярдом Киплингом.

Итак, семья распалась. Отец оставался на окраинах, предпочитая общество саудовского короля и рабыни общению с семьей, осевшей в Великобритании. Так что влияния не было, хотя семейные привязанности оставались.

Ким искренне любил и почитал свою мать Дору. Стоило ей войти в комнату, как он мгновенно вскакивал. Но Ким любил и отца. Многовековая дворянская традиция, формировавшая личности и характеры, — великая вещь, и тут Ле Карре не ошибается: какие-то его черты унаследовал Ким. Среди них решительность, стремление к самостоятельности и к праву на собственное мнение, часто отличающееся от общепринятого. Определенное упрямство, умение сделать выбор и добиваться поставленной цели. Фотопортрет Гарри Сент-Джона в белой арабской одежде, остававшийся с ним все годы скитаний и вынужденных отъездов, украшал и до сих пор украшает квартиру его сына в центре Москвы.

Но Сент-Джон Филби до конца дней своих придерживался взглядов крайне правых. Есть и ссылки на то, что он, как потенциально представляющий опасность для своей страны, во время Второй мировой войны был интернирован. Некоторые исследователи даже клеймят его фашистом. Но именно борьба — причем насмерть — с фашизмом выковала того Кима Филби, которого мы знаем.

Да, сын самостоятельно выбрал совсем иную дорогу. Мне не хочется долго политиканствовать, описывая разразившийся в 1930-е мировой кризис, захлестнувший и старую добрую Англию. Перейду к сути, заключавшейся в том, что люди здравомыслящие попытались отыскать ответ на вечный вопрос «почему?». Единственной альтернативой мировому краху оставалась советская Россия, выбравшая свой, многим тогда казавшийся более удачным, социалистический путь. Марксизм, стремительная индустриализация некогда аграрной страны, выживание в одиночку и захватывающие воображение разговоры о построении нового общества вызывали симпатию к СССР и у части подрастающего английского истеблишмента. Идеи коммунизма, сформулированные еще англичанином Томасом Мором, а потом Карлом Марксом и Владимиром Лениным, виделись избавлением от в очередной раз попавшего в экономический тупик капитализма.

ЮПЕК
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР

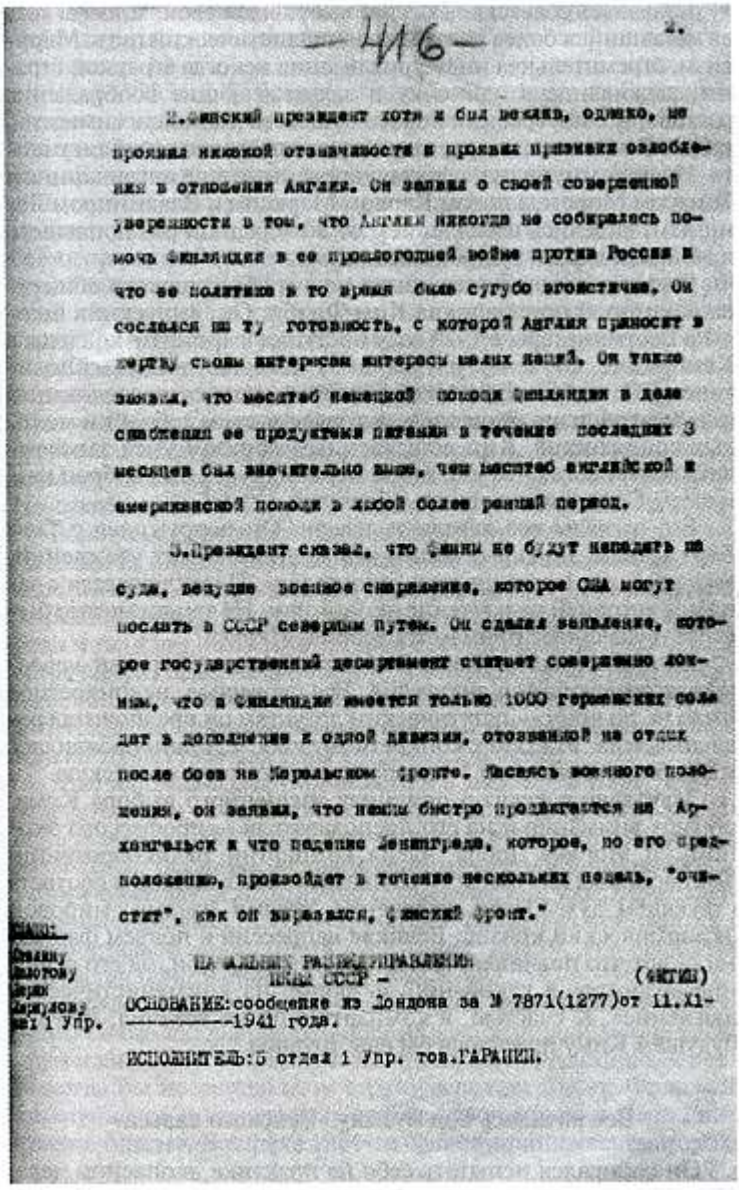
т.т. СТАЛИНУ, МОЛОТОВУ, БЕРИЯ

НКВД СССР т.МЕРКУЛОВУ

"РАССЕКРЕЧЕНО"
Служба внешней разведки РФ 10

Передаем содержание телеграммы № 4776 от 3 октября с.г. английского посла в США ГАЛИФАКСА в адрес министерства иностранных дел Англии, полученной Разведуправлением НКВД СССР из Лондона агентурным путем.

«1.Государственный секретарь прочитал мне ряд телеграмм от американского посла в Гельсингфорсе. Содержание их заключается в том, что правительство США сделало правительству Финляндии решительное представление с целью отговорить его от похода Германии, от продолжения войны, но безрезультатно. Правительство США также просило финское правительство сделать формальное заявление о его дальнейших намерениях. У американского посла создалось впечатление, что финский ответ будет мало отличаться от их ответа на недавнюю британскую ноту.



-416-

2.

2.Финский президент хотя и был весьма, однако, не проявил никакой ограниченности в проявах признаки освобождения в отношении Англии. Он заявил о своей совершенной уверенности в том, что Англия никогда не собиралась помочь Финляндии в ее прошлогодней войне против России и что ее политика в то время была сугубо эгоистична. Он сослался на ту готовность, с которой Англия приносит в жертву своим интересам интересы малых наций. Он также заявил, что масштаб немецкой помощи Финляндии в деле снабжения ее продуктами питания в течение последних 3 месяцев был значительно выше, чем масштаб английской и американской помощи в любой более ранний период.

3.Президент сказал, что Финны не будут нападать на суда, везущие военное снаряжение, которое США могут послать в СССР северным путем. Он сделал заявление, которое государственный департамент считает совершенно ложным, что в Финляндии имеется только 1000 германских солдат в дополнение к одной дивизии, отозванной на отдых после боев на Карельском фронте. Касаясь военного положения, он заявил, что немцы быстро продвигаются на Архангельск и что падение Ленинграда, которое, по его предположению, произойдет в течение нескольких недель, "очистит", как он выразился, финский фронт."

Сталину
Молотову
Берии
Маленкову
нач 1 Упр.

НА ЗАПИСКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ШТАБА СССР – (ФИТИН)

ОСНОВАНИЕ: сообщение из Лондона за № 7871(1277) от 11.XI-1941 года.

ИСПОЛНИТЕЛЬ: 5 отдела 1 Упр. тов. ГАРАНИН.

Сообщение из Лондона. Октябрь 1941 г.

В мучительном поиске была и элита британского общества, к которой принадлежал Ким Филби. Он, выпускник школы в Вестминстере, в 1929 году поступил в Тринити-колледж в Кембридже. Студенту, изучающему историю, выход из политического и экономического тупика виделся в следовании идеям марксизма, и он сделался завсегдатаем собраний молодых социалистов. Ким естественным образом умел завоевывать доверие, так что уже после первого курса был избран казначеем

Социалистического общества.

Его взгляды все левели и левели. Он подружился с Гаем Бёрджессом, не скрывавшим коммунистических убеждений, заглядывал в левый кружок «апостолов». Переключается с занятий историей на изучение экономики. Не там ли можно быстрее и удачливее применить теорию Маркса?

В то же время Ким не любил митингов, долгих речей, чересчур затягивающихся дискуссий. Все словесное, неконкретное было не по нему — патетическим лозунгам он предпочитал реальные дела. Эта тяга к конкретному впоследствии проявилась и в работе на разведку — как британскую, так и советскую.

Закругляя рассказ о причинах жизненного выбора Кима, обращу внимание и на его преподавателя — профессора экономики Мориса Добба, члена компартии Великобритании. Тот наставлял аккуратного слушателя своих лекций в соответствующем духе. Итак, увлечение левыми идеями; мировой экономический кризис; Великая депрессия и подъем фашизма — вот что повлияло, как писал потом Филби, на его решение «работать в какой-нибудь форме на коммунистическое движение». К счастью, в компартию он не вступил, иначе в будущем Киму пришлось бы еще труднее.

Все началось под музыку «Венского вальса»

Он собирался испытать себя на практике, в опасном деле. И приготовился к отъезду в Австрию, где уже вовсю развернулась борьба с фашизмом. Спокойная некогда страна находилась на грани фашистского переворота. Профессор Морис Добб дал ему рекомендательные письма к своим единомышленникам.

Шел 1933 год. В Вене — скопище беженцев из Германии, стремящихся перебраться подальше от нее и от Австрии. Бегут либералы, деятели искусства, евреи, которых ждут неминуемые концентрационные лагеря, все те, кого могут заподозрить в нынешних или прошлых левых взглядах, да и просто все, кто может и у кого есть силы бежать. В этом им помогает МОПР — Международная организация помощи революционерам. Молодой англичанин без устали колесит по Европе, ибо британский паспорт во многих странах чуть ли не сродни дипломатическому, избавляет от особых подозрений. Курьер МОПР Филби привозит и отвозит паспорта, деньги, письма, им же и написанные листовки и обращения — в Будапешт, в Париж, в Прагу… Он может в любой момент засыпаться, привлечь внимание пачками конвертов с документами. Даже несложным паролем для встреч, словно из букваря, — веточкой мимозы. Но судьба хранила Филби — он ни

разу не был задержан.

Вообще, как рассказывают люди его профессии, разведчики делятся на фартовых и нефартовых. Пользуясь современным языком, Ким с юности был фартовым. Тоже качество, штришок, без которого не обойтись в профессии. Один из героев моих книг, настоящий Герой говорил мне: тот, кто ходит, встречается, бегает с кирпичом[4] по городу, даже практически имеет больше шансов наткнуться на нечто интересное. У того, кто лежит на диване и лениво над ним посмеивается, шансы только теоретические. Ким встречался и бегал.

Этот длинный забег привел его и в любовную нишу. По совету друзей он поселился на квартире членов компартии. Их дочь Алиса в свои 18 лет уже успела и побывать замужем, и развестись, оставив себе фамилию мужа — Фридман. Алиса, которую все звали Литци, ярая коммунистка, уже отсидевшая в тюрьме, сначала помогала Филби в политической работе, а затем стала и постоянной спутницей жизни. Их брак был оформлен официально.

Правда, есть версия, будто к моменту заключения супружеского союза любовные отношения уже уступали место чисто дружеским, сугубо деловым. Ясно, что ждало Австрию — рейх никогда бы не оставил эту страну в покое. Литци Фридман, коммунистке и наполовину еврейке, оставаться в Вене было крайне опасно. В апреле 1934-го Филби принимает благородное решение: они становятся мужем и женой, а вскоре уезжают в Англию. Фридман спасена.

Но заметим, что Ким Филби не любил работать с женщинами. Предпочитал общаться с ними в других целях и в иной обстановке.

Литци жила в Англии и примкнула к компартии — теперь британской. Но семейный разрыв назревал. Ким и Литци, к разочарованию Доры Филби, мирно расходятся в 1939-м, в суматохе так и не оформив развод. Тут сыграли роль и другие обстоятельства: Филби, строивший из себя если не сторонника фашистов (тоже опасно!), то консерватора правого толка, рисковал, живя в браке с коммунисткой. Но добрые отношения сохраняются. Когда Филби находит жену уже после войны, Литци сразу же соглашается на расторжение брака.

Есть основания предполагать, что Ким и Литци долгое время, даже когда Ким обосновался в Москве, обменивались письмами, поддерживая друг друга. Она скончалась в глубокой старости, пережив Кима. Возможно, о Литци Фридман нам предстоит узнать еще немало интересного, но только позже, гораздо позже.

Вот и первое задание

А пока Ким в поисках работы. По совету советских кураторов он, словно бы искупая ошибки молодости, явно отходит не то что от коммунистов — от всех левых. Даже литература левого толка исчезает из его квартиры. Литци из каких-то своих источников, может, тех же, что и у Филби, узнает, чем занимается ее супруг. Из солидарности с ним она теперь не так афиширует свои коммунистические взгляды. Быть может, их пути сойдутся в одной общей точке? Нет, хотя они и двигались в одном восточном направлении, но разными, параллельными дорогами.

Сначала резидент Дейч, а затем сменивший его на короткое время Александр Орлов рекомендуют Филби попытаться устроиться в Форин оффис. И тут Филби ждет неудача. Близкий друг отца, который поначалу обещал дать весомую рекомендацию, отказывается, припоминая сыну Гарри Сент-Джона его марксистское прошлое.

Впрочем, неслучайно Филби носит оперативный псевдоним «Зенхен» — «Сынок». Благодаря отцу, исправно служащему саудовскому королю, он узнает о планах англичан создать военную базу на Ближнем Востоке и о согласии на это Ибн Сауда. Уже тогда, с первых шагов, дело, которому он предан, значит для него даже больше родственных отношений.

Вскоре Филби устраивается на работу в маленький журнал, что позволяет ему знакомиться и встречаться с самыми разными людьми, получать от них информацию. И вот он уже передает связнику список соотечественников в разной степени, но поддерживающих фашизм. Филби характеризует каждого, не забывая привести цитаты из их оценок фюрера.

Однажды ему чуть было не поручают выполнить «щекотливое» задание: в оперативных целях соблазнить секретаршу или стенографистку из секретариата морского министерства. Несколько рисковый и экстравагантный резидент Орлов полагает, что Ким справится. Но тут же из Центра приходит приказ: «Категорически запретить использование “Зенхена” для вербовки». В Москве поняли, что «подставлять» молодого журналиста, рисковать им ради незначительной вербовки не стоит. Разочарованный Орлов приказ выполняет, и «медовую ловушку», как называют это в разведках всего мира, послушно расставляет кто-то другой… Перед Филби стоит иная задача: проникнуть в британскую разведку. И ничего, что это не удается вот так, сразу. Центр согласен на терпеливое ожидание.

Вскоре Филби совершает свой первый шажок вверх. Благодаря помощи друга, изредка подбрасывающего ему

информацию, интересующую советскую разведку, он становится редактором небольшого журнала, пишущего о международной торговле. «Отто», вновь работающий с ним после отъезда из Англии Орлова, одобряет выбор. Удача явно улыбается Филби, он в определенной мере укрепляет свое положение в глазах истеблишмента и, главное, вступает в Англо-германское торговое общество. Ему удается сблизиться со значительной по количеству прослойкой сограждан, выступающих за укрепление торговых связей с фашистской Германией. Немецкие члены общества приглашают молодого редактора журнала в посольство, где «Зенхен» быстро обзаводится связями. Его даже представляют послу рейха Риббентропу, которому предстоит стать министром иностранных дел фашистской Германии… Встречи с ним продолжаются и в Берлине, куда Филби отправляется раз в месяц. Наступает день, когда через Риббентропа устанавливается связь и с министерством пропаганды, где правит Геббельс.

Филби быстро приходит к пониманию, что его Англии придется воевать с Гитлером. Поэтому важно соблюсти определенный баланс, чтобы в Лондоне к нему не приклеили соответствующего ярлыка. «Отто» соглашается с Филби. Он же морально помогает агенту справиться, пережить ту волну презрения, которой окатывают Кима его бывшие товарищи по левому движению.

Вскоре необходимость заставляет разведку и Филби идти на определенный риск. Продолжается гражданская война в Испании между республиканцами и сторонниками генерала Франко, и Центру хотелось бы знать от независимого источника, что происходит на стороне мятежников. Филби надо каким-то образом пробиться в Испанию, где он, конечно, обязан быть на стороне генерала. При этом он одновременно должен был решать несколько задач: собирать развединформацию, попытаться заинтересовать английскую спецслужбу своими связями, привлечь ее внимание и заставить выступить с предложением о сотрудничестве.

Стать пусть и временным, но корреспондентом какой-либо английской газеты, а затем получить визу в Испанию оказалось нелегко. С визой помог отец, действовавший через своего друга, который представлял в Лондоне интересы Франко. Но Филби надо было показать, что в Испанию он отправляется сам, по собственной инициативе. И пока предложений ни от одной из британских газет не поступает, он, чтобы как следует обосновать легенду, продает свои книги. На эти деньги «свободный журналист» и отправляется в Испанию. А как иначе объяснить, откуда взялись те средства, которые он на самом деле получил от

советской внешней разведки?

Три месяца в Испании не прошли даром. Сообщения Филби зашифровывал первым в своей жизни несложным кодом и отправлял в Париж якобы влюбленной в него юной деве. Однажды в Гибралтаре ему пришлось передавать информацию связнику. Ким знал, что это будет Гай Бёрджесс, которого он и рекомендовал в советскую разведку, а вот Гай поразился, увидев в условленном месте старого друга.

Затем последовали запланированное возвращение в Лондон, поиски солидного издания для работы в нем. По совету двух антиподов — связника «Отто» и отца — Филби отправляет статью с испанскими заметками в читаемый всеми «Таймс». Материал публикуют.

Тут я должен сделать небольшое отступление. Неслучайно в декабре 2010 года барельеф с изображением Филби помещен именно на стену старинного особнячка в центре Москвы, где находится пресс-бюро Службы внешней разведки. Филби был отличным журналистом! Его слог прост и в то же время изыскан. Читая материалы его коллеги по разведке Рихарда Зорге, я иногда тонул в витиеватости фраз и длинных, понятных лишь специалисту-международнику отступлениях. Филби же сразу выделяет в своих материалах основное, вокруг которого и крутится действие. Он исключительно конкретен. Не растекается мыслью по древу. Называет вещи своими именами. Его тексты на международную тематику и сегодня, спустя много лет, понятны читателю. Свои талант и энергию Филби отдавал разведке, однако сложись обстоятельства по-иному, он мог бы стать не только классным журналистом, но и писателем. Думаю, если бы Филби решился попробовать себя в любимом им жанре детектива, то какие тут Ле Карре или Юлиан Семенов! Равных ему бы не было.

С Испании и до своего бегства из Бейрута Филби работал в крупнейших национальных изданиях. А ведь британцы — строгие редакторы и требовательные читатели, «середнячка» бы долго не терпели. К тому же именно журналистские способности позволили Филби прийти в разведку.

Везет талантливым, своего упорно добивающимся. Так и в 1937 году обстоятельства играют на руку молодому журналисту — или разведчику. Один из работавших в Испании корреспондентов «Таймс» погиб, другой, рассорившись с начальством, хлопнул дверью. Да и мало кто из специальных корреспондентов рвался в испанское пекло.

И тогда Филби предложили короткую стажировку в «Таймс». Свои задания подготовила для него и разведка, дав условия связи

с резидентом в Испании Орловым. Не осталось в стороне и посольство Германии в Лондоне. Возведенный в ранг «сочувствующих», Филби получил рекомендательные письма к франкистам. Воспользовался Ким и своим знакомством с Риббентропом. Так что в 1937 году в Испании сторонники генералиссимуса Франко приняли корреспондента «Таймс» как важную фигуру. Уровень информации «сочувствующего» был гораздо выше, чем в первую командировку. Его больше не стеснялись, открыто говоря о связях с рейхом. Очень кстати пришлось и знакомство с офицером абвера, фактически руководившим немецкой разведкой в Испании. Надо признать, что из тогдашних сообщений Филби еще мало что рассекречено.

Конечно, Ким постоянно писал в газету. Он выработал собственный стиль. Его сугубо информационные отчеты были столь же насыщенны, как и оперативные сводки в Центр…

Миссия в Испании подходила к концу. Дважды он находился на грани гибели. Однажды в руки франкистов чуть не попали коды для связи, которые он по небрежности таскал с собой. Пришлось, применив особый маневр, незаметно проглотить тонкую бумажку.

В другой раз он вместе с тремя коллегами по перу ехал в открытом фургоне грузовой машины. Во время остановки почему-то пересел подальше от кабины водителя — и не зря. В машину попал снаряд, и все, кто был в грузовике, в том числе и пересевший на его место, были убиты. Ким отделался ранением. Провидение?

О произошедшем доложили самому Франко, и тот наградил корреспондента «Таймс» орденом. Такое «признание его заслуг» существенно расширило круг знакомых Филби, и вскоре ему удается получить данные о размере помощи, выделяемой франкистам из Германии и Италии. Первые поддерживали авиацией, вторые — пехотой.

Был и еще один смертельно опасный момент. Вызванный из Испании в Москву резидент Орлов, хорошо знавший Кима, сбежал в Штаты. В письме Сталину он клялся, что в обмен на безопасность оставшихся в СССР родственников обещает не сдавать ни одного советского разведчика и их источников. Что касается «Кембриджской пятерки», то слово было сдержано…

Из многолетних наблюдений я делаю обоснованный вывод: не получается успешного разведчика из тех, кому не сопутствует удача. И она еще долго шла рука об руку с Кимом Филби.

Ким вернулся в Лондон уже после того, как Гитлер напал на Польшу и началась Вторая мировая война. В «Таймс» его обрадовали, предложив находиться корреспондентом при штабе

английских войск на континенте. Некоторое время в редакцию потоком шли его репортажи из Франции, однако в июне 1940 года англичанам, французам и бельгийцам под натиском немецких войск пришлось эвакуироваться в Британию. Бегство из Дюнкерка было позорным. Филби тяжело переживал поражение. Но что оставалось? Пришлось ему возвращаться и «бросить якорь» в Лондоне.

Притом, хотя Филби и старался привлечь к себе внимание английских спецслужб, всячески показывая желание служить в разведке, здесь его усилия, как казалось самому Киму, пропадали даром. Уже трудился в разведке Гай Бёрджесс, был принят в контрразведку Энтони Блант, а Ким был еще только на пути к выполнению задания Центра. Однажды Гай даже обещал устроить ему важную встречу, но что-то сорвалось или затянулось…

Удача вдруг пришла к нему в лице Хестер Смидлей. Вряд ли Ким сразу распознал в корреспондентке «Дейли экспресс» давнюю сотрудницу СИС, вербующую, как и «Эдит», способных и талантливых в разведку — только в британскую. Она задавала вопросы, восхищалась ответами Кима, уверенно предсказавшего, что его Англии придется тяжело в схватке с немцами. Он ведь сам видел, как умело и безжалостно действовала в Испании фашистская авиация, как натаскивали франкистов немецкие инструкторы и как широко раскидывал сети в поисках новых и новых агентов их абвер. Впрочем, Ким забыл об этом разговоре, а вот Хестер Смидлей — нет.

Прошло немного времени, и коллега из «Таймс» сообщил, что Киму звонили из военного министерства от капитана Шеридана. Ким подумал, что грядет призыв в армию — он уже получал повестку, успел пройти медосмотр. Но Англия умела распоряжаться лучшими молодыми умами из истеблишмента и использовать их более эффективно, чем простое пушечное мясо.

Капитан Шеридан действовал по поручению Марджори Мэкси, возглавлявшей политическую линию секции «Д» Сикрет интеллидженс сервис (СИС) — разведывательной службы Великобритании. Разговор, или собеседование, сосредоточился на возможностях Филби организовать контрпропагандистские акции против наци. Ким был хорошо подготовлен к этому — хотя бы опытом своей работы в «Таймс». К тому же Мэкси навела справки у своих сотрудников, учившихся вместе с Филби в Кембридже. Не надо, видимо, объяснять, какую характеристику дал другу и соратнику Гай Бёрджесс…

Но много что было и против Филби. Во-первых, его левые взгляды в молодости. Во-вторых, жена-коммунистка, хотя он больше с ней не жил. И, наконец, — отец, которого, напротив,

подозревали в симпатиях фашизму.

Мы говорили об удаче, которая обязательно должна быть на стороне разведчика. И Филби повезло. Его не стали проверять по всем направлениям — уж слишком суровое наступило время. Ограничились, видно по всему, официальной, рутинной проверкой. Да и антифашистские взгляды в 1940 году кому-либо в укор было не поставить. Так что Филби буквально проскользнул в узкую щель.

Организуемая в СИС разведывательно-диверсионная школа должна была готовить агентов-диверсантов, которые также должны были вести пропаганду против рейха на территории оккупированных немцами государств.

Рассекречено: разведка по Филби

Эта глава написана самим Кимом Филби — она закончена в сентябре 1964 года в Москве, после бегства из Бейрута. Вряд ли эти записки, публикуемые впервые, предназначались для печати: скорее, это нечто типа дневника, написанного по горячим следам, — впечатления Филби о его деятельности в Сикрет интеллидженс сервис.

Текст рассекречен Службой внешней разведки России осенью 2011 года — специально для книги «Ким Филби» в серии «Жизнь замечательных людей».

Привожу записки без всяких поправок.

РАССЕКРЕЧЕНО

Служба внешней разведки РФ

Совершенно секретно
Экз. № 2
Перевод с английского

Летом 1940 года, вскоре после падения Франции, разведка из романтических грез стала сферой моей деятельности. Романтика работы в разведке была создана судорожным чтением с детства детективных рассказов. Некоторые писатели пытались давать изложение фактов из своей собственной деятельности. Одним из таковых был Джордж ХИЛЛ, который написал книгу «Gospy the Land»[5], где с разоружающей откровенностью описана его подпольная деятельность в России. За это он получил довольно

забавное прозвище — «Евнух Стамбула», которое дал ему Деннис УИТЛИ. Впоследствии ХИЛЛ стал моим коллегой и другом. Другие писатели, как, например, Бучан (BUCHAN) и Валентайн Уильямс, печатали чистейшую фантазию. Но принципы обеих школ писателей были основаны на том, что шпионы, работающие на Англию, — прекрасные парни, окончившие частные школы, а возможно, и военную школу в Сандхерсте[6], в то время как наши противники — негодяи и мерзавцы. Так, БУЧАН заставил страдать очаровательную баронессу фон Линем, сравнив ее с отвратительным БЛЕНКИРОНОМ — американцем, страдающим расстройством желудка. И только совсем недавно Ян ФЛЕМИНГ набрался смелости отказаться от этого правила и создал своего героя — Джеймса БОНДА, которого изобразил еще более отталкивающим, чем чудовище, которое должно было быть уничтожено. Говорят, что таким трюком Ян ФЛЕМИНГ, в отличие от других писателей, заработал кучу денег.

Мои первые несколько месяцев работы в СИС не принесли мне ничего нового. Мне сказали, что я прикреплен к секции «Д» (подрывная работа), и конверт с десятью необлагаемыми налогом пятифунтовыми банкнотами ежемесячно попадал ко мне. Но я почти не понимал, в чем заключались мои обязанности, был почти уверен, что большинство моих коллег были в таком же положении. В отделе ходили таинственные разговоры о «железных воротах» на Дунае, как будто это были запертые ворота на канале Риджент, и о диверсии на бакинских нефтепромыслах с целью лишить Германию нефти и заставить ее сдаться. Так как я видел бакинские нефтепромыслы, то я мог лишь отдать должное воображаемым героическим подвигам тех, кто вынашивал планы «их взрыва».

Наслушавшись таких разговоров, я перебрался в только что образованную учебную секцию (трудно представить, но это факт, что сотрудники английской разведки и их агенты не проходили никакой подготовки до 2 мировой войны) и вскоре оказался прикрепленным к странной экспериментальной учебной станции около Хертфорда.

На этой станции собралась горсточка инструкторов, одним из которых был Джордж ХИЛЛ, и, возможно, десятка три студентов: бельгийцев, норвежцев, испанцев и одного австрийского неомарксиста, который раз в неделю отказывался от выполнения своих обязанностей в знак протеста против милитаристского характера лагеря. Здесь, так же как и в Лондоне, мои обязанности были очень неясными, неясными до того, что один испанец после долгого раздумья решил, что я являюсь политическим комиссаром школы. Это был деморализующий период, и только

позднее я узнал, что наш регресс или застой был вызван капитальной реорганизацией службы, к которой я принадлежал, СИС — традиционная шпионская служба — освобождалась от своей смущающей подрывной секции, которая с тех пор стала называться Секцией специальных операций 2 (SO-2) (саботаж) в противовес Секции специальных операций 1 (SO-1) (черная пропаганда). Отделение SO-1 и SO-2 позднее закончилось тем, что первая превратилась в исполком политической войны (P.W.E.), а вторая — в исполком специальных операций (S.O.E.).

Нет необходимости говорить, что этому разделению предшествовала безжалостная чистка отдела «Д», которой подверглись сам начальник отдела, вездесущий королевский инженер, и (случайно) Гай БЁРДЖЕСС. Люди, которые подверглись чистке, вскоре нашли название новой организации, из которой их выжили — «Отбросы и помои». Чистка меня не затронула из-за моей незначительности, и безо всяких формальных уведомлений я был переведен в СОЕ. Мой конверт с 50 необлагаемыми налогом фунтами продолжал поступать ко мне. Единственная неприятность, которая случилась со мной в этот период, была потеря револьвера, который был выдан мне по какой-то необъяснимой причине. Его украли из кармана на дверце служебного автомобиля, которым я пользовался в личных целях в Сохо. С чувством вины (я думал, что правила в этих делах очень строгие) я доложил о потере офицеру, который выдавал оружие. Он спросил, расписывался ли я за пистолет, и я, боясь, что мой ответ еще больше усугубит мою вину, ответил, что нет. Его ответ был краток: «О.К., забудь об этом, понял?» — и он занялся более важным делом.

Новый начальник SO-2 оказался предприимчивым человеком в «мебельном деле» и поэтому не удивительно, что вскоре мы переехали в новые здания (меньше 100 миль от жилища Шерлока Холмса) и начали заполнять бумагами огромное количество столов и шкафов. С новым начальником пришел поток банкиров и владельцев нефтяных акций, горящих желанием показать солдатам, как надо служить в интересах бизнеса. Нет нужды говорить, что все они один за другим откатились в сторону. Установившийся взгляд на то, что все армейские офицеры, за незначительными исключениями, недостаточно умны, нуждается в коренном пересмотре. Когда дело доходит до интриг или личного продвижения по службе, они могут дать очко вперед городским умам.

Мои надежды на то, что после реорганизации я останусь в Лондоне, не оправдались. Я все еще был инструктором и из-за этого мне пришлось переехать на еще более отдаленную станцию

в Болью (Beaulieu). Оказалось, что положение в этой школе в корне отличалось от положения в Хертфорде. Начальник нашего лагеря был молодым способным офицером, и его помощники, с единственным ужасным исключением в лице офицера безопасности, были молодыми и энтузиастами своего дела. Их единственным недостатком было отсутствие личного опыта в деятельности, которой должны были заняться их студенты.

Частично этот недостаток восполнялся усердной и большой мыслительной работой, и вскоре школа и ее выпускники внесли серьезный вклад в создание и укрепление сил, которые впоследствии стали известны как силы европейского сопротивления. Это, однако, было уже после меня.

В Болью, впервые с момента поступления на службу, мне был выделен определенный участок работы. Я был назначен инструктором по вопросам политической диверсии и подпольной пропаганды — вопросам, в которых я был более компетентен, чем думало мое начальство. Но вскоре стало очевидным, что хотя я обладал достаточными знаниями по этим предметам, я был безнадежно неспособен как инструктор. Одно дело написать всё на бумаге, другое — передать это «зеленым» студентам. К тому же были и более серьезные недостатки в моем положении. Я был далеко от Лондона, и визиты туда, необходимые по службе, были редкими. Более того, обучение представляло слишком уж узкую сферу для активной работы, и мне хотелось попасть в Центр.

В начале 1941 года я стал подыскивать себе место или в штабе СОЕ, или же в СИС. Я отдал предпочтение последнему, так как СИС казалась более постоянной и надежной организацией, где можно было приложить свои силы. Как сказала одна ни в чем не сомневающаяся дама, работавшая и на СИС, и на СОЕ: «Если уж работать в организации, то пусть это будет проверенная организация».

СИС, хотя она и существовала меньше тридцати лет, выглядела неказистой по сравнению с процветающей СОЕ.

Мои щупальцы вскоре натолкнулись на что-то существенное. Контрразведывательная секция СИС, секция 5, получила значительно возросший бюджет. Эта секция всегда была «козлом отпущения» СИС, и необходимость ее расширения была давно признана. Решающий толчок был дан МИ-5, которая являлась основным потребителем разведывательных материалов секции 5. МИ-5 все больше и больше проявляла недовольство той скудной информацией, которую она получала, и стала угрожать взять на себя функции разведки за границей. Некоторые сотрудники СИС поняли опасность разведения бюрократии в случае, если бы МИ-5 взяла на себя функции разведки за границей, и результатом этого

явилось расширение секции 5.

В то время Испания была одним из основных центров германского шпионажа против Англии и США. Новая структура секции 5 включала в себя подсекцию из шести сотрудников для работы против противника на Пиренейском полуострове.

В то время я знал в этой области не меньше других, так как работал корреспондентом газеты «The Times» во франкистской Испании и поэтому без особых трудностей сумел занять пост начальника новой подсекции. Через несколько недель я понял, что попал на «большую дорогу». Но еще не осуществилось мое желание работать в Лондоне, так как секция 5 базировалась в то время на окраинах St. Alban. Но это было намного ближе к Лондону, чем от Болью. По работе требовалась тесная связь с МИ-5 и, по крайней мере, раз в неделю нужно было осуществлять личный контакт с сотрудниками Центра. Необходимо было также поддерживать связь со Службой радиоконтрразведки, которая занималась перехватом шифровок противника, и с Правительственной школой кодов и шифров, которая занималась их расшифровкой. Архивы СИС (плодотворное поле для исследований) были совсем рядом. И, наконец, не нужно было рыскать, чтобы получить информацию о моей собственной службе и ее деятельности. Через мой стол проходило столько материала, сколько я только мог обработать. Но как бы ни рано я начинал работать, всегда оставалась толстая папка с документами, которые я брал домой для просмотра в утренние часы. Конечно, это было строго запрещено, но все, включая и моих боссов, делали это.

Просто страшно подумать, как ужасно было поставлено дело с точки зрения безопасности. Но с этих пор я почувствовал под ногами твердую почву и понял, что я начинаю делать успехи. Немного более чем через год после моего поступления в секцию 5 я почувствовал себя достаточно сильным, чтобы пойти против начальника секции. Эта борьба окончилась переводом нашего подразделения в Лондон, где нас разместили по соседству с МИ-5 и в нескольких минутах ходьбы от штаб-квартиры СИС.

Характерной чертой секции 5 в то время было полнейшее отсутствие обучения, за исключением коротких инструктажей за обеденным столом. Если бы не мой секретарь, который проработал в службе несколько лет, я бы попал в серьезную беду из-за своего чрезмерного энтузиазма. Так, например, я провел несколько счастливых месяцев, давая указания сотрудникам паспортного контроля отказывать некоторым лицам в выдаче виз (не мое дело) и сотрудникам службы безопасности Министерства обороны на британских территориях за границей производить

аресты (тоже не мое дело). Однажды около двенадцати человек ссадили с судна «Кабо де Хорпос» в Тринидаде, и лишь через несколько лет я узнал, что мои действия основывались на ошибке шифровальщиков и что только один из двенадцати оказался виновным. И что самое удивительное, МИД Англии всегда мужественно защищал нас, твердо отвергая представления из нейтральных государств о совершении незаконного ареста.

Успех нашей работы против немецкой разведки обеспечивался службой перехвата и шифровальной службой. За небольшими исключениями, разведывательная работа наших оперативных подразделений стала придатком технических служб. Развитие криптографических служб началось с появления разведывательной службы Оливера Стрэчи (I.S.O.S.). которая дала нам значительную информацию о работе радиослужб абвера. Все остальное мы получили от разведывательной службы Нокса (Knox) (I.S.K.). В обоих случаях службы названы именами искусных шифровальщиков.

Задолго до окончания войны мы получали огромное количество информации так же быстро, как и сами немцы.

Изучив массу материалов о деятельности немецкой разведки в Испании, я мог сделать единственный вклад в работу нашей контрразведки. Я предложил, чтобы МИД Англии проинструктировал или, скорее всего, попросил сэра Сэмуэля ХОРА (Samuel Hoare). посла Англии в Мадриде, выразить протест генералу ФРАНКО в связи с нарушением испанского нейтралитета сотрудниками и агентами немецкой разведки. В протест должно быть включено заявление о структуре и деятельности немецкой агентурной сети с указанием имен, адресов и т. д. и требование о наказании или изгнании из страны виновных. Мы не были уверены, что Франко выполнит все условия, но абсолютно не сомневались, что он информирует об этом Генерального Директора службы безопасности, а тот, в свою очередь, сообщит об этом немцам. Все остальное должно было произойти своим чередом. Немцы должны были понять, что несмотря на то, что работа разведывательной службы должна быть конспиративной, конспирация в их работе была иллюзией.

Единственной трудностью было убедить моих шефов в том, что это хорошая идея. Обычно материал, полученный из криптографических источников, считался очень деликатным и очень редко использовался для проведения каких-либо акций. «Так зачем же наживать неприятности», — частенько упрекала нас МИ-5. К счастью, МИД Англии, руководствуясь своими собственными соображениями, не хотел избегать столкновения с генералом, а мое предложение дало Сэму ХОРУ прекрасную

возможность «разыграть одну из сцен», на которых держалось его тщеславие.

Меморандум отослали, тщательно законспирировав источники получения информации, Сэм ХОР, убежденный, что вся информация, упоминавшаяся в меморандуме, получена его посольством, нарядил сотрудников посольства в одинаковую форму и в их сопровождении вручил протест с завидной твердостью (он мне почти нравился в течение недели). Результаты были точно такими, какими они и должны были быть по нашему предположению. Строительство одного из немецких объектов, предназначавшегося для ночного фотографирования кораблей, проходящих через Гибралтарский пролив, так и не было закончено. Остатки абверовской агентурной сети в Испании походили на голого человека, бегающего в поисках полотенца.

Наш окончательный триумф пришел с перехвата телеграммы из Мадрида в Берлин, в которой говорилось, что англичанам удалось раскрыть немецкую агентурную сеть «наверняка агентурным путем». Единственным недостатком в нашей операции было наше уважение к немецкой разведывательной службе.

Успех этой операции, подобная вторая была проведена в Лиссабоне, намного упрочил мое положение в СИС и сделал даже больше, так как о ней стало известно в других кругах, Сэм ХОР был в восторге, МИД Англии был доволен. Сотрудники службы радиоперехвата и шифровальщики радовались, что наконец-то их материал был так хорошо использован. МИ-5 была довольна более либеральным подходом к использованию в подходящей форме материалов криптографической службы. Мои шефы получили много похвал, а я получил повышение.

В сферу моей деятельности была добавлена территория Северной Африки, и я стал вторым заместителем начальника отдела. Мое положение еще больше упрочилось.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление, чтобы затем перейти к изложению дальнейших событий. Я проработал в секции 5 лишь несколько недель, когда была успешно осуществлена деликатная операция РУЗВЕЛЬТА против японцев. Ее первым зримым результатом было прибытие в Сент-Олбани двух оперативных работников из ФБР, которые подобно паре пулеметов на все лады расхваливали успехи их организации.

Мой босс, начальник секции 5, уже «цапался» с ФБР. Характерной чертой его дьявольской энергии и ошеломляющей самоуверенности было то, что он, не колеблясь, мог скрестить мечи с Дж. Эдгаром ГУВЕРОМ, искусным политиком. Он относился к представителям ФБР с вежливой осторожностью.

Двое уехали, оставив после себя дух Америки. Они очернили Госдепартамент, Военный и Военно-морской департаменты. По их рассуждениям выходило, что, если бы не ГУВЕР, США давно бы были колонией японцев. Они даже ни словом не обмолвились о заслугах генерала ДОНОВАНА и стратегической разведывательной службе США (O.S.S.). Однако вся информация поступала как раз из O.S.S.

«Дикий Билл» (Wild Bill) собрал вокруг себя странный контингент йельских профессоров, юристов и страховых агентов. Они прибыли в Сент-Олбани. Мой босс видел прямую выгоду в сотрудничестве с новой организацией, которую можно было использовать в своих интересах.

С некоторым удивлением я узнал, что он организовал всё так, что едва оперившееся контрразведывательное подразделение O.S.S. пользовалось привилегией доступа к материалам, полученным из криптографических источников. Таким образом, они были поставлены на один уровень с нашей организацией, МИ-5, Правительственной школой кодов и шифров, службой радиоконтрразведки и другими.

Представление об их квалификации можно получить, проанализировав поведение их первых представителей в Лиссабоне. Некий Рэй Оливьера зашел к нашему человеку и представился сотрудником O.S.S. Когда его попросили предъявить документы, он открыл папку — она была полна долларов. Его преемник ДИ ЛЮСИЯ был еще хуже.

Когда сотрудники O.S.S. окончательно установили с нами контакт (их поведение было в то время раздражающе унизительным), они запросили наше мнение о качествах, которыми должен обладать их представитель в Лиссабоне. Мы сообщили об этом нашему человеку в Португалии. Его ответ был точен: «Пусть пошлют (ради Христа) человека по имени СМИТ». Нет надобности говорить, что даже у животных бывают неприятности. И сейчас O.S.S. /ЦРУ — не бумажный тигр (хотя они и потерпели поражение в борьбе с Госдепартаментом по вопросу о М.НУ / /M.Nhu/).

После представителей O.S.S. и ФБР нас иногда навещали отдельные сотрудники военной и военно-морской разведок США. В то время это сотрудничество приносило нам только разочарование. Наши контакты с O.S.S. были вынужденными, но доброжелательными, с ФБР — официально далекими, но лично приятными.

Первый представитель ФБР у нас и МИ-5 был высоким и красивым человеком, курящим трубку, приводящим в отчаяние всех наш секретарш. Положение изменилось, когда приехал его

преемник: теперь уже он сходил с ума от всех наших секретарш. Перед игрой в гольф он всегда напивался и заявлял, что он никогда не чувствует себя плохо после пьянок.

А теперь следует остановиться на развитии событий первостепенной важности. Задолго до падения Германии старшие офицеры стали заглядывать в будущее, стремясь найти перспективы возобновления их предвоенной деятельности против СССР и коммунистического движения. Было решено создать внутри организации небольшую секцию, чтобы подготовить почву для переключения с работы против противника — Германии на работу против союзника — СССР.

Для направления работы этой секции в СИС был взят состарившийся сотрудник МИ-5. Он начал работать, имея в распоряжении мизерные средства. Он собирал информацию, анализировал ее и предлагал пути будущей деятельности. Работал он уже не лучшим образом, не добивался направления ему необходимых кадров и оборудования и жаловался, что никто никогда не отвечает на его запросы. С самого начала было абсолютно ясно, что его назначение — временное и в конце концов его должны заменить кадровым сотрудником СИС. Но стоял вопрос: «Кем?»

По мнению моего босса, не было ни малейших сомнений в том, что именно ему, кто руководил всей контрразведывательной работой за рубежом против стран Оси, предложат эту работу. Однако после осторожной консультации с другими заинтересованными лицами я подумал, что этот пост нужно занять мне самому. Взвесив все «за» и «против», я решил, что и у меня, по крайней мере, есть шансы на успех.

Я уже указывал, что в течение всей войны мой босс боролся против МИ-5, Радиоконтрразведывательной службы и Правительственной школы кодов и шифров в Англии, а также против ФБР в США, и только близорукий или неосторожный человек мог делать это. Я должен также сказать, что у него был внутренний, возможно более опасный враг, а вскоре он нажил себе и другого.

В своем единоличном стремлении к власти он пренебрег интересами своего титулованного босса, заместителя начальника разведки, и настоял на том, чтобы иметь дело с самим начальником. Заместитель начальника презирал своего подчиненного, но у него не хватало характера призвать его к ответу. Он стоял за кулисами сцены, кусал ногти и постоянно смахивал слезу, катящуюся из уголка левого глаза. Казалось, что он, возможно, сможет действовать, если кто-нибудь придаст ему мужества.

Важным было то, чтобы не я сам пробивал себе дорогу к посту, а заместитель начальника СИС был идеальным орудием для этого. Мой расчет оправдался. Я стал искать с ним встреч и сводить все разговоры к вопросу о новом антисоветском, антикоммунистическом подразделении.

Я высказывал предположение, что работа в этом отделе потребует всесторонних усилий, что работать против советских служб не так просто, как против немецких. Эта работа вызовет необходимость теснейшего контакта между всеми заинтересованными службами: СИС, МИ-5, службой радиоперехвата, криптографами. В противном случае мы представляли удобную мишень для врага.

Зерна пустили корни. Очень скоро заместитель начальника нашел меня и стал ныть об ужасных отношениях, которые существовали между СИС, МИ-5 и другими службами. Он хотел, чтобы я высказал предложения по нормализации обстановки, но по причинам, вытекающим из линии моего поведения, я воздержался от этого.

Примерно в это время последний гвоздь был вбит в гроб моего босса, и сделал это он сам. Дело в том, что он еще раз поссорился с Дж. ЭДГАРОМ ГУВЕРОМ и в порыве негодования составил проект письма, которое, по его предположению, начальник СИС должен был направить прямо ГУВЕРУ Письмо, составленное совсем не в дипломатических выражениях, обвиняло ГУВЕРА в том, что он пренебрегает разведывательными интересами ради своих политических амбиций, и содержало много обвинений в делах, подобных первому.

Но прежде чем письмо попало к начальнику СИС, оно очутилось на столе советника МИД при СИС, и последний сразу же увидел непригодность данного письма. Он вызвал заместителя начальника, который заявил, что он ничего не знал о письме, и предложил, что он сам переделает его. Однако вместо этого он принес письмо мне. Я сказал, что не могу исправлять письма своего непосредственного начальника без разрешения начальника СИС. Он ответил, что такое разрешение есть. Поэтому я полностью переделал письмо, изменив его форму и содержание. Новый проект письма попал к советнику при СИС, и затем начальник еще отправил его. Таким образом, мой босс восстановил против себя и МИД Англии.

Вскоре после этого заместитель начальника СИС вызвал меня к себе и начал разговор с того, что заявил, что он имел очень много важных консультаций с начальником службы. Я знал, что последует дальше. Хотя начальник службы и не был кадровым разведчиком, он обладал чутьем ко всем происходящим в отделе

интригам и не мог не знать о той неприязни, которую вызвал к себе мой босс.

Очень осторожно (что было его привычкой) заместитель начальника спросил меня, готов ли я возглавить новую антисоветскую, антикоммунистическую секцию. Я ответил, что готов, но при одном условии: начальник службы должен сначала получить согласие на это всех заинтересованных служб и департаментов, так как я не мог работать успешно без их доверия. В конце концов отсутствие доверия с их стороны и вызвало падение моего босса.

Начальник службы считал идею хорошей по другим причинам. Это сильно укрепило бы его положение в случае, если что-либо случилось в будущем, так как он смог бы заявить, что назначение не было сделано необдуманно, а лишь после получения одобрения со стороны других служб.

Таким образом, я вступил на пост с письменного одобрения МИ-5 и МИД Англии и устного — других менее заинтересованных служб.

Мое новое назначение вызвало период усиленной активности и непревзойденного интереса, но так как прошло много времени, не стоит вдаваться в детали. Кроме выполнения текущей работы я, как старший офицер контрразведки в СИС, был вынужден выполнять и другие функции. Я участвовал в работе мандатных комиссий, комиссий по назначению, межведомственных разведывательных комитетов. Я был также членом комитета, созданного начальником службы по выработке рекомендаций лая организации работы в мирное время. Комитет работал долго и, по моему мнению, хорошо. Возможно поэтому его рекомендации в большинстве случаев не учитывались.

В последние месяцы войны и после поражения Германии интересы СИС изменились. Во время войны контрразведывательная секция была «козлом отпущения» службы. Старшие офицеры, участвовавшие в операциях наступательной разведки, открыто выступали против предоставления фондов секции 5, мотивируя это тем, что «контрразведка не способствует поражению Германии».

Но с исчезновением германской угрозы операции наступательной разведки потеряли часть своего блеска. Советский Союз (основной противник) был защищен очень хорошо, так как советские власти никогда не разделяли беспечного отношения англичан к контрразведке. Поэтому трудно было ожидать легких успехов. В то же время было признано, что советские разведывательные организации одержали значительное число побед в прошлом и, возможно, все еще одерживали их. В

результате этого стало сравнительно легче получать необходимые ссуды и кадры для контрразведывательных целей, и новая секция, появившаяся в результате реорганизации СИС, вскоре стала самой большой в службе. Сотрудники, которые были вызывающе пренебрежительны к контрразведке во время войны, стали приглашать меня на ланч.

В добавление к сравнительно высококвалифицированному персоналу контрразведывательной секции были заложены принципы для обеспечения большей эффективности в работе. Одним из правил было то, что все сотрудники СИС, работающие за границей, должны были пройти стажировку в контрразведке, где особый упор делался на деятельность советской разведки. Постепенно это правило стало выполняться.

Для меня это означало частые поездки за границу для ознакомления резидентов с новыми требованиями и прикрепление к моей секции сотрудников линейных отделов на срок от двух недель до трех месяцев. Больше внимания стало уделяться контрразведке в учебном директорате, и я подготовил для него курс лекций по марксизму-ленинизму, политике СССР, структуре и методам работы советских разведывательных организаций и т. д.

Нашим основным недостатком было невежество. Вспоминая прошлое, забавным кажется, что в то время мне было запрещено сотрудничество с американцами в делах, направленных против Советского Союза.

Англо-советский договор был еще в силе, а Эрнст БЕВИН еще не поссорился с Советским Правительством. Политически опасным было сотрудничать с одним союзником против интересов другого (это заключение не относилось, конечно, к более слабым союзникам, таким как Франция, против которых англо-американское сотрудничество было постоянным).

Я приветствовал запрещение англо-американского сотрудничества в этом вопросе.

В то время O.S.S. не была такой угрожающей и зловещей силой в определении политики США, какой стало ЦРУ в настоящее время. Это запрещение давало мне возможность работать вместо того, чтобы тратить время, обменивая хорошую информацию на плохую. К чести сотрудников O.S.S. следует сказать, что они никогда не ослабляли своих усилий в попытках обойти этот запрет. Когда прямая атака на нашу секцию окончилась неудачей, они выработали особый курс действий и завалили меня предложениями и приглашениями. Начальник нашей службы разобрался во всем и предложил мне есть и пить за счет O.S.S. как можно больше. В настоящее время положение

изменилось. СИС и ЦРУ поддерживают тесный контакт, и условия сотрудничества диктуются ЦРУ.

Когда я писал выше об обмене хорошей информации на плохую, я не имел в виду, что вся информация СИС была хорошей. Наоборот, возможно, большая часть времени тратилась нами на отбор ложной и вымышленной информации.

Иногда казалось, что все антикоммунистические элементы в Западной Европе объединены в одну огромную организацию, выдающую дезинформацию, и невозможно было не подозревать, что все это инспирировано советскими разведывательными органами с целью обескровить нас и выжать из нас деньги, энергию и терпение.

Была, например, блистательная дама, известная своим французским и английским коллегам по секретной работе под именем ПОЗ (POZ) — дама, прямо из романов Бальзака, способная сразить любого мужчину блеском своих огромных глаз. Раз в неделю, а иногда, к моему ужасу, и два она доставала копии напечатанных на машинке инструкций советского посольства для ЦК КПФ. И таким разрушающим было влияние тех глаз на начальника службы, что я был вынужден читать эти донесения лично и затем осторожно делать по ним комментарии. Источник, по сообщениям ПОЗ, занимал высокий пост в КПФ. Мой начальник долго гадал, кто же это — Бенуа ФРАШОН? ДЮКЛО? Или сам ТОРЕЗ? Замечательная женщина!

И только из благочестивых мотивов я надеюсь, что ПОЗ умерла и, умирая, не раскрыла, как здорово она служила коммунистическому курсу, заставляя нас тратить время впустую. И снова, как и в случае с O.S.S. / ЦРУ, необходимо сделать корректирующее добавление: работа СИС против СССР стала в настоящее время более гибкой, и все операции проводятся более утонченными методами.

После войны в целях экономии было решено, что все сотрудники СИС должны быть взаимозаменимы, как в армии (это решение было частично вызвано также тем, что первым начальником СИС после войны был бывший директор военной разведки Военного министерства). В связи с этим все сотрудники должны были получить опыт разведывательной и контрразведывательной работы как в Центре, так и за рубежом.

Как я и ожидал, мое имя появилось в комиссии по назначениям, где было решено, что я должен начать свое заграничное турне со Стамбула.

Абсолютно очевидно, что я с большой неохотой сдал свои командные позиции в Центре. Но это было неизбежно, и я мог бы получить худшее назначение, чем в Стамбул.

Турция в то время была и является сейчас одной из основных баз для проникновения в СССР и страны Балканского полуострова и проведения там разведывательной и подрывной работы. Мое назначение туда давало мне возможность применить на практике тот опыт, который я получил в Центре. Единственное, о чем я сожалел, это то, что мое место в Лондоне занял некий Бригадир, который больше был известен за публичные склоки, чем за разведывательные способности. Но худшее скрадывалось за счет деятельности прекрасного заместителя, которого прозвали «Мозги Брига».

Если посмотреть на карту, то кажется, что Стамбул занимает выгоднейшее положение для проникновения в СССР и Балканские страны. Если же взглянуть на него с Таксимской возвышенности, то перспектива эта не кажется столь блестящей. И самым большим препятствием был наш партнер по контрразведке — Инспекторат безопасности Турции, с которым мы были связаны неписаным договором о честном сотрудничестве. Турецкой службе не хватало опыта работы, и методы ее работы были примитивны. И хотя в вопросах разведывательной деятельности мы были старшим партнером, мы всегда зависели от младшего, когда дело доходило до практики.

Турция в то время была закрытой страной с множеством военных зон, запретных для иностранцев. Границы зон никогда не публиковались и могли быть легко изменены, чтобы не допустить нас куда-либо без детально обоснованной причины. А перебросить агента через границу Грузии с базы, расположенной в 750 милях от границы, было невозможно. Всё должно было делаться путем обмана и подкупа турков.

Достаточно будет одного примера, чтобы проиллюстрировать трудность такой задачи. Вскоре после моего прибытия в Стамбул я запросил Центр рассмотреть возможность предоставления нам быстроходного судна для переброски агентов в Советский Союз морем в район Батуми. В ответ я получил задание переговорить с турками о предоставлении нам баз около Хона в обмен на всю информацию, которую мы сможем получить в результате такой операции. Я поехал в Анкару, чтобы обсудить этот вопрос с главой Инспектората безопасности (им оказался человек с бочкоподобным телом и лицом как у жабы). Он очень заинтересовался моим предложением, и его ответ был обнадеживающим… но только наполовину. «Ну, конечно, — сказал он, — вы дадите нам лодку, мы забросим агентов и дадим вам информацию». Центр сразу потерял интерес.

Как же мы получали агентуру и информацию? Правдивый ответ на эти вопросы удручающий.

1. После войны значительное число разведчиков стран Балканского полуострова осели в Стамбуле. Они заявляли, что в их странах остались организации для сбора информации в пользу западных держав. Они ревниво оберегали свою, якобы существующую агентурную сеть, и нельзя было удержаться от чувства, что все эти организации вымышлены. Когда американцы, в результате доктрины ТРУМЭНА, активизировали свою деятельность в Стамбуле, эти сотрудники-невозвращенцы заметно оживились. Вскоре интерес Лондона к их информации резко упал, так как развитие технических служб дало возможность определять степень ее достоверности.

2. В Стамбул перебирались горстки невозвращенцев аристократического и буржуазного происхождения, которые вскоре приспособились к местным условиям и стали заявлять, что в своих странах у них остались разведывательные группы, которые они готовы продать по очень высоким ценам любой разведке, которая их купит. Но мечтам, возникшим в результате этих заявлений, не суждено было осуществиться в мое время. Быстрый анализ некоторых разведывательных групп показал, что все они были «созданы» в периоды после успешных преследований девушек в казино.

3. Более серьезными были попытки проникнуть в СССР через восточную границу, но они были безуспешны. Мы полностью зависели от эмигрантских центров в Париже, которые поставляли нам агентуру для заброски в СССР, и особенно от грузинских эмигрантов, преданных старому ЖОРДАНИЯ. Совершенно ясно, что мы могли посылать через границу только молодых и здоровых людей, и также неизбежно было то, что они не знали советской действительности, так как родились за границей или выехали из России еще в детстве. Кроме того, турки создавали нам всяческие препятствия. Они разрешали нам вербовать грузин, инструктировать и обучать их и сопровождать вплоть до Эрзерума. Но дальше все переходило в руки турецкой службы.

В мое время ни один из агентов, заброшенный таким способом, не вернулся. Я также вспоминаю в целом положительные опыты с фотографированием на большом расстоянии советской территории с турецкой границы. Это отняло у нас несколько недель, но полученные снимки, например Еревана, были так же хороши, как и те, которые выставлены в витрине «Интуриста» в Лондоне.

И хотя, может быть, вышеуказанное написано в легком стиле, воспринимать это надо со всей серьезностью. С 1947 по 1949 год, то есть за период моей службы в Турции, мы не достигли успехов в деятельности против Советского Союза и Балканских стран.

Единственными были наши успехи разведывательной работы в Турции, чего, согласно вышеупомянутому неписаному договору, мы не имели права делать.

Этот факт заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее, так как он иллюстрирует, как западные державы нарушают обязательства по отношению к менее сильным союзникам. Западные державы хорошо понимали, что в случае войны с Советским Союзом Турция будет оккупирована Красной армией за несколько дней. И единственный интерес для западных военных стратегов Турция представляла как потенциальное поле для партизанской деятельности. Западные державы считали, что путем пропаганды они заставят жителей Турции жертвовать собой ради подрыва советских коммуникаций. Поэтому возникла срочная необходимость в составлении топографических карт, подкрепленных фотографиями местности, всей территории Турции для того, чтобы определить места, где можно было бы высадить небольшие группы парашютистов для проведения пропагандистской деятельности после того, как регулярные войска Запада покинут территорию Турции на волю судьбы.

Топографические задачи такого порядка вызвали необходимость поездок по всей стране, а это, в свою очередь, требовало разрешения турецких властей. Однако само собой разумеется, что я не мог указать действительных причин моего интереса к таким поездкам. И если бы турки поняли смысл происходящего, а именно, что западные страны покинут Турцию с начала войны, то они бы сделали переоценку англо-американской помощи.

В связи с этим было необходимо обосновать мою просьбу тем, что во время наступления английской армии на Тбилиси ее линии связи обязательно будут проходить через Турцию. Это был довод, который и должен был выдвигать с большой осторожностью в течение нескольких месяцев.

Наконец, к моему удивлению, турки признали довод обоснованным и дали мне требуемое разрешение. Это был трагический пример доверия Турции своему древнему врагу Галлиполи и Газа. Большинство моих сообщений и тысячи фотографий уже утратили свою ценность, так как американцы произвели аэрофоторекогносцировку всей страны. Но понимают ли турки действительные причины этой рекогносцировки с воздуха и моей прошлой наземной рекогносцировки?

Моя служба в Стамбуле окончилась осенью 1949 года предложением поехать на работу в Вашингтон. Мне объяснили, что все сотрудники — кандидаты на высокие посты в Центре — должны прекрасно знать американские службы и уметь

сотрудничать с ними. С неохотой покинул я свою неоконченную работу в Стамбуле: я понимал, что потребуется еще около двух лет подготовительной работы, прежде чем на Кавказе и в странах Балканского полуострова будут видны результаты нашей работы. Но я не мог упустить случая ознакомиться с работой американцев в нашей области и узнать о современной англо-американской деятельности против СССР в мировом масштабе.

До этого времени координационная работа между СИС и ЦРУ проводилась в основном в Лондоне, представитель же СИС в Вашингтоне почти не принимал в ней никакого участия и поддерживал контакт только с ФБР.

В Лондоне мне дали задание изменить эту практику путем ослабления контакта между нашим представительством в Вашингтоне с ФБР и укрепления контакта с ЦРУ. Это была деликатная работа. Деятельность и ЦРУ, и ФБР была в первую очередь направлена против Советского Союза и коммунистического движения, и в то же время их раздирала межведомственная борьба. Обе службы считали сотрудничество с англичанами ценным для себя, хотя я иногда испытывал такое чувство, что […][7]

В моем назначении была и еще одна пикантная сторона: маккартизм был в полном разгаре. Я смог представить, какие ужасающие беспорядки мог вызвать невежественный политикан, подобный сенатору из Висконсина, в обществе, которое можно так легко обмануть. Вскоре я убедился, что его безжалостное преследование невинных либералов и его безошибочный инстинкт на пустячное и несущественное представляли собой прекрасную дымовую завесу, за которой в спокойной обстановке могли действовать действительные враги американского общества. Однажды я спросил ГУВЕРА его мнение о Маккарти. Он ответил: «Он неприятный тип, и нельзя положиться на него на скачках». Я понял это как то, что знаменитая «картотека коммунистов» в Госдепартаменте не имеет никакой ценности.

Я должен добавить, что вскоре после моего приезда в Вашингтон я был ошарашен тем, что председатель комитета по расследованию антиамериканской деятельности был приговорен к одному году тюрьмы за растрату общественных фондов.

Однако мое предположение, что это может вызвать смуту, оказалось беспочвенным.

Финансовые махинации нельзя считать несовместимыми с американским образом жизни. Преступление — это когда схватят за руку.

Маккартизм был заразным явлением и пробил себе дорогу в круги, от которых этого не ожидали.

Так, сотрудник ФБР, занимавший очень высокий пост, должен был быть среди первых, понимающих разницу между серьезными уликами и чепухой. Однако он заявил мне, что президент РУЗВЕЛЬТ является «сознательным агентом Коминтерна и получает от него указания».

И хотя вряд ли в Америке был человек, которого кто-либо не подозревал в измене, ГУВЕР в этом отношении был исключением. Никто не критиковал его учреждения ни в конгрессе, ни в правительстве, ни в прессе. Слухи против него, распускаемые либералами, эффективно подавлялись. Как мне неоднократно разъясняли, причиной этого был тот простой факт, что «досье — в руках ГУВЕРА».

Другими словами, американцы были в такой степени запуганы бумагами в шкафах, что человек, который знал их все, стоял лишь на ступеньку ниже Бога.

Мой контакт с ФБР заключался в наведении обыденных справок, и очень редко они вырастали в крупные дела. Любая бумага, появляющаяся в Министерстве юстиции из ФБР, убеждала колеблющихся.

Вскоре я пришел к выводу, что репутация ГУВЕРА держалась на его общественных связях, а не на его личных качествах. Это положение можно проиллюстрировать на деле КЛАУСА ФУКСА.

Материал, который помог разоблачить ФУКСА, был получен в результате совместной работы английских и американских криптографов в области русских шифров в Арлингтон Холле. На базе этого материала сотрудник СИС провел опознание ФУКСА. Арест был проведен МИ-5, которая затем успешно провела его допрос. Показания ФУКСА, сделанные в МИ-5, вывели на ГАРРИ ГОУЛДА, от него на ГРИН ГЛАССА и от ГРИНГЛАССА на РОЗЕНБЕРГА.

Однако в день ареста ФУКСА ГУВЕР приписал успех этого дела себе, а МИД Англии постеснялся заявить, кто же действительно заслуживает похвалы. Таким образом, ГУВЕР сумел создать впечатление, какую огромную ошибку сделали англичане, допустив ФУКСА к атомным секретам, и как он сам блестяще сумел направить ее.

Поэтому неудивительно, что ФБР без труда получало согласие застенчивых конгрессменов на необходимые ассигнования, которые с готовностью оплачивались восхищенной публикой.

В 1949 году ФБР было обтекаемой организацией, механически работавшей по правилам, установленным боссом и не принимаемым во внимание в моменты опасности.

Структура ЦРУ была более гибкой и могла быть описана как

скопище личностей в поисках роли.

Дела пошли лучше, когда генерал БЕДЕЛЛ СМИТ сменил адмирала ХИЛЕНКОТТЕРА. БЕДЕЛЛ СМИТ обладал острым умом и способностью быстро принимать рациональные решения. В этом он был противоположностью дружелюбного, всегда бормочущего и курящего трубку АЛЛЕНА ДАЛЛЕСА, который с тех пор завоевал себе доброе имя огромным расширением ЦРУ и который может противопоставить неудаче в бухте Кочинос свой успех в Гвиане, где он доставил много неприятностей англичанам.

Так как ЦРУ находилось в стадии формирования, то его разведывательные усилия не были еще целенаправленными. Основные усилия были направлены на укрепление места СИС в Совете Национальной Безопасности, что и делалось путем интриг в Вашингтоне.

Другой целью, которую преследовали в то время, была цель не допустить французские службы к англо-американскому сотрудничеству в области разведки.

Предложение англичан об информировании высокопоставленного французского чиновника о достижениях американцев и англичан в области криптографии было твердо отклонено самим БЕДЕЛЛОМ СМИТОМ, который не хотел сотрудничать с французами до тех пор, пока коммунисты Франции не были полностью исключены из общественной жизни страны. В результате этого ЦРУ могло получать информацию о коммунистическом движении во Франции лишь из французской прессы. К этому добавлялась вымышленная информация, которая шла от источников, подобных ПОЗ.

ЦРУ и СИС тесно сотрудничали в области военного планирования. Эта сторона моих обязанностей была довольно гладкой, частично потому, что БЕДЕЛЛ СМИТ стоял за англо-американское сотрудничество на всех уровнях, а частично и потому, что вскоре реальность исчезла из наших планов. Наши детально разработанные схемы организации и местонахождения первостепенной важности целей были основаны на том, что опыт Второй мировой войны — надежный указатель ведения войны против Советского Союза.

Когда русские нарушили американскую монополию на атомную бомбу, наши планы поднялись до уровня фантазии, где уже не было о чем спорить.

В ЦРУ существовал отдел, известный как Отдел политической координации. В его функции входили подрывная работа, саботаж, дезинформация и т. п.

Незадолго до моего приезда в Вашингтон было решено провести совместную англо-американскую «операцию Лоцман»,

целью которой было отделение Албании от коммунистического блока. Ее назвали «операцией Лоцман» потому, что в случае удачи она бы проложила дорогу к другим операциям против Болгарии, Румынии, Польши… и кто знает, против Украины, Белоруссии, Азербайджана! Перспектива была ослепляющей и бесконечной.

К несчастью, ослепление началось еще дома. Во-первых, Госдепартамент и МИД Англии проявляли нервозность, предоставляя свободу действий неиспытанным секретным организациям в области международных отношений. В Вашингтоне был создан «Объединенный политический комитет», в котором были представлены ЦРУ, СИС, Госдепартамент и английское посольство в Вашингтоне.

Все значительные шаги, связанные с «операцией Лоцман», должны были обсуждаться Государственным секретарем США и министром иностранных дел Англии. В то время Эрнест Бевин имел много работы и выработал привычку откладывать албанские газеты на самый низ (за исключением тех случаев, когда он, без объяснений, говорил: «Мне это не нужно»).

Во-вторых, политическое положение среди албанских невозвращенцев вызывало много разногласий между английскими и американскими инициаторами этой операции. Американцы выступали за, как они называли, «прогрессивный элемент в албанской эмиграции» в лице загадочного молодого юриста по имени Хассан Дости, который по подсказке и с помощью денег ЦРУ создал в Нью-Йорке «Албанский комитет» и провозгласил власть над всеми албанскими невозвращенцами, хотя многие из них и не слышали о нем. С другой стороны, англичане стояли за полуфеодальные элементы и их главарей, подобных Аббасу Купи, который завоевал восхищение смелых молодых парашютистов, таких как Джулиан Эмери, возможно потому, что они отказались тратить свой порох против стран Оси, предпочитая держать его наготове для борьбы с коммунистическими элементами.

При таких обстоятельствах удивительно, что после более чем годового дискутирования несколько десятков агентов были высажены на побережье Албании, а одному или двум из них удалось перебраться через Албанию в Грецию.

Это привело еще к одному международному спору. Служба безопасности Греции, которой, вполне естественно, агенты представились, хотела оставить их для использования в своих интересах. С другой стороны, американцы и англичане, которые являлись организаторами операции и заплатили за нее, хотели единолично пользоваться ее результатами. Возникла также

деликатная проблема: сколько и что говорить грекам. Я уехал из Америки, так и не дождавшись решения этой новой головоломки.

А в это время началось дело огромной важности. Совместными усилиями американских и английских криптографов были получены доказательства утечки информации из английского посольства пять лет назад.

Вкладом ФБР в расследование этого дела было огромное число папок с документами проверки личного поведения младших сотрудников английского посольства и обслуживающего персонала из местного населения. Сейчас хорошо известно, что эти материалы не имели ничего общего с этим делом. Именно расследования, проведенные МИ-5 с некоторой помощью СИС, указали на определенный круг лиц, что затем привело к раскрытию еще одной группировки, а потом уже (правильно или неправильно) указало на меня и окончило мою карьеру в СИС.

Я кончаю свой рассказ небольшой любопытной деталью. В течение всей моей работы в Вашингтоне я старался следовать инструкциям по ослаблению связи с ФБР и укреплению — с ЦРУ. Однако, когда меня отозвали в Лондон, не кто иной, как старшие сотрудники ФБР выразили мне свое искреннее и деловое сожаление и даже советовали, что мне надо говорить в оправдание моего участия в этом деле. Почему же так вышло?

Не нужно далеко ходить, чтобы узнать причину этого.

Они часто виделись с ГАЕМ БЁРДЖЕССОМ в моем доме и приглашали его к себе домой. Очевидно, любое подозрение о моем участии бросило бы тень и на них. Они проводили меня из Вашингтона, горячо желая моего благополучия, хотя некоторым из них удалось покинуть тонущий корабль, когда появились признаки его гибели.

«сентября 1964 года

№ 1/14-9786

Что сделал для нас «Зенхен», «Том», «Стенли»

Вы только что прочитали предыдущую главу, в которой Филби, подчас со свойственным ему британским юмором, знакомит читателей именно этой книги о вехах своей работы в СИС. Иногда с симпатией или антипатией рассказывает о коллегах — британских и американских. Приводит эпизоды оперативной работы. И очень мало о себе и практически ничего — о советских друзьях.

Предоставим слово противникам того дела, ради которого сражался Филби.

Еще при его жизни американская газета «Чикаго дейли ньюс» так оценила деятельность Кима Филби, Гая Бёрджесса и Дональда Маклина: «Они дали русским такое преимущество в области разведки в годы холодной войны, результаты и эффективность которых были просто неисчислимы».

Бывший офицер ЦРУ Майлз Коупланд лично знал Филби. После изучения информации, переданной Кимом на чужую, то есть на нашу сторону, он выдал свою собственную оценку того, что на самом деле совершил Филби — может быть, и чересчур пессимистичную:

— Если взглянуть на целый отрезок с 1944 по 1951 год, отбросив всё, что передавал Филби в другие периоды, то это привело к тому, что все усилия западной разведки, а они были значительны, превращались в то, что вы можете назвать безрезультативностью. Лучше бы мы вообще ничего не делали!

Даже многолетний сотрудник МИ-5 Питер Райт, оголтелый фанатик, посвятивший жизнь поискам «пятого» из Кембриджа, в день кончины Филби назвал его «выдающимся человеком в мире разведки». И это тот самый Райт, который написал книгу «Ловец шпионов», где клеймил английские власти за попустительство изменникам! А он после бегства Филби видел их чуть ли не в каждом сотруднике спецслужб — и своей, британской, а заодно и американской.

Попробую все же продолжить рассказ о сведениях, которые долгие годы поставлял нам Филби.

Сам Филби, которого иногда спрашивали, что же из сделанного в своей жизни советского разведчика он считает главным, отвечал одним словом: «Прохоровка», иногда повторяя его дважды: «Прохоровка, Прохоровка». Без сомнения, он имел в виду информацию, переданную СССР о подготовке немцев к великой танковой битве на Курской дуге. Она была выиграна и переломила ход войны благодаря Филби. В его информацию в

1942-м и 1943-м, как и во все сведения, передаваемые «пятеркой», верили тогда в Москве плохо. Но данные Филби подтверждались и другим источником — членом «пятерки» Джоном Кернкроссом. И советское командование поступило так, как советовала разведка.

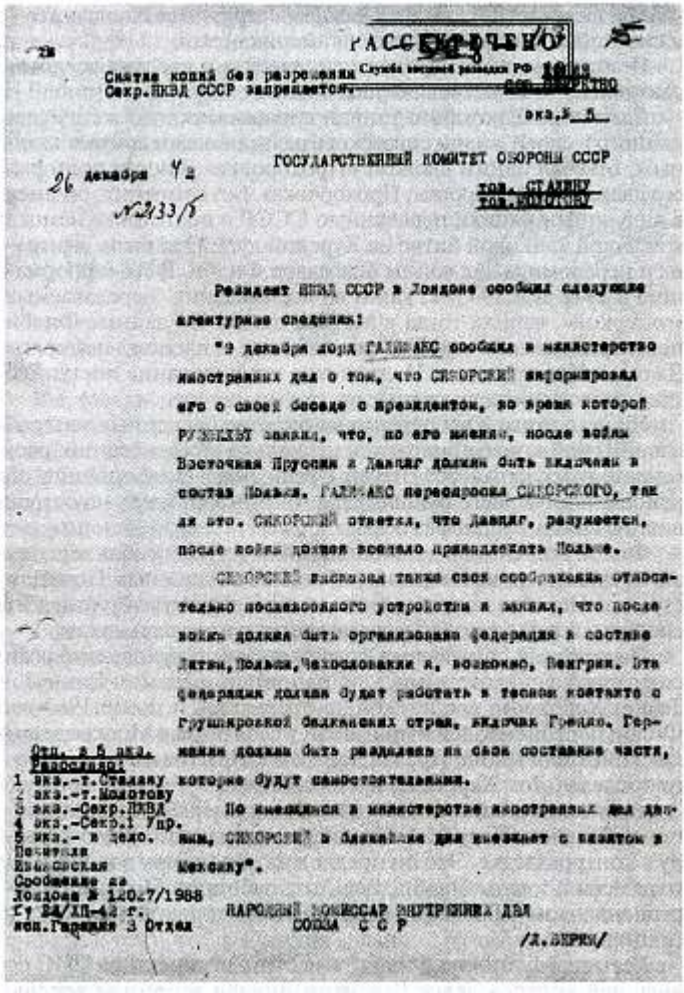
Но и до этого Ким передал множество бесценных материалов. В этой книге приводится несколько его донесений, рассекреченных летом 2011 года. Среди них — информация об отношении высшего руководства Англии к прилету на остров видного наци Рудольфа Гесса.

Филби подготовил детальнейший отчет о способах ведения англичанами диверсионной работы в захваченных Гитлером странах. Передал подробные сведения о структуре британских спецслужб и дал точную характеристику их начальникам.

Он сошелся со многими сотрудниками и руководителями спецслужб. С некоторыми, как, например, с Грэмом Грином и Томом Харрисом, его дружба не прервалась и после 1963-го. Филби переписывался и принимал у себя дома в Москве великого писателя Грина. Правда, как разведчик тот ничего особого не сделал. Том Харрис не побоялся прислать ему в советскую столицу стариннейший стол из цельного дерева. Бывший богач-мебельщик Харрис в годы войны сделал отличную карьеру в контрразведке. Это он предложил начальству в июне 1941 года использовать Филби. Ведь тот работал в Испании корреспондентом «Таймс» и вполне мог возглавить испанскую секцию.

Услышав фамилию Филби, заместитель директора СИС по внешней контрразведке Валентин Вивиан вспомнил хорошо знакомого ему Гарри Сент-Джона Филби. Узнав, что это отец Кима, он помог его сыну в июле 1941-го стать начальником сектора, который вел контрразведывательную работу на Пиренеях и, частично, в Северной Африке.

Именно тогда Филби получил доступ к дешифрованным англичанами телеграммам абвера и одним из первых смог сообщить в Москву о секретных переговорах его главы — адмирала Канариса с англичанами, о точных сроках приезда адмирала в Испанию. Гостиница между Севильей и Мадридом, в которой должен был остановиться глава абвера, была хорошо знакома Филби — и он даже выработал план уничтожения Канариса, но план не был принят его лондонским начальством. Ким заподозрил, что дело не только в опасениях возглавлявшего СИС Стюарта Мензиса быть в свою очередь уничтоженным немцами. Англичане держали Канариса под своим крылом на всякий случай, мало ли что…



РАССЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ
Снятие копий без разрешения Секр.НКВД СССР запрещается

экз.№ 5

26 декабря 42
№2933/б

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ СССР
тов. СТАЛИНУ
тов. МОЛОТОВУ

Резидент НКВД СССР в Лондоне сообщил следующие агентурные сведения:

"3 декабря лорд ГАЛИФАКС сообщил в министерство иностранных дел о том, что СИКОРСКИЙ информировал его о своей беседе с президентом, во время которой РУЗВЕЛЬТ заявил, что, по его мнению, после войны Восточная Пруссия и Данциг должны быть включены в состав Польши. ГАЛИФАКС переспросил СИКОРСКОГО, так ли это. СИКОРСКИЙ ответил, что Данциг, разумеется, после войны должен всецело принадлежать Польше.

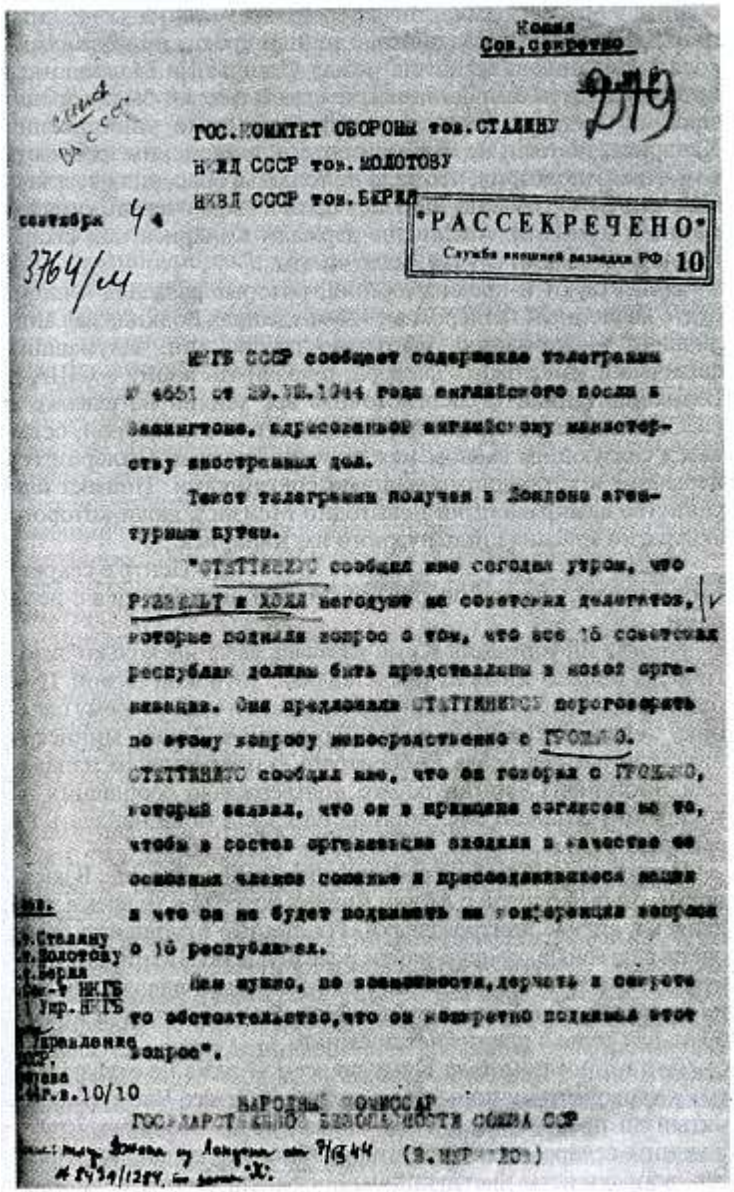
СИКОРСКИЙ высказал также свои соображения относительно послевоенного устройства и заявил, что после войны должна быть организована федерация в составе Литвы, Польши, Чехословакии и, возможно, Венгрии. Эта федерация должна будет работать в тесном контакте с группировкой балканских стран, включая Грецию. Германия должна быть разделена на свои составные части, которые будут самостоятельными.

По имеющимся в министерстве иностранных дел данным, СИКОРСКИЙ в ближайшие дни выезжает с визитом в Мексику".

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР /Л.БЕРИЯ/

Отп. в 5 экз.
Разослано:
1 экз.-т.Сталину
2 экз.-т.Молотову
3 экз.-Секр.НКВД
4 экз.-Секр.1 Упр.
5 экз.- в дело.
Почитала
Ивановская
Сообщение из Лондона № 120.7/1968 г. 24/XII-42 г.
исп.Гарелина 3 Отдел

Сообщение из Лондона. Декабрь 1942 г.



Копия
Сов. секретно

ГОС. КОМИТЕТ ОБОРОНЫ тов. СТАЛИНУ
НКИД СССР тов. МОЛОТОВУ
НКВД СССР тов. БЕРИЯ

сентября 44
3764/44

"РАССЕКРЕЧЕНО"
Служба внешней разведки РФ 10

НКГБ СССР сообщает содержание телеграммы
№ 4651 от 29.VIII.1944 года английского посла в
Вашингтоне, адресованной английскому министер-
ству иностранных дел.

Текст телеграммы получен в Лондоне агент-
урным путем.

"СТЕТТИНИУС сообщил мне сегодня утром, что
РУЗВЕЛЬТ и ХОЛЛ негодуют на советских делегатов,
которые подняли вопрос о том, что все 16 советских
республик должны быть представлены в новой орга-
низации. Они предложили СТЕТТИНИУСУ переговорить
по этому вопросу непосредственно с ГРОМЫКО.
СТЕТТИНИУС сообщил мне, что он говорил с ГРОМЫКО,
который сказал, что он в принципе согласен на то,
чтобы в состав организации входили в качестве ее
основных членов союзные и присоединившиеся нации
и что он не будет поднимать на конференции вопроса
о 16 республиках.

Нам нужно, по возможности, держать в секрете
то обстоятельство, что он конкретно поднимал этот
вопрос".

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗА ССР

Сообщение из Лондона. Сентябрь 1944 г.

Существуют и предположения, которые разделял Филби: будто казненный Гитлером в 1944-м адмирал подкидывал англичанам информацию, выгодную группе лиц, задумавших физически уничтожить фюрера, прекратить войну с США и Великобританией и сосредоточить все усилия на схватке с СССР. Канарис, с его разбросанной по свету агентурой, оставался связующим звеном между недовольными Гитлером генералами и тогдашними нашими союзниками. Поимка или убийство

адмирала были невыгодно Мензису, люди которого аккуратно «пасли» столь нужного им Канариса.

Филби еще не раз приходилось сообщать в Центр о секретных сепаратных переговорах англичан и американцев с немцами.

Иногда информация Кима казалась даже несколько экзотичной, однако интерес представляла. Глубокой зимой 1941 года, когда немцев отогнали от Москвы, он отдал своему связнику текст телеграммы посла Германии в Токио министру иностранных дел рейха Риббентропу о предстоящем нападении Японии на Сингапур. Это подтверждало сообщения из токийской резидентуры: японцы на СССР пока нападать не собираются.

Использовал Филби и свое чисто мужское обаяние. В частности, он был близок с Айлин Фиэрс, которая в то время трудилась в архиве контрразведки. Их личные отношения были очень серьезные, однако найти исчезнувшую Литци, его первую жену, всё не удавалось, и Филби доложил начальству, что не может быть двоеженцем и официально вступит в новый брак, как только расторгнет прежний.

Зато Айлин помогала Киму во всем — даже не отказывала ему в удовольствии порыться в архивных делах. Частенько занятый до предела Филби захватывал из архива тома, чтобы поздним вечером как следует поработать с ними. Впрочем, так, вопреки всем инструкциям, поступали многие сотрудники и на это смотрели сквозь пальцы.

Знала ли Айлин, для кого предназначалась отобранная Кимом информация? Впоследствии она говорила, что даже не догадывалась. Ким подтверждал: точно не знала.

Мы уже упоминали о переданной Филби стратегической информации о планах немцев на Курской дуге. А в 1944-м от него пришло грозное предупреждение. Один из руководителей американской разведки доверительно поведал ему о совместной секретной работе ученых-ядерщиков Англии и США по созданию атомной бомбы с использованием урана. В Москве поняли: если союзники объединили усилия, значит, они близки к цели и создание бомбы возможно уже в ближайшее время. Это, в свою очередь, подстегнуло Сталина и Берию, заставило напрячь все имеющиеся научные силы и немалые финансовые средства.

Филби удалось добыть и документы, в которых сообщалось о послевоенных планах англичан. Они были таковы: не мешкая, уже во время войны, исход которой теперь казался ясен, приступить к работе против СССР. Не дать Советскому Союзу осуществить планы по социализации Восточной Европы. Бывший союзник превращался для западного мира в главного противника. Инициатором создателя в СИС специального отдела по борьбе с

Советским Союзом был покровитель Филби Виктор Вивиан.

Вот кто был исключительно дальновиден! Он даже приводил примеры того, какими методами бороться с советской разведкой.

Донесения Кима об этих планах были восприняты в Москве с большой тревогой. Хотя порой наступали в Центре периоды, когда «Кембриджской пятерке» не доверяли, но не на этот раз, ибо в Москву отправились переснятые документы со всеми планами относительно подрывной деятельности против СССР. Филби даже не давали задания достать все эти документы, просили хотя бы известить об их содержании. И он в очередной раз сделал невозможное.

Опытнейший разведчик Вивиан, будем откровенны, отдавая дань его провидению, предвосхитил будущее. Он предлагал, какими методами следует бороться против советской разведки, как посеять вражду между СССР и компартиями Запада, как путем дезинформации расколоть и настроить против Советского Союза международное коммунистическое движение. Эти документы хранились в секретнейшей папке, которая так и называлась «Документы Вивиана».

Но Филби переиграл «друга семьи» Вивиана, так трогательно опекавшего его и проложившего Киму путь на самые верхние ступени служебной лестницы. В Москве присланные им «Документы Вивиана» изучали с особой тщательностью. Как это помогло и в дальнейшем, и еще во время войны! Филби собирал данные об агентах, забрасываемых Англией в самые разные страны. Благодаря Киму в картотеку Центра попадали фамилии английских агентов. Сначала, правда, это были лишь сложные кодовые псевдонимы, затем они обретали реальные очертания и настоящие имена. Через несколько лет в Москве уже располагали внушительным списком — этих шпионов набралось столько, что некоторых, осевших в дальних краях, Москва так и не тронула. Другие же, наоборот, вызывали огромный интерес.

В отличие от Бёрджесса или Кернкросса Филби был прекрасным конспиратором. Уроки его первого учителя «Отто»-Дейча не прошли даром. Он пытался внушить простую для него истину и другим членам «пятерки»: их безопасность во многом зависит от них самих. Особенно беспокоил его Гай Бёрджесс. Как показали последующие события — не зря.

И еще. Филби, человек вполне традиционной сексуальной ориентации, ни с кем из друзей не заводил нравоучительных бесед о том, что их гомосексуальные связи могут привлечь чье-либо внимание, помешать в работе. Здесь он уповал на удачу. Впрочем, она оставалась с «пятеркой» не всегда. Бёрджесс был отчислен из разведки из-за чересчур бросающегося в глаза, даже

афишируемого им пристрастия…

Видимо, тот же Филби корректно намекнул своим связникам, что «об этом» не стоит говорить с его друзьями. Увещеваниями дурные наклонности, приобретенные в детстве в какой-нибудь привилегированной школе в Мальборо, было уже не исправить. Толку бы нравоучения не принесли, а вот раздражение бы вызвали. И все связники, начиная от «Отто»-Дейча и завершая «Питером»-Модиным, следовали совету Филби. Делали вид, будто необычные для воспитанных в строгости советских людей той поры пороки их не затрагивают. Вся тема на протяжении долгих лет сотрудничества обходилась молчанием, излишних объяснений не было, непонимания и, главное, конфликтов не возникало. У них и без того было немало важнейших обязанностей.

Вскоре после начала войны Филби было строго наказано следить за переговорами союзников об открытии второго фронта. Здесь он проявлял чудеса оперативности — все, что хоть малейшим образом касалось упоминаний о таком долгожданном для СССР втором фронте, попадало на Лубянку мгновенно.

Затягивание с его открытием превратилось для союзников в стратегическую задачу, так что любая на сей счет информация из Лондона ложилась на стол Сталину. Вождя раздражали постоянные отговорки, а потом и никак не сбывавшиеся обещания Рузвельта и Черчилля. Особенно бесило двуличие британского премьера. Нам он обещал, что скоро, уже совсем скоро — а Рузвельта убеждал, будто время еще не пришло. Филби информировал точно: открытие второго фронта затягивается. Так что иллюзий советская сторона не питала, продолжая упорно настаивать на открытии, несмотря на бесконечные обещания.

В конце Великой Отечественной между СССР и союзниками возникло еще одно неприятное разногласие. Срывались поставки взрывчатки, которую так ждали от англичан. Их караваны приплывали в Мурманск с какими угодно грузами, но только не с ней, так нужной нашей наступавшей армии. Сообщение Филби о том, что это происходит вполне сознательно, а не по недосмотру или по небрежности, как ни странно, успокоило Сталина. Он понял, что и здесь надо полагаться на собственные силы.

С огромной тревогой восприняли информацию от «Стенли» о возможной войне с союзниками. Те обсуждали между собой, реально ли начинать военные действия против СССР, если Сталин продолжит наступление на западную часть Германии после взятия Берлина. Быть может, именно тревожная информация от Филби в определенной степени охладила пыл Иосифа Виссарионовича.

Иногда возникает такой вопрос: а не было ли повторов в передаваемой Москве информации? Известно ведь, что «пятерка» действовала довольно разрозненно. Они не были, да и не претендовали на роль единой группы или, как сказали бы сейчас, слаженной команды. Даже, по условиям игры, они и не имели права на контакты — если и существовало объединяющее звено, то его роль выполнял, проявляя притом строжайшую конспирацию, Ким Филби. К нему даже самоуверенный Гай Бёрджесс иногда обращался за профессиональным советом и при всей своей эмоциональности и определенной бесконтрольности потом ему следовал.

Так вот, абсолютно точно — повторы были. Но та же информация из контрразведки, приходившая от Бланта, не дублировалась, а подтверждалась Филби. В разведке отсутствует понятие «много информации». Очень важно, что данные, пересылаемые «пятеркой», подтверждались всеми источниками, что позволяло Москве поверить в достоверность, правдивость передаваемого.

И еще раз напишу, что, несмотря на витавшие тогда в коридорах Лубянки подозрения в дезинформации, «Кембриджскую пятерку» ценили. После победы на Курской дуге, когда Филби и Кернкросс проинформировали Москву о намерениях немцев, вера в пятерых из Лондона укрепилась. Хотя через несколько послевоенных лет опять были раздуты сомнения, к счастью, вскоре исчезнувшие.

Анализируя информацию, переданную всеми членами «Кембриджской пятерки» в период до начала холодной войны, приходишь к выводу: наиболее важным источником был Ким Филби. С 1944 года, когда он возглавил пресловутый 9-й отдел по борьбе с коммунизмом, и до 1951 года ему уже не было равных ни в ценности, ни в оперативности. «Сталин», «Молотов», «Берия» — в эти адреса отправлялось из НКВД переданное Филби.

Волков переступил через «красные флажки»

Позволю себе напомнить о «Деле Волкова» — азбучном в разведке, но чуть не погубившем всю «Кембриджскую пятерку». Где-то за сумму в 30 тысяч фунтов стерлингов советский разведчик Константин Волков, работавший в Стамбуле «под крышей» советского консульства, собирался сообщить в сентябре 1945 года, в числе прочих секретных данных, имена двух советских агентов — англичан, работавших в Форин оффис, плюс еще и третьего — из контрразведки.

В Лондоне дело попало к Филби. После долгих проволочек он

дал уговорить себя отправиться в Стамбул, успев в первый же вечер после получения тревожных известий сообщить о предательстве Волкова советскому резиденту в Лондоне. Филби понимал: ему с Бёрджессом и Маклином угрожала явная опасность.

Филби, помимо профессионального мастерства, вновь сопутствовала удача. Нелетная погода задержала его вылет в Турцию. А когда, наконец, он прибыл туда, никаких следов Волкова в Стамбуле отыскать не удалось. Немудрено, ибо того вывезли в Советский Союз. Официальных сообщений о судьбе предателя нигде и никогда не появлялось — о ней можно только догадываться. Но вы можете представить себе Филби или Бёрджесса, явившегося в резидентуру советской разведки с просьбой о 30 тысячах фунтов, по горькой иронии созвучных со знаменитыми 30 сребрениками? Немыслимо!

Даже в Англии, где многие ненавидят Филби, клеймя его шпионом, признавали, что «он был тверд в своей вере, абсолютно предан собственным идеалам, последователен в действиях. Все это было направлено на создание и укрепление коммунистического влияния во всем мире». Так писала газета «Ситизен» после кончины Филби в мае 1988 года…

Скинув дело Волкова, Филби еще успел здорово помочь своим друзьям из Москвы.

Выдержка его была поразительной, и она не раз помогала ему в работе на советскую разведку. И все же туг снова прослеживается цепь удачных стечений обстоятельств: дело попало к нему, а не к кому-то другому; сотрудник, который поначалу должен был отправиться в Стамбул, панически боялся летать. Хотя и сам Филби не слишком любил передвигаться воздушным путем, но он заменил по приказу руководителя СИС струсившего коллегу. Исключительно быстро сработала советская контрразведка, вывезя Волкова. Зато англичане чересчур медлили.

Но как объяснить то, что даже силы природы были на стороне Филби? Его самолету пришлось приземлиться в Тунисе — разыгралась нежданная гроза. А когда он прибыл в Стамбул, то не застал британского посла, без которого никак нельзя было вступать в контакт с Волковым. Дипломат, как и подобает, уехал отдыхать на выходные куда-то за город.

Не слишком ли много случаев поразительного стечения благоприятных для Филби обстоятельств? Многовато. Но это — реальность. Или подтверждение пословицы — сильному везет?

Все же примитивный случай с Волковым подтверждал: «пятерка» трудится на грани неимоверного риска.

9-е отделение протянуло руку помощи Москве

И вот она — палка о двух концах. Возглавляя отдел, целью которого была активная борьба против СССР, Филби ежедневно находился на грани риска. Если бы засылаемые им агенты немедленно проваливались, руководителя отдела взяли бы под подозрение, а может, и вычислили. Не сообщай он регулярно об агентах, засылаемых после войны в СССР не только англичанами, но и разведками других стран, Советский Союз мог бы понести урон. Дилемма?

Она решалась Филби вместе с коллегами из Центра. Он предупреждал о предстоящей засылке, и в Москве тщательно взвешивали, что делать с агентами. В основном это были выходцы с Кавказа, из Прибалтики, ушедшие с немцами, а затем и перешедшие на сторону бывших наших союзников. Их пропускали заранее знавшие о переходе границы пограничники — затем шпионов могли перевербовать и даже проводить радиоигры с их участием; нередко им давали обосноваться на нашей стороне, выявляли связи, а затем арестовывали; некоторые нарушители границы погибали… Филби уверял: среди них не было ни одного англичанина.

1946 год показал, что никаких подозрений против Филби не возникало. Он был награжден орденом Британской империи — высшей наградой государства. Представление о награждении написал его шеф Мензис. Награда и последующие торжества в Букингемском дворце еще больше повысили акции Филби.

Поэтому появившиеся в 1980-х годах утверждения, будто еще в начале 1950-х сэр Стюарт Мензис, возглавивший затем СИС и подозревавший в коллеге советского агента, обдурил Филби, намеренно подсовывая ему дезинформацию, звучит смехотворно.

— Полная чушь, — решительно сказал в интервью газете «Вашингтон пост» один из ветеранов ЦРУ, тщательно следивший за делом Филби. — Этот человек был советским шпионом с самого начала и до конца. К моменту своей смерти он приобрел все необходимые атрибуты героя художественного произведения.

А Филби наконец развелся с Литци и женился на своей многолетней уже спутнице жизни Айлин Фиэрс. До свадьбы у них уже было трое детей, вскоре появился и четвертый. Семейная жизнь складывалась удачно. И с этой стороны у него все было в порядке.

Неудивительно, что Филби претендовал на то, чтобы превратиться в мистера «С» — то есть стать главой английской разведки. Как же тогда могла сложиться его судьба? Филип Найтли, известный исследователь английской и других

спецслужб, смотрит на такое назначение с долей здорового английского скепсиса. «В мире секретных служб есть своя школа мысли, удостоверяющая, что агент проникновения, забирающийся слишком высоко, не в силах принести чужой стороне большую пользу, — пишет он. — Если бы Филби стал “С”, он бы получил доступ к такой важной информации, что КГБ должен был бы ее использовать, а это значило бы разоблачение Филби. Таким образом, польза, которую он мог бы принести, добравшись до вершины древа британской разведки, была бы ограничена».

Не соглашаясь на все сто с этим утверждением, скажу, что в нем есть и определенная доля истины. Хотя уверен: Филби отыскал бы выход и из этого положения.

Однако карьера в английской разведке им была сделана всего за пять-шесть лет. Конечно, опыт — дело наживное, но у Филби его было маловато. Ведь на родине не догадывались о его, можно так сказать, параллельной работе, которая, бесспорно, давала в практическом плане не меньше, чем успешная со всех сторон деятельность в английской спецслужбе.

Были и иные претенденты на пост мистера «С». Среди них прошедший гораздо больше испытаний по линии своей, английской, службы Роджер Холлис. В то время он, второй человек в контрразведке, был вправе рассчитывать на гораздо более высокий пост. Во многом и его стараниями конкурента — то есть Филби — устранили и отправили на, по-нашему говоря, повышение квалификации в Турцию. Предстояло набраться опыта оперативной работы.

Действительно ли Холлис побаивался Филби? По крайней мере, через несколько лет он занял пост директора Британской службы безопасности МИ-5. Роджера Холлиса обвиняют в том, что он-то и был «шестым» в группе советских агентов, засевших в Лондоне. Но разве стоило ему в таком случае отодвигать Филби? Они общались, хорошо знали друг друга. Холлис покровительствовал своему протеже Киму. Вряд ли бы в атмосфере строжайшей дисциплины, царившей в конце 1940-х в советской нелегальной разведке, Холлис решился отпихнуть от трона мистера «С» своего соратника по советской агентуре. Нет, английский профессиональный разведчик Холлис боролся за себя, считая, что время Филби еще не пришло, а в Турции он как раз и приобретет опыт оперативной работы.

Любимец ФБР и ЦРУ

Как работалось Киму Филби в Турции с конца 1946-го по 1949 год, читатель уже знает из главы этой книги, написанной

самим разведчиком. Я же остановлюсь на некоторых деталях, связанных с последующим разоблачением Дональда Маклина.

Конечно, и там начальник бюро — или станции, как говорят американцы, — МИ-6 в Турции Ким Филби не только засылал в СССР диверсантов, почему-то быстро попадавших под контроль советских спецслужб. Однажды Кима встревожил вопрос его связника: слышал ли он что-нибудь о советском агенте, пробравшемся в английское посольство в Вашингтоне. Стало ясно, что американцы каким-то образом все-таки вышли на Маклина.

А затем, в октябре 1949-го, Филби получил назначение в столицу Штатов. Ему предстояло занять один из ключевых постов в британской разведке. Мензис назначил его представителем МИ-6 при ЦРУ и ФБР. Ким должен был также контактировать с канадцами. Они в то время праздновали серьезную победу: в Оттаве остался шифровальщик советского посольства Гузенко, который уже вовсю давал показания. Определенная толика, выложенная предателем, становилась известна Филби, а следовательно, и Центру.

Что касается американских спецслужб, то тут информация лилась не ручейком, а потоком. Даже высшее руководство спецслужб США заглядывало к Филби на «парти»[8]. Ирония судьбы: в числе друзей англичанина был один из лучших контрразведчиков ЦРУ Джеймс Энгельтон. Впоследствии его прозвали «цепным псом» за неуемную подозрительность и ни к чему не приводивший поиск «кротов» в собственных рядах. Впрочем, Энгельтон утверждал, что он давно взял Филби на подозрение. Еще когда он был в Лондоне и возвращался вместе с Кимом после церемонии его награждения из Букингема, Филби якобы произнес фразу, насторожившую цээрушника: «Чего не хватает Англии, так это здоровой порции социализма». Вранье! Энгельтон и Филби частенько захаживали в облюбованный ими ресторан, где представитель английской разведки в США Филби и Энгельтон мирно обменивались информацией. Между прочим, этот же ресторан предпочитал и Джон Эдгар Гувер. Возможно, Энгельтон с Филби иногда обедали и в его компании, и если «да», то о чем беседовала эта необычная троица? К сожалению, никому уже не узнать.

Но позвольте цитату из Филби времен уже его советского периода: «Наше тесное сотрудничество (с Энгельтоном. — Н.Д.) объяснялось искренним человеческим расположением друг к другу. Мы говорили между собой буквально обо всем. Не могу сказать, кому из нас двоих эта сложная игра приносила больше пользы. Я знал, чем он занимается в своем ЦРУ. Он знал, чем

занят я в моем МИ-6. Однако было у меня над ним одно явное преимущество: он понятия не имел, чем занимаюсь я на самом деле». Так что все вопли Джеймса Энгельтона о разоблаченном им Филби — ерунда. Старался скрыть дружбу с советским разведчиком, отбивался от возможных подозрений.

Энгельтон же после бегства Филби из Бейрута гнул свою линию. Якобы он был давным-давно знаком с неким Теодором (Тедди) Коллеком. Тот работал в спецслужбе, которой годы спустя суждено было превратиться в израильский МОССАД. В 1934-м Коллек жил в Австрии и знал о женитьбе Кима на ярой коммунистке Литци Фридман. Коллек прошел длинную дорогу в разведке своей страны, затем стал мэром Иерусалима. В 1949 году, находясь с официальным визитом в Штатах, он мог рассказать Энгельтону о компрометирующем Филби браке. Отсюда, мол, и начались подозрения. Но, думаю, тут Энгельтон, знакомый с Филби еще с 1943 года, снова себя обеляет. Где же он был со своими подозрениями раньше?

Были у Филби и другие поразительно интересные для советской разведки встречи. Считается, будто в Москве ничего не знали об операции «Венона», годами ведущейся американцами. Если коротко, то благодаря дешифровке перехваченных телеграмм советской разведки было выявлено немало агентов СССР. Среди них, к примеру, казненные в разгар маккартизма в США Юлиус и Этель Розенберг.

Долгие годы операция «Венона» держалась в полном секрете. Даже попавшим под суд советским агентам не предъявлялось обвинений, которые могли бы дать понять КГБ, что часть закодированных сообщений расшифрована.

Еще в 1990-е годы Герой России Владимир Борисович Барковский убеждал меня, что, во-первых, «главному противнику» удалось расшифровать всего лишь обрывки нескольких телеграмм, которые мало что дали. «Венону» же Барковский называл огромной и почти бесполезной тратой денег. И, во-вторых, Владимир Борисович говорил, будто обо всех этих «Венонах» мы знали еще в конце 1950-х. Ответом на законный вопрос «откуда?» было молчание.

Когда архивы — наши и чужие — чуть приоткрылись, ответ стал абсолютно ясен. От Филби, вестимо! Впервые он услышал об этом еще перед отъездом в США — от начальника его бывшего 9-го отдела Мориса Олдфилда. Конечно, СИС стремилась знать, как продвигается расшифровка, в которой англичане оказывали союзникам из Штатов посильную помощь. Могли Филби не передать эту информацию в Центр?

Известно, что дело это медленно, но двигалось. Филби сумел

познакомиться с талантливейшим дешифровщиком Меридитом Гарднером, и вскоре их приятельские отношения переросли в дружеские. Филби иногда даже удавалось краешком глаза увидеть результаты его работы. Потому он и узнал, что дешифровка советских телеграмм доказала: утечка секретных документов постоянно шла из посольства Англии в Вашингтоне. Филби понял: под реальной угрозой его друг по «пятерке» Дональд Маклин.

К счастью, англичане почему-то уверовали, что утечка идет от сугубо технического, вспомогательного персонала. Не от дипломатов же, вышедших из одного, священного для британского истеблишмента, круга! Это затянуло расследование на годы. Персонал задергали поголовными проверками, замучили постоянным недоверием.

А Филби между тем устанавливал отношения с американскими коллегами. Делился с ними опытом. Он сдружился со многими руководителями ЦРУ, ценившими услуги общительного английского профессионала. Хуже складывались контакты с главой ФБР Гувером, хотя и он лично знал Филби. Зато его окружение, несмотря на демонстративную осторожность шефа, все же шло на контакт с официальным представителем английской СИС. Со временем эти контакты из чисто рабочих превратились в дружеские, иногда — застольные.

Так что это благодаря Филби была арестована группа албанских боевиков, направленных в свою страну для участия в антикоммунистическом перевороте. Еще бы, если Филби принимал активное участие в их подготовке! Поэтому в Москве заранее узнали не только о точном времени высадки спецгруппы, ее составе, вооружении, но и методах ее подготовки. Мятежные албанцы отлично осознавали, на что шли. Их целью было физическое уничтожение тогдашнего лидера страны и установление проамериканского режима. Средства для этого было приказано применять самые жестокие. Так что разговоры, будто в результате сообщения Филби пострадали невинные люди, звучат смехотворно. Боевики получили то, что и было им предназначено.

Сорвалась, к изумлению американцев, и вторая попытка переворота. На этот раз боевиков, употреблю современный термин, забросили в Албанию на парашютах. Итог оказался тем же.

Во второй половине 1950-го последовала и третья высадка. На сей раз использовали новый прием. Диверсанты добрались до границы с Албанией через Италию и Югославию. Но здесь их уже ждали… Третья попытка, словно в спорте, оказалась

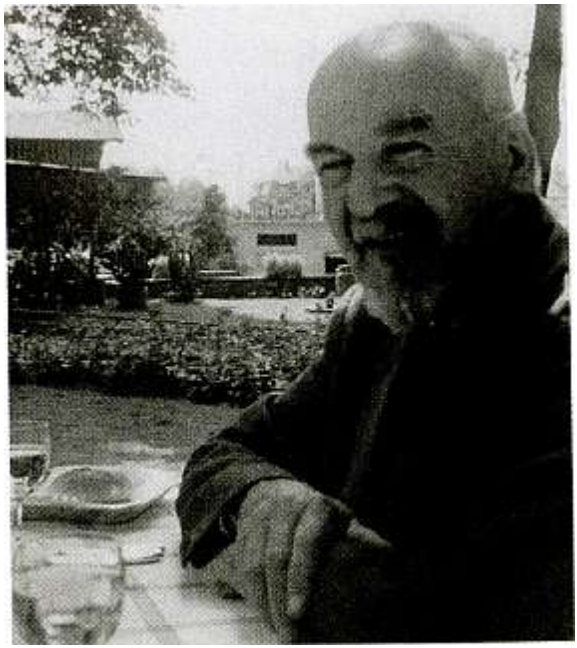
завершающей.

На первый план вышла теперь задача забросить как можно больше шпионских групп в республики Прибалтики и на Украину. При этом между двумя спецслужбами СИС и ЦРУ возникли серьезные разногласия. В этой схватке гигантов победило набравшее силу ЦРУ Но все равно шпионские группы, подготовленные в основном из коренных украинцев, бежавших после войны в Канаду, ждали неминуемые аресты. Филби передал даже имена агентов-парашютистов из трех групп.

Все свои сообщения Филби передавал через Бёрджесса, работавшего в посольстве Англии в США. Советская разведка боялась засветить своего лучшего агента — Кима Филби. Правда, в американских источниках промелькнули сведения о встречах Филби с другим легендарным советским разведчиком — нелегалом Вильямом Фишером, известным нам и миру под именем полковника Рудольфа Абеля. Но и с ним, очевидно знакомым Филби еще по его работе в довоенной Англии, встречаться приходилось вдали от Вашингтона — предположительно на территории Канады.

Дора Филби (в центре) с детьми; слева от нее — Ким

Киму 7 лет



Гарри Сент-Джон Филби

Ким — ученик Вестминстерской школы. 1923 г.

(слева) Гай Бёрджесс; (справа) Дональд Маклин

(слева) Энтони Блант; (справа) Джон Кернкросс

Студенческая демонстрация в Кембридже. 1930-е гг.

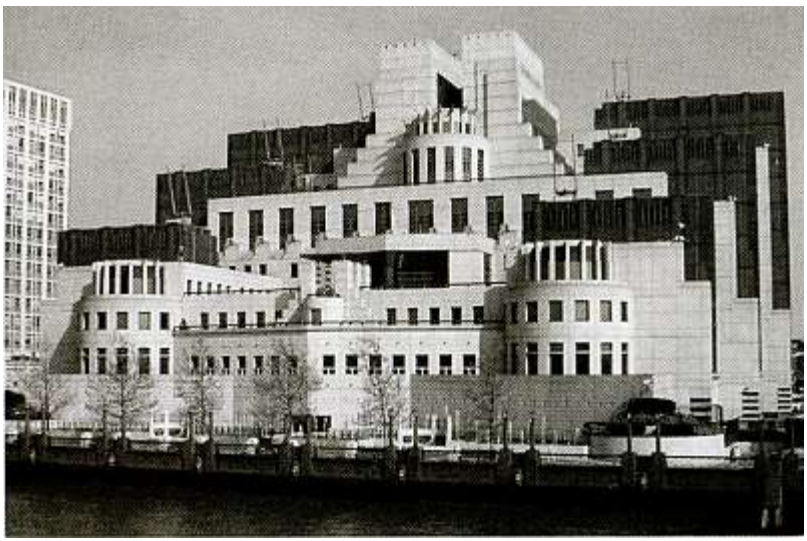
Король Англии Георг VI (третий слева) закрывает военного корреспондента Кима Филби. Франция, Аррас. 1939 г.

Ким Филби с матерью Дорой

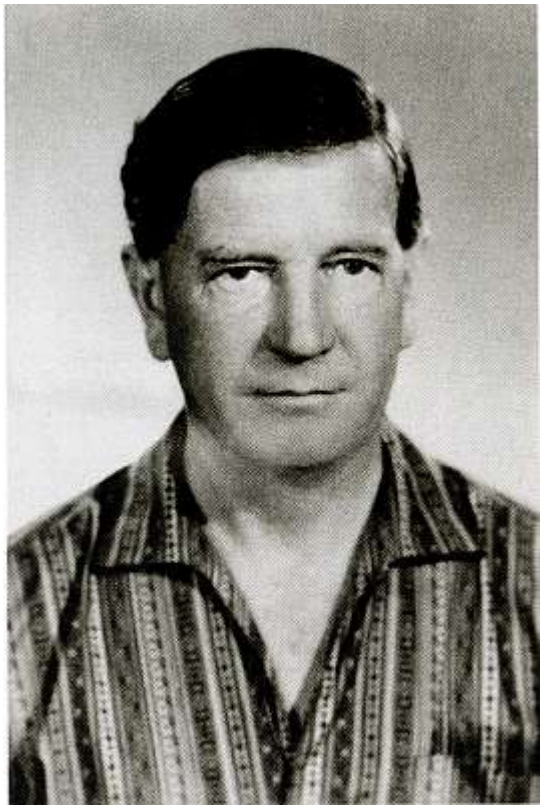
Пресс-конференция 1955 года

Это фото Кима Руфина Ивановна считает лучшим

Ким с отцом и сводными братьями Фаридом и Халидом



Штаб-квартира британской разведки в Лондоне



Ким перед отъездом в СССР

Филби (второй слева) на официальном приеме. Бейрут

Отдых в компании с друзьями-журналистами

Ким с дочерью Джозефиной и своими внуками в Сухуми. 1960-е гг.

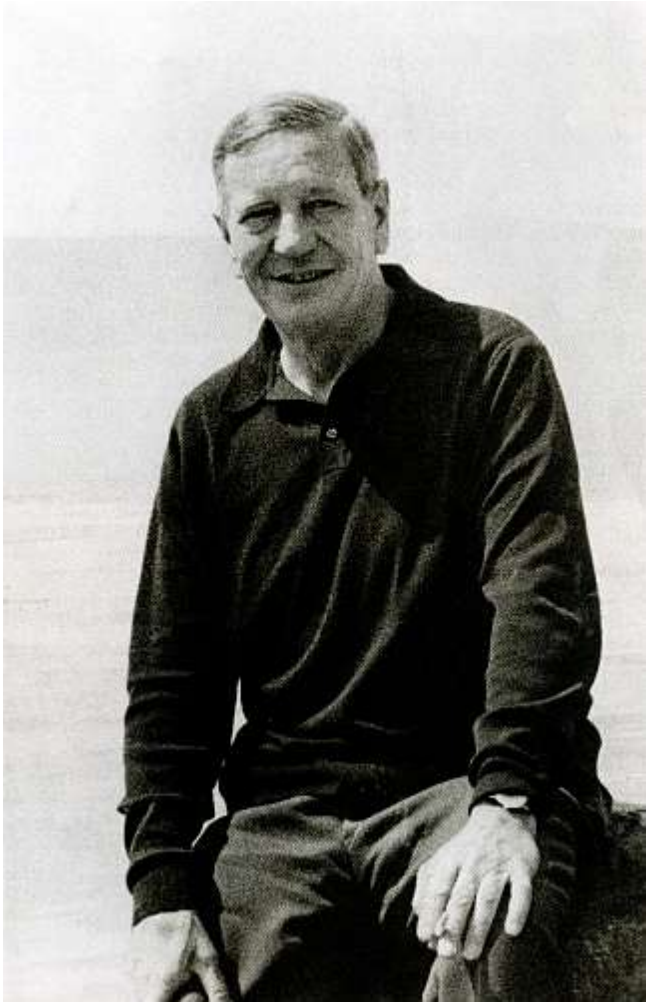
Джон Филби, сын Кима, был фотокорреспондентом на вьетнамской войне

В музее на Лубянке

Озеро Байкал. 1971 г.

На Волге, с рыбаками

Крым — прогулка на катере



Филби на Байкале. Фото Руфины Пуховой-Филби. 1971 г.

Но в основном, повторю, информация шла через Бёрджесса. Сразу по приезде в Вашингтон он остановился в квартире Филби. О их дружбе знали все. Так же как и о дружбе неугомонного Гая с уехавшим из Штатов домой в Англию Дональдом Маклином.

Тем временем Гарднер сообщил Филби и расшифрованное кодовое имя шпиона, пробравшегося в английское посольство: «Гомер». Передавая его Бёрджессу для отправки в Центр, Филби, кажется, и не догадывался, что под этим оперативным псевдонимом обозначен его товарищ Дональд Маклин. Вот так здорово соблюдалась в то время конспирация.

Но вскоре новая встреча с Гарднером дала Филби понять, кто скрывается под этим именем. Об этом он сообщил Центру. Надо

было действовать. Существует множество версий относительно того, как умело выводил Филби из-под удара своего друга. Я позволю себе остановиться на той, что приведена в «Очерках истории российской внешней разведки». Не буду и не могу настаивать на ее стопроцентной достоверности, но исключительная деликатность темы и авторитетность источника все же позволяют остановиться именно на ней.

Филби сделал всё, чтобы заранее предупредить давно уже покинувшего Вашингтон Маклина об угрозе ареста. Дональд, работавший руководителем американского отдела Форин оффис, был в курсе, что попал «под колпак» контрразведки.

В свое время Маклин обращался в Центр с просьбой вывести его в СССР. Он был подготовлен к такому осознанному и устраивающему его исходу. Однако Маклина попросили подождать, еще немного поработать. Но тут наступил момент истины — бегство становилось неизбежным.

Филби понимал, что исчезновение Маклина ставит под угрозу и его собственную безопасность, и безопасность Бёрджесса, работающего в посольстве в Вашингтоне. Положение — безвыходное. Чтобы подстраховаться, именно Филби отправляет в Лондон аналитическую записку: советского агента, чья телеграмма из Вашингтона отправлена в конце войны и расшифрована, следует искать не среди технического персонала английского посольства, а среди дипломатов.

Контрразведка очерчивает круг подозреваемых. Поначалу их восемь, затем круг все сужается и сужается, пока в нем не остаются двое. Причем явное подозрение падает не на Маклина, а на его коллегу по дипломатической службе.

Пока идет этот поиск, Филби с Бёрджессом разрабатывают план побега Маклина. Тот находится на грани нервного срыва, и помочь ему должен верный человек. Кто? Филби решает: Бёрджесс. Тот соглашается, но как вырваться Гаю из США? Как вернуться в Лондон?

Как раз теперь и выручает эксцентричность Гая. Направляясь на конференцию в другой штат, он трижды намеренно превышает скорость, хамит полицейскому, доверяет руль своей машины с дипломатическим номером случайному попутчику-американцу. В конце концов, несмотря на свою неприкосновенность, Бёрджесс попадает в полицейский участок, где отпускает оскорбительные реплики. Вскоре, в ответ на жалобу губернатора штата, где и произошли нарушения, посол Великобритании принимает решение об отправке давно уже ненавистного ему Бёрджесса в Лондон.

Здесь, в Форин оффис, Гай встречается с Маклином и готовит

его к побегу. Конечно, Филби понимает, что его аналитическая записка помогает контрразведке вычислить Маклина, а потому еще раз напоминает Бёрджессу и Маклину: надо бежать. Он отправляет Гаю телеграмму — говоря об оставленной им в Вашингтоне машине, он просит поскорее забрать ее, ибо «тут становится горячо».

Филби осознает: Маклин обречен. Но он заранее берет честное слово с Бёрджесса, что тот, проводив друга до Швейцарии или даже до Праги, обязательно вернется в Англию. Иначе под серьезнейшее подозрение попадает он сам. Ведь все знают о его дружбе с Гаем, который, как мы говорили, вопреки всем правилам разведки даже жил у него на вашингтонской квартире.

Бёрджесс приходит в пятницу вечером в дом Маклина сравнительно недалеко от Лондона. На случай громко представляется жене Мелинде вымышленным именем сотрудника Форин оффис. Приглашает Дона в бар неподалеку. Маклин целует жену Мелинду, поднимается на второй этаж и обнимает двух своих детей. Никакой сцены прощания. Обычная пятничная прогулка двух уставших джентльменов.

И вот Гай и Дон гонят с бешеной скоростью машину Бёрджесса. Они едва успевают в порт, откуда английское судно отплывает на уик-энд во Францию. Разведка заранее выяснила: документы пассажиров не проверяются. Корабль отшвартовывается, а утром приходит во французский Сант-Мало. Суббота, дороги свободны, беглецы быстро добираются на такси до Парижа. Вскоре они уже в Швейцарии; взяты билеты до Стокгольма с посадкой в Праге. А в воскресенье оба прибывают в точку назначения. Здравствуй, Москва — столица СССР!

Позже становится известно: допрос Маклина должен был состояться как раз в тот понедельник, когда Маклин и Бёрджесс были в Москве. Избежать его помогли интуиция и удачное стечение обстоятельств. Филби оказался прав: дальше медлить было невозможно.

Ким счастлив, что побег удался. Но радость сменяется недоумением и даже страхом, когда он узнает, что сбежал и Бёрджесс. Ведь он давал честное слово, ему-то ничего не угрожало. Теперь под подозрением окажется сам Филби.

Английская контрразведка настолько в шоке, что следует пауза в расследовании. Жена Маклина Мелинда сама звонит в Форин оффис с просьбой найти ее мужа. Следует ее запоздавший допрос, но она, конечно, «ничего не знает».

Филби тем временем успевает уничтожить все улики своей связи с советской разведкой. Фотоаппарат и кое-какая аппаратура навечно закопаны где-то в окрестностях Вашингтона. Все бумаги,

могущие вызвать хоть тень подозрения, сожжены.

Постепенно приходят в себя и английская контрразведка, и американцы, которым их «кузены» из СИС сообщают о бегстве Маклина. Филби вызывают в Лондон, а Гувер требует, чтобы ноги его больше не было в США. К нему присоединяется и приятель Филби Энгельтон: мол, он давно подозревал Кима, но использовал его в своих целях. Как бы не так!

В Лондоне Филби допрашивают опытнейшие следователи, но он твердо стоит на своем: да, он знал Бёрджесса и никак не может (действительно не может!) объяснить его побег. Просит еще раз прочитать его аналитическую записку. Ведь даже директор разведки генерал Мензис был в курсе, кого подозревал Филби.

Но тут ему припоминают всё — и его марксистское прошлое, и женитьбу на коммунистке. Всплывает исчезновение из Турции Волкова, так и не перешедшего на чужую сторону, аресты забрасываемых в СССР диверсионных групп. Но главное — бегство Бёрджесса.

Улик — прямых и конкретных — нет. По рассказам близких к Филби людей, в Москве он не раз сокрушался: если бы не Гай, он мог бы еще работать и работать.

Почему все-таки сбежал Бёрджесс? На этот вопрос сам он так никогда — даже в Москве — не ответил. Наверное, сказалось нервное перенапряжение. Вероятно, поддался эмоциям, впал в эйфорию: побег складывался удачно, и Гаю хотелось довести дело до конца. Или, может, наивно надеялся, что из Москвы его отправят тем же путем в Лондон? Тайну Бёрджесса никогда не раскрыть…

Филби же, так и не раскрывшись перед опытным, если не лучшим в МИ-5 следователем Скардоном, был вынужден уйти в отставку. Он получил небольшое выходное пособие, еще что-то, чего явно не хватало на жизнь с семьей и детьми, выплачивали потом ежемесячно. Помогла советская разведка, сумевшая неимоверным образом передать своему лучшему источнику достаточную сумму британских фунтов.

Несколько лет прозябания под наблюдением контрразведки, а затем новая атака на Филби. Член парламента Липтон запросил премьера Великобритании о роли Филби в деле двух беглецов из Кембриджа. Пресса тут же заклеймила Филби «третьим человеком». И Филби предпринимает решительный — в своем стиле — шаг. Созывает в доме своей матери пресс-конференцию, где хладнокровно излагает (так и хочется написать — «неопровержимые») доказательства своей непричастности. Ему верят, и министр иностранных дел Великобритании Гарольд Макмиллан, будущий премьер, публично снимает в парламенте с

Филби все обвинения.

Верные друзья Филби из британской разведки, среди которых и Николас Элиотт, помогают Филби выехать в Бейрут. В Ливане он работает на английские газету «Обсервер» и журнал «Экономист», публикуется и в других изданиях с аналитическими статьями по ситуации на Ближнем Востоке.

Но в Бейруте Филби работает «под колпаком» английской контрразведки. Хотя МИ-5 не дремлет, однако Ким по-прежнему трудится на советскую разведку. Передает не только аналитическую, но и, пользуясь старыми связями, оперативную информацию. Центру теперь известны фамилии сотрудников ЦРУ и СИС, работающих в «горячем» регионе.

Новая атака на Филби предпринимается в начале 1963 года. Его предает Флора Соломон, признавшаяся МИ-5, что в свое время, еще до войны, Ким сам работал на разведку, а ей предлагал последовать этому примеру. Было ли такое и действительно ли Флора выдала его? Может, это провокация спецслужб? Или все-таки не выдержала, проболталась Флоре его вторая жена, с которой он развелся после всего произошедшего? Никто теперь не ответит. Зато точно, что «наводит» на Филби предатель — перебежчик Голицын. Об этом сообщает Филби неожиданно появившийся в Бейруте старый друг Кима Николас Элиотт. Хорошо зная Филби и его решительность, Элиотт тем не менее предложил Филби от имени МИ-5 и СИС пойти на признание своей вины, выдать всех известных ему агентов, а в ответ на это получить иммунитет от судебного преследования.

Возражения Филби не принимались, в его невиновность Элиотт не верил, однако время на размышление было отпущено. Элиотт улетел в Лондон, а Кимом, как и предупредил его быстро улетучившийся Николас, занялся резидент СИС в Бейруте Питер Лан.

Он звонил Филби, спрашивая, нет ли у того чего-либо нового. Ким, выигрывая лишние часы для встречи с советским резидентом, отвечал, что если что-нибудь надумает, то сам свяжется с Ланом.

О разговоре с резидентом П-м, о бегстве Кима на судне «Долматов» конечно же лучше меня поведает в этой книге жена Филби Руфина Ивановна.

Я же попытаюсь разобраться, каким образом стало возможно исчезновение разведчика, находившегося под плотным «колпаком» английской контрразведки. После разговора с Элиоттом Ким знал, что разоблачение неминуемо…

Приведу документ, рассекреченный Службой внешней разведки для этой книги. Это переведенное с английского в пресс-

бюро СВР письмо Филби советским друзьям, где он рассказывает о точном распорядке дня своей новой семьи (он женился в Бейруте на американке, разведенной, с тремя детьми) — жены Элеоноры и детей. Между ним и разведкой нет и не может быть никаких секретов. Если что-то случится, то он верит: русские товарищи обязательно помогут.

РАССЕКРЕЧЕНО

Если дети все еще посещают школу, то две девочки выходят из дома каждое утро в 7.45, за исключением воскресенья. Мальчик выходит из дома каждое утро в 7.45, кроме субботы и воскресенья. Девочки возвращаются вечером примерно в 4.30, а мальчик — в 5. (Однако, похоже, они не будут посещать школу в этом семестре, но я в этом не вполне уверен.)

Служанка, которая не говорит по-английски, приходит примерно в 8.00 утра и уходит между 1 и 2 часами пополудни. Ее дочь приходит в неопределенное время через день для того, чтобы постирать.

Моя жена редко покидает дом раньше 9.30 утра. Она обычно делает основные заказы в бакалейной лавке по телефону примерно в 9.00 утра. Если ей надо пройтись по магазинам, то она выходит из дома между 10.00 и 11.00 и идет либо налево в направлении Хамра-стрит, либо поворачивает направо в направлении Баб Идрисс. Если посещение магазинов не входит в ее планы, то она обычно идет в сторону отеля Норманди, чтобы забрать почту и газеты примерно в 11.30 (почта редко приходит раньше середины дня). Обычно она возвращается домой на такси примерно в 1.00 или чуть позже.

Перед Пасхой моя жена посещает курсы в университете по понедельникам, средам и пятницам, выходя из дома между часом и двумя пополудни, и возвращается около 5 вечера. Я, правда, не знаю, посещает ли она курсы после Пасхи. По вечерам она либо остается дома, либо берет такси, чтобы отправиться в гости.

* * *

Ясно, с какой целью писалась лаконичная записка — пришло время побега. У Филби в том не было и тени сомнения. После встречи с советским резидентом Ким, как был в одном костюме, даже без портфеля, добрался до стоявшего в порту сухогруза «Долматов». Там его уже ждали. 23 января 1963 года судно покинуло причал. Вскоре «Долматов» добрался до Одессы.

Расстроенного Филби встретили, ободрили. Он пытался было

оправдываться, винить себя. Специально приехавший из Москвы сотрудник службы утешил его: «Вы сделали все, что могли».

Анализируя случившееся в Бейруте, Филби пришел к выводу: уйти ему дали сознательно. Резидент Лан в самый напряженный для британской контрразведки момент вел себя по меньшей мере странно, не проявляя никакого рвения. Элиотт мгновенно улетучился из Бейрута, сделав свое дело. В чем оно заключалось? Разве не в том, чтобы предупредить Филби? Его могли арестовать еще в Бейруте, вызвать в Лондон, насильно увезти…

Есть все основания предполагать, что не только СИС, но и английское правительство не стремились арестовывать одного из руководителей своей секретной службы. Как бы выглядел в глазах соотечественников ставший к тому времени премьером Гарольд Макмиллан? Ведь это он в ранге главы министерства иностранных дел в 1955 году снял в своем выступлении обвинения против Филби. А как бы оправдывалась сама разведка, проморгавшая разведчика, работавшего на СССР в течение почти трех десятков лет? Все это могло привести к падению правительства, увольнениям в спецслужбах. Никто, совершенно никто не был в этом заинтересован.

Дальнейшие события подтвердили, что сделанный анализ верен. Вскоре без излишней шумихи Николас Элиотт плюс еще несколько друзей Филби по СИС, которые доказывали его невиновность, были отправлены в отставку, а «проворонивший» его резидент Питер Лан награжден в Лондоне одним из почетнейших орденов Британской империи.

Косвенно свидетельствует в пользу этой версии и еще один документ, рассекреченный для этой книги. В нем приехавший в Москву Филби объясняет руководству Службы, что происходило с его семьей после бегства из Бейрута и возвращения жены — американки Элеоноры в США.

РАССЕКРЕЧЕНО

23 января моя жена и я были приглашены на обед к Балфору-Полу (другу семейства Филби, известному арабисту, поэту, переводчику и дипломату. В своих воспоминаниях Балфор-Пол называет Филби предателем и очаровательным, лучшим другом. — Н. Д.). Там должна была присутствовать также семья Копеландов. В 3.00 вечера я получил сигнал от нашего друга, указывающий на необходимость встречи в 6.00 вечера для консультации. С этой целью вскоре после 5.30 вечера я вышел из нашей квартиры, сказав жене, что если я задержусь, то ей следует отправиться к Бал фору-Полу без меня и ждать меня там. На встрече с другом я был проинформирован о том, что все

приготовления были ускорены, и я тотчас должен был уезжать. Поэтому я позвонил по телефону на квартиру и сказал моему сыну, который поднял трубку, чтобы он передал Элеоноре, что я, скорее всего, буду очень поздно. Где-то между 6.00 и 7.00 Питер Лан позвонил моей жене и пригласил меня к телефону. Он сказал, что у него срочное дело ко мне. Моя жена ответила, что меня нет дома, но что я присоединюсь к ней во время обеда у Балфора-Пола и что он сможет переговорить со мной там.

Во время обеда моя жена начала тревожиться. Копеланды старались успокоить ее, говоря, что я, очевидно, охочусь где-то за очередной журналистской сенсацией. Их доводы не слишком успокоили ее, поскольку я всегда ранее информировал ее о всех своих передвижениях. Поэтому моя жена вскоре покинула обед у Балфора-Пола и пришла домой около 10.30 вечера. Уже за полночь она перезвонила Питеру Лану. Его не было дома в тот момент, но его жена знала, где он находится. Затем Лан позвонил Элеоноре, которая спросила, не знает ли он о моем местонахождении. Он ответил, что не знает, но готов навестить ее, чтобы обсудить возникшую ситуацию. Он пришел в нашу квартиру примерно в 2.00 ночи. (Моя жена была уверена, что со мной произошел несчастный случай.)

Моя жена не заметила признаков тревоги в поведении Лана, и это неудивительно, поскольку он человек холодного рассудка, а моя жена встречалась с ним лишь несколько раз случайно. Погода этой ночью была просто ужасной, и Лан сказал, что ливанская полиция, скорее всего, откажется предпринять срочные меры и отложит расследование до утра. (Это было главной ошибкой Лана.)

На следующее утро Лан связался с Элеонорой и сообщил ей, что действует сообща с британским консулом Пьеротти и что они попросили ливанскую полицию опросить все госпитали на предмет несчастных случаев, которые произошли предыдущей ночью. (Статья в «Обсервере», утверждающая, что Копеланд и Элеонора потратили 100 фунтов на такси, разыскивая меня, — полностью неправда.)

Положение моей жены усложнялось еще и тем фактом, что прошло несколько дней, прежде чем она нашла записку, в которой я поздравлял ее с годовщиной нашей свадьбы и которую я оставил на комоде.

Спустя два или три дня Пьеротти появился с двумя офицерами ливанской полиции, которые подробно допросили Элеонору, во что я был одет в момент исчезновения. Следующим событием стало прибытие моего письма, в котором я описывал ей, где ей найти три тысячи ливанских фунтов, которые я оставил ей,

и что ей следовало говорить о причине моего длительного путешествия по региону. Это письмо Элеонора показала Лану. Элеонора также дала понять Лану, что я ничего с собой не взял. (Спустя какое-то время Элеонора сочла это заявление не слишком осмотрительным, поскольку некоторые мои вещи, на самом деле, пропали.) Позднее в январе Лан пригласил Элеонору на ланч и задал ей конкретные вопросы о том, могли ли состояние моего здоровья, финансовое положение или какие-либо другие моменты стать причиной для беспокойства. Элеонора ответила, что, как ей кажется, у меня были причины для беспокойства, которые могли бы повлиять на общее состояние моего здоровья, плюс переживания, возникшие в предыдущем году. (Я действительно многое пережил во время свадьбы моей старшей дочери, а также после мотоциклетной аварии, в которой мой сын серьезно ранил пожилую женщину.)

В начале февраля Элеонора решила поговорить с Майлсом Копеландом, которого она знала 12 лет. Одной из причин поступить именно так было то, что она не слишком доверяла Питеру Лану. Копеланд предложил связаться с Николасом Элиоттом, который находился в это время в регионе, с просьбой срочно прибыть в Бейрут. Элеонора согласилась с предложением, и Элиотт прибыл в течение двадцати четырех часов.

Разговор Элиотта с Элеонорой носил самый общий характер. Они ограничились обсуждением возможного моего местопребывания, состояния здоровья, психологического состояния и т. д. Порой казалось, что у Элиотта сложилось впечатление, что я мог быть обманом вывезен помимо моей воли. Он также пообещал сделать все, чтобы пролить свет на мое таинственное исчезновение, и заверил Элеонору, что, если она захочет поговорить с ним, он прибудет в Бейрут в течение двадцати восьми часов. Он также предложил ввиду того, что между Элеонорой и Ланом не сложились отношения, сделать Балфора-Пола ее доверенным лицом в посольстве. Действительно, несмотря на то, что Элеонора немногое рассказала Балфору-Полу, он положительно влиял на ее моральное состояние в целом и был чрезвычайно полезным во взаимодействии с прессой и в вопросе документов Гарри.

Тем временем ливанская полиция стала проявлять такой интерес к содержимому моего сейфа (который, к слову, был настолько мало защищен от взлома, что поддался бы усилиям ребенка), что Пьеротти взял его под свою защиту. На самом деле там ничего не было кроме личных документов.

Весь этот период моя жена был объектом преследования со стороны журналистов и фотографов. Она также заявляла, что

агенты местного управления государственной безопасности (Сюрте) побывали в пустой квартире, чтобы организовать там постоянное наблюдение. Обычная процедура слежки ограничивалась подкупом консьержки и записью телефонных переговоров.

* * *

Что же, вскоре Элеоноре с детьми было разрешено присоединиться к Филби в Москве. Она даже написала об этом книгу. Я надеялся увидеть в ней какие-то откровения. Ничего похожего. Скучная и плохо написанная бытовуха. Мне запомнился лишь один эпизод. Элеонора подробно описывает, как один из офицеров КГБ высокого ранга, регулярно приходящий в их московскую квартиру, всегда приносит с собой в качестве сувенира что-нибудь из съестного. Нам-то это понятно: люди постарше помнят, как мы жили в 1960-е. А Элеонора вопрошает: разве это дело, что человек такого ранга приносит нам пакеты с гречкой?

Один из свидетелей их совместной жизни припоминает: Элеонора страшно пила. Причем всегда просила опекавших их покупать водку. К ней она питала особое пристрастие. В Москве она не прижилась. Не стану осуждать за это американку, внезапно заброшенную к нам по воле судьбы. «Декабристки» из нее и не должно было получиться.

Она уехала в США — на время. К удивлению Филби, спецслужбы США не чересчур утруждали себя расспросами жены советского разведчика, что подтверждает еще один рассекреченный документ.

РАССЕКРЕЧЕНО

Секретный отъезд Элеоноры из Бейрута стал возможным благодаря помощи Балфора-Пола, Дика Паркера из американского посольства, Майлса Копеланда и менеджера местного отделения государственной авиакомпании BOAC господина Ингхема, который изъял ее имя из списка пассажиров рейса, а также получил разрешение начальника аэропорта доставить ее прямо к борту самолета под предлогом болезни. В

Лондоне самолет встретили телевизионщики и журналисты газет, но благодаря заботе командира корабля Элеоноре было разрешено оставаться на борту до тех пор, пока пишущая братия после томительного ожидания не переместилась в бар. Предоставленный для нее автомобиль проскользнул никем не

замеченный.

С момента ее прибытия и до времени отправления в США Элеонора оставалась с моей сестрой Пет. (Журналистская версия о том, что ее прятала британская контрразведка МИ-5 — полнейшая чепуха.) Первые несколько дней она пролежала больной и не могла ходить. Она побеседовала по телефону с Элиоттом, и тот направил своего врача обследовать ее. Как только она смогла ходить, она встретилась с Элиоттом, и вскоре Николас предложил ей поговорить с Артуром Мартином из МИ-5, чье имя известно в связи с событиями 1950–1951 годов, когда тот вел расследование дела Маклина.

ФБР вступило в контакт с Элеонорой по телефону в течение трех дней после ее приезда. Скорее всего, они получили ее адрес через иммиграционные власти. Она предложила встретиться с ними на следующей неделе. Два агента зашли к ней, один из них назвался Миллером. Оба были молоды, чуть старше тридцати и подозрительно хорошо одеты. Их манеры были нарочито вежливы. Беседа длилась менее часа, и лишь один уточняющий вопрос прозвучал по телефону на следующий день: их интересовало, было ли кладбище по пути к нашей квартире. Элеоноре давали понять, что она не представляет интереса для ФБР.

Единственное, что их интересовало в моей прошлой жизни, так это мое пребывание в США. Они спросили Элеонору, знает ли она что-нибудь о моей деятельности в Вашингтоне. Она ответила, что никогда не встречала меня до прибытия в Бейрут, поэтому ничего не могла знать. А они и не стали копать глубже.

То, что они действительно хотели узнать, так это как мы живем. Очевидно, они ничего не знали про Москву и с трудом могли произнести «Кутузовский». Они хотели знать: чувствуем ли мы себя уютно, сколько я получаю, как провожу вечера. Несколько заинтересовали их наши путешествия. Элеонора обрисовала им картину комфортабельной и легкой жизни в полном достатке, позволяющем приобретать всё, что мы пожелаем.

Они поинтересовались нашими друзьями. Элеонора рассказала, что мы старались избегать контактов с представителями западных стран, чтобы нам не докучали журналисты. Она сказала, что мы часто видимся с Маклинами, и описала наши выходные дни на даче. Что касается контактов с русскими, она сказала, что их было много, но что она едва запомнила что-нибудь помимо русских имен: Иван, Сергей и так далее. Они и не настаивали. Они не просили взглянуть на фотографии, чтобы провести идентификацию личностей. Она

рассказала, что я работаю свободным журналистом, но она не знает, единственный ли это мой доход. Они не спросили, какая газета публикует мои статьи.

Я, право, затрудняюсь назвать причину столь незаинтересованного отношения к Элеоноре (они даже не сделали ни единой пометки в ходе беседы). Это говорит о том, что они уже поняли, что она ничего не знает, и опрашивали ее в рамках обязательной процедуры. Похоже на то, что нам не стоит ждать опасности от американцев в ближайшем будущем.

Из всех друзей Элеоноры только один художник из Калифорнии по имени Милдред Софи Портер отвернулся от нее, когда стало известно о моем разоблачении. Все остальные без исключения, казалось, относились ко мне с преувеличенным уважением. Майлс Копеланд, однако, говорил ей, что Николас Элиотт до сих пор вздрагивает при упоминании моего имени. Возможно, такая реакция — результат того самого письма, которое мы направили ему? Как утверждает Майлс, вскоре после того, как мой случай был предан огласке, Николас потерял работу.

Майлс, в свою очередь, по-прежнему весьма дружелюбен. Недавно он открыл свои представительства в Лондоне и Нью-Йорке (Рокфеллер-центре) и сосредоточился на ниве просвещения, в особенности активен в странах третьего мира, продавая там обучающие машины, если такие вообще существуют. Он порвал со своими бывшими партнерами Эйхельбергером и Лимфкиным. Он намеревается перебраться в Лондон, но его останавливает лишь то, что его собака породы мастиф вынуждена будет провести шесть месяцев в карантине. Еще одна любопытная новость от Майлса касается Эда Шихана, чья книга о Кермите Рузвельт должна вскоре выйти из печати. (Кстати, вышла статья о Киме Филби, написанная неким Рональдом Киркбриджем, которого я никогда в глаза не видел.)

Элеоноре наконец удалось решить проблемы с наследством, и весь капитал теперь в банке. Опекунский договор передает официальные права надзора Брюеру, но Элеонора получила право доступа с территории Англии или США. Пара неприятных сцен произошла между ней и Брюером. По ее словам, он выглядит весьма мрачным и, вполне понятно, недружелюбным. У него есть все шансы потерять работу в «Нью-Йорк таймс». (Сейчас он шеф бюро газеты в ООН.)

Элеоноре, в конце концов, выдали паспорт без ограничений, кроме обычных запретов, распространяемых на всех американцев, посещать, например, Албанию, Кубу и так далее. Единственный человек, с кем ей довелось общаться в Госдепартаменте, был

господин Шварц, который был вежлив с ней. Вся процедура заняла чуть более получаса. Обошлось ей всё в сумму около 2500 долларов, и она намеревается попросить своего адвоката вернуть часть потраченных денег. В принципе можно попробовать заставить Госдепартамент признать свои действия неправомерными и, таким образом, получить компенсацию. Лично я думаю, что в данном случае надежды мало, но попробовать стоит.

* * *

Вопреки ожиданиям Элеонора вернулась в Москву. И здесь быстро узнала о романе Кима с Мелиндой Маклин. Вскоре она покинула СССР — уже навсегда. Через восемь лет она скончалась от рака.

К счастью, в то время Ким Филби встретил Руфину. По крайней мере шестнадцать лет из вместе прожитых восемнадцати были, как мне кажется, самыми счастливыми в жизни Кима Филби и его супруги.

Руфина Ивановна и сослуживцы консультанта Первого главного управления (предтечи Службы внешней разведки) Кима Филби подробно расскажут о двадцати пяти годах его «московского периода». Я же перейду к событию грустному.

11 мая 1988 года Ким Филби скончался. За выдающиеся заслуги он был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени и Дружбы народов.

«За несколько лет до смерти Филби в печати появились странные предположения. Филби одинок и хотел бы возвратиться домой в Британию. Филби вступил в секретный контакт с СИС (Сикрет интеллидженс сервис)», — писала «Вашингтон пост». И тут же сама опровергала эти измышления.

Филби оставался верен клятве, которую он дал еще в восемнадцать. За несколько месяцев до кончины он встретился в своей московской квартире с английским журналистом Филипом Найтли. Вот короткая выдержка из их продолжительной беседы: «Что же касается возвращения на родину, то нынешняя Англия для меня — чужая страна. Здешняя жизнь — это моя жизнь, и переезжать никуда я не собираюсь. Это моя страна, которой я прослужил более пятидесяти лет. Я хочу быть похороненным здесь. Я хочу, чтобы мои останки покоились там, где я работал».

А вот что сказал Филби чуть раньше в одном из редких своих интервью советскому ТВ: «У меня нет никаких сомнений, что, если бы мне пришлось повторить все сначала, я бы начал так, как

начал и даже лучше».

Кончина Филби вызвала поток статей в иностранной прессе. В них не было горечи, но чувствовалось уважение.

«Духовой оркестр играл медленный вальс Шопена. Взвод войск КГБ в парадной форме трижды отсалютовал ему последними в его жизни выстрелами.

Провожать Филби пришло около 200 человек. Среди них его русская жена Руфа, гораздо моложе Филби, и сын Джон, прилетевший накануне из Англии. Рядом — 13 венков от родственников, русских друзей и коллег из КГБ, четверо из которых выступили с прощальными речами, называя Филби “великим интернационалистом”.

По словам одного из искренне переживавших ораторов, “он был знаменитым агентом советской разведки, посвятившим жизнь миру и строительству лучшего будущего для всего человечества”.

Следуя русским обычаям, гроб, покрытый красной тканью, оставался открытым до последнего момента. Тело Филби было облачено в темный костюм. Шестеро сотрудников КГБ с горестными лицами отдали ему последнюю почесть, опустив гроб в русскую землю, которую он считал своей. В официальном некрологе о смерти шпиона было написано, что он “совершил невозможное”» — такой отчет с похорон опубликовала 14 мая 1988 года газета «Ситизен».

Англичане считали его генералом, о чем писала газета «Гардиан». Французы называли Филби «денди из КГБ».

Конечно, сыпались упреки и обвинения: «Филби был и вправду великолепным шпионом. Он обладал всеми масками, которые и должны быть у представителя правящего британского класса. У него было лицо человека, побывавшего в сложных переделках, легкое заикание, очаровательная застенчивость, алкоголизм как форма защиты.

В 1968 году репортеры “Санди таймс”, выложившие детали его предательства, назвали его “шпионом, который предал поколение”. И они не преувеличивали. Потому что история Филби превратилась в современный архипример предательства.

Его преступление — больше, чем сама жизнь. Он был очаровательным, блестящим, преданным. Сыном заслуженного британского исследователя и продуктом привилегированного мира британского высшего класса, поднаторевшего в искусстве самозащиты».

Обратим вновь внимание на уже известного нам Филипа Найтли, опубликовавшего в газете «Стар» статью с абсолютно точным заголовком: «Из своей могилы Ким Филби наведывается к западным шпионам». Некоторые исследователи разведки

называют интервью, которое дал Филби Филипу Найтли, происками КГБ. Как ни странно, с этим можно и согласиться. Слегка изменю чужую формулировку: советский разведчик Филби выиграл свою последнюю дуэль. Найтли, опытнейший журналист, специалист в области разведки, был обыгран уходящим Кимом Филби по всем статьям. Он выглядел прилежным учеником, которому профессор Филби надиктовал только то, что и должно было быть надиктовано.

Впрочем, сами познакомьтесь с материалом из «Стар»:

«Когда Филби исчез из Бейрута в 1963-м и оказался в Москве, Британская секретная служба СИС в конце концов вынуждена была признать и сообщить своим кузенам из ЦРУ, что “он был советским агентом начиная с 1934-го”.

…И для Филби, и для его начальников из КГБ потребовалось определенное время, чтобы понять: находящийся в Москве Филби оставался такой же мощной силой, как и раньше.

Вот же он — в безопасности в руках своей службы, памятник тому, что англичанин из истеблишмента, человек, который мог бы сделать блестящую карьеру на Западе почти в любой сфере, на которую он бы только нацелился, а вместо этого предпочел стать слугой марксизма.

“Санди таймс”, начавшая в 1968 году собирать материалы о Филби, столкнулась с немалыми сложностями. Один из руководителей Форин оффис лорд Чалфонт внушал репортерам: “Вы должны закончить ваши расследования. Здесь таится чудовищная угроза. Этим вы поможете врагу”. Потом Форин оффис убеждал газету, что “она теряет время, потому что никогда не сможет опубликовать свою статью”. Издание пугали тем, что руководство спецслужбы обратится к королеве.

В конце концов, газета была вынуждена пойти на компромисс. Ее главный редактор сэр Денни Хэмильтон встретился с премьер-министром Гарольдом Вильсоном и генеральным директором СИС.

И Форин оффис согласился не мешать, если газета не будет делать из Филби героя и обещает каждую неделю показывать властям готовый к публикации отрывок из общего материала. Это делалось для того, чтобы не подставлять под угрозу чью-либо жизнь нежелательными упоминаниями.

Но даже после этого сопротивление властей не было сломлено. Начались публикации серии статей о Филби, и секретарь Форин оффис Джордж Браун выбрал один из публичных ужинов, чтобы упрекнуть владельца газеты лорда Томпсона за то, что газета распространяет глупости в “поисках увеличения тиража”. “…Некоторые из нас думают, что пришло

время остановиться и не давать русским преимущества, им нечего быть в курсе того, что мы делаем. Я прошу ‘Санди таймс’ принять это во внимание и остановиться во имя Всевышнего”».

Так как упомянутые критики отражали взгляды секретных служб, это дает ощущение растерянности, смятения, горечи, даже паники, которыми были охвачены секретные службы Запада при разоблачении Филби в качестве советского агента.

Главным результатом была потеря доверия между ЦРУ и британской разведкой — доверия, которое так и не было полностью восстановлено.

ЦРУ винило британское упадничество, сеть из старинных дружков, отсутствие официального интереса к делам спецслужб… — да в чем еще оно только не винило за это фиаско англичан, однако игнорируя тот факт, что Вашингтон принял Филби с распростертыми объятиями, когда он туда прибыл в качестве офицера связи с ЦРУ и ФБР и где проработал с 1949 по 1951 год!

Сотрудничество сокращено

ЦРУ свирепо сократило сотрудничество между двумя спецслужбами — своей и британской. Глава ФБР, фанатичный Джон Эдгар Гувер, памятуя, что он сам бывал в гостях у Филби, до своих последних дней питал подозрения к Британии и ко всему британскому.

Далее предательство Филби повергло ряд офицеров контрразведки ЦРУ в состояние постоянного шока. Они спорили: если КГБ проник в СИС, то почему бы ему не проделать то же и с ЦРУ?

А то, что «крот» не разоблачен мгновенно, только углубляло их подозрения. Если они не могут выявить «крота», то не потому, что его не существует, а по той причине, что пробравшийся в ЦРУ «крот» — наиумнейший из всех «кротов».

Джеймс Энгельтон, преданный и блестящий офицер контрразведки, который раньше смотрел на Филби, будто на дядюшку, подхватил длительную паранойю в этой охоте на «крота». И вскоре агрессивные разведывательные операции ЦРУ сократились наполовину, ибо офицер за офицером попадал под подозрение в том, что он — «американский Филби».

В конце концов, тогдашний директор ЦРУ Уильям Колби вынужден был уволить Энгельтона, объяснив это так: «Я думаю, мы потратили непозволительно много времени, беспокоясь о поимке фальшивых предателей и фальшивых агентов. Если вы тратите все ваше время на защиту себя от возможности

проникновения одного плохого человека, вы можете закончить тем, что у вас не останется хороших».

Та же охота развернулась и в Англии. Если Филби оказался «кротом», то почему он должен был быть в одиночестве? Филби работал в СИС. Почему бы КГБ не поставить перед собой задачу проникнуть и в другую службу? Как вы смотрите на «крота» в МИ-5?

Признание, сделанное хранителем королевских галерей сэром Энтони Блантом, в том, что он был советским агентом, послужило доказательством для охотников за «кротами»: они на верном пути. Бёрджесс, Маклин, Филби, а теперь вот и Блант разоблачены. А как насчет «пятого», «шестого», «седьмого», «восьмого», «девятого» человека?

Все это привело к разрушительной охоте на «кротов». Возникло убеждение, что «кроты» прорыли свои ходы на всех уровнях британского истеблишмента. Это осталось вечной отметиной во всей истории спецслужб Великобритании. Такое же убеждение легло в основу книги Питера Райта «Ловец шпионов». Оно же послужило основанием для позорного выставления сэра Роджера Холлиса «советским агентом».

Как и в Соединенных Штатах, главная задача британской разведки изменилась. Раньше она смотрела за пределы своих границ, теперь же изучающее вглядывалась в себя самое, потому что каждый офицер посматривал через плечо, выискивая нового Филби.

Вот что дало Филби новую жизнь. Москва поняла, что разоблаченный Филби так же хорош, как и Филби скрывающийся. И она сделала всё, чтобы возбудить западную шпионскую паранойю, озабоченную предательствами.

Но, конечно, не всё было для Запада столь плохо, когда Филби предстал в этом новом качестве. Поиск «кротов» пробудил ряд новых, столь нужных реформ. Изменилась и сама система набора в СИС.

Теперь, чтобы попасть туда на рассмотрение в качестве кандидата, больше уже не было так необходимо являться выходцем из одного определенного класса, иметь родственников, работающих на секретную службу.

СИС молчаливо уразумела, что, возможно, и «немного левые» могут оставаться лояльными гражданами.

Несколько лет назад СИС еще более расширила круг кандидатов для приема в свои ряды для того, чтобы ее состав лучше отражал весь спектр британского общества. Так, СИС приняла на работу офицера, признавшегося в том, что он участвовал в движении за ядерное разоружение.

Но новые пути улучшения работы секретных служб еще остаются. Спецслужбы сопротивляются, выступая против обнародования своих расходов на публичных слушаниях в парламенте, как это принято в Штатах и Австралии.

Подводя итог, можно предположить, что своим разоблачением Филби оказал Советскому Союзу еще бóльшую услугу, нежели та, что могла бы быть оказана, стань он, в конце концов, «С» (директором британской разведки. — Н. Д.).

На том я и закончу эту важную главу. Теперь слово тем, кто тесно общался с Филби в последние 25 лет его жизни. Первой это право принадлежит его жене — Руфине Ивановне Пуховой-Филби.

Верный выбор Кима

Ко времени нашего первого, точнее — официального знакомства с Руфиной Ивановной я уже здорово проникся идеей книги о Киме. Прочитал все, что только удалось достать на заданную тему на русском и прочих освоенных мной языках. И сомнений не оставалось: лишь один человек на этом свете знает о московских годах Филби то, о чем только могут догадываться остальные. Ну, почти всё. Или, по крайней мере, всё, не связанное непосредственно с разведкой. Книга Руфины Ивановны «Остров на шестом этаже» о восемнадцати прожитых с Филби годах написана искренне, честно, с поразившим меня литературным мастерством.

Вместе с Руфиной Ивановной участвовал в первой беседе еще один человек. Собеседник, назовем его так, часто встречался с Филби по работе. Пользовался расположением его семьи. После ухода Кима Собеседник, как это принято в Службе внешней разведки, по-прежнему помогает Руфине Ивановне. В курсе ее дел, забот. У них общий взгляд на многие события, связанные с великим разведчиком, и понимают они друг друга отлично — за всю долгую беседу ни единого намека на какое-то разногласие. Иногда Собеседник вступал в разговор — его реплики и комментарии были точны и профессиональны. Подумалось, что от общения с такими людьми становится спокойнее, чувствуешь себя более уверенно. Впрочем, перехожу к нашему разговору с Руфиной Ивановной.

Несколько слов о кураторах

— Руфина Ивановна, как вы решили взяться за «Остров на шестом этаже»?

— После долгих колебаний я, наконец, решилась написать книгу… Села за стол, задумалась — а в голове пусто. Была в отчаянии! Столько лет прожила с таким необыкновенным человеком, а сказать нечего. Рассказать о семейной жизни? Но, как известно, «все счастливые семьи…» и т. д. Кому это интересно? Потом, постепенно успокоившись, стала вспоминать какие-то забавные эпизоды и записывать их. А затем стали выплывать другие картинки из нашей жизни. И так родился наш «Остров».

— Какую черту вашего мужа вы считаете главной?

— С чего начать? Первое, что приходит в голову, — это пунктуальность Кима. Хотя это и не самое главное, но я говорю

об этом, так как Ким не мог привыкнуть к постоянным опозданиям сотрудников. Это его просто обескураживало. Тем более он говорил, что за рубежом все его контакты были необычайно пунктуальными. А здесь куратор всегда звонил по телефону и назначал время встречи. Например, говорил, что придет через двадцать минут. Ким уже ничем не может заниматься и в ожидании шагает из угла в угол. Проходит двадцать, сорок минут, а то и больше, и появляется посетитель как ни в чем не бывало, без извинений, объяснений. Разумеется, были люди и очень пунктуальные, но это же норма.

Так появился у нас новый куратор Виктор Иванович. Он запомнился не только своей пунктуальностью. Это был человек очень ответственный, интеллигентный, в общем приятный во всех отношениях. Он был не единственный в своем роде, но с ним связана интересная история.

Ким мне рассказывал, что когда он путешествовал по Сибири, у него был замечательный переводчик: «Он меня поразил своим знанием английского языка. Такие употреблял обороты, что я только удивлялся. Далеко не все англичане так хорошо владеют своим языком». Фамилию Ким не помнил… Однажды, когда пришел Виктор Иванович, они с Кимом разговорились. Оказалось, что Виктор Иванович сибиряк, учился в Иркутске. Ким стал рассказывать историю о необыкновенном сибирском переводчике. А наш куратор спрашивает: «Вы меня не помните? Это я был вашим переводчиком».

Кураторы часто менялись. Кто-то задерживался дольше, кто-то меньше. Не успеет Ким привыкнуть к одному, появляется другой. К кому-то Ким привязывался, считал своим другом. И вдруг этот человек, не сказав ни слова, исчезал.

Единственным исключением стал Станислав, его первый куратор по работе. В то же время был и второй куратор, который неизвестно чем занимался, зато запомнился своим экстравагантным поведением. Станислав оставался с нами несколько лет. Они нашли с Кимом понимание и в работе, и в жизни. Станислав был единственным, кто предупредил о своем уходе и даже пригласил нас в «Метрополь» на прощальный ужин. Почему он мог, а другие не могли хотя бы просто попрощаться?

Совсем недавно передали мне привет от Гены. Молодой тогда парень сопровождал нас в поездке на Кубу. И в отличие от многих очень симпатичный и доброжелательный, нам с ним было хорошо, легко. И ему хотелось стать нашим куратором, но не получилось.

Собеседник: — Это — большая проблема. С одной стороны, старались, чтобы с Филби работали действующие сотрудники и

чтобы Ким, опытнейший профессионал, чувствовал это. Можно было пенсионеров ставить. Но к чему? А с другой стороны, не всегда расставание по разным причинам происходило, скажем, корректно. Филби был действительно человеком тонким, деликатным, остро чувствующим. Я немного о другом: как-то, еще когда он работал в Англии, зашел с ним разговор про пенсию для него, для семьи, и Ким, это есть и в документах, ответил: «Мне пока не надо. Когда будет нужно, я сам скажу, попрошу». Он столько сделал. Знаете, чтобы вы поняли, я еще раз повторюсь: дело до сих пор работает. Многое закрыто. Тут многое касается не только лично Кима. И снова несколько об ином. Как он, к примеру, относился к своим коллегам по «пятерке». Или, может, была не «пятерка», может, «семерка» — кто его знает. Филби настолько за них переживал…

Любовь против дурных привычек

— Руфина Ивановна, вы, без всяких сомнений, были счастливы в браке. Но возникли, как понимаю, на первых порах некоторые сложности. И все равно счастье пришло и длилось много лет. Что вам особенно нравилось в муже?

— У него были качества, которых я ни в ком не встречала.

— Идеальный брак?

— Первые два года были трудными. Потом эти проблемы ушли — и всё было действительно идеально. А поначалу — ужасные моменты, с которыми я пыталась бороться. Обычно, что делают в таких случаях пьяницы-мужья? Каждый раз обещают: больше никогда ни капли. Я, конечно, пыталась урезонить его, разумеется, когда он был в нормальном состоянии, говорила: «Почему ты так убиваешь себя? Зачем?» Но никогда не угрожала, что брошу его. Он сидел, опустив голову, молчал, не говорил ни слова, никогда не давал мне ни единого обещания. Ни разу не перебивал, все выслушивал. И в один прекрасный день совершенно неожиданно для меня сказал:

«Я должен сделать выбор. Боюсь потерять тебя. Больше этого не повторится». Так и случилось. Но чисто английский режим не изменился: в пять часов tea time[9], в шесть часов drink time[10] — он разбавлял немного виски или коньяка водой. Обычно следовала вторая такая же разбавленная порция. Он любил повторять: «Нельзя летать на одном крыле». После чего он говорил с улыбкой, протягивая бутылку: «Спрячь». Но в этом уже не было необходимости.

— Ушло?

— Прекратились эти кошмары. Выпивал изредка и в меру с

теми, с кем встречался у нас дома по работе.

«Медовый месяц» в Сибири

— Судя по вашему «Острову», вы немало попутешествовали…

— Да-да. Когда Ким сделал мне предложение, он пригласил меня поехать в путешествие по Сибири. Как в «медовый месяц». Меня это позабавило. Я про себя подумала, что свадебное путешествие по Сибири звучит, по меньшей мере, странно, для иностранцев — даже пугающе. Но я любила путешествовать, а раньше, до Кима, у меня такой возможности не было. Поехали мы туда в 1971-м и получили большое удовольствие.

— Правильно ли я понял, что из всех зарубежных стран — бывших «социалистических» — вам больше всего понравилось в ГДР?

— Нет, больше всего понравилось в Болгарии, и мы стали ездить туда каждый год. В ГДР тоже понравилось, но у Кима осталось застарелое предубеждение ко всему, что связано с Германией — неприязненное отношение к немцам засело в нем еще со времен войны, поэтому он долгое время отказывался от приглашений. Но в 1980 году мы все-таки поехали. Вопреки нашим ожиданиям, многое понравилось.

Там мы много путешествовали. Запомнилась прогулка на катере по Вайсензее. Два дня провели в Дрездене, где наслаждались шедеврами прекраснейшей галереи. И все здесь проходило четко и пунктуально.

— Вы пишите, что познакомились с Маркусом Вольфом — главой разведки ГДР, который говорил по-русски. Общаться с ним было легко?

— Да, конечно. Я ничего не знала тогда о Маркусе Вольфе. Удивилась, когда он вдруг заговорил со мной по-русски: «Как вы хорошо говорите по-русски». Он мне сказал, что долгие годы прожил в Москве.

— Вольф мне тоже показался человеком легким в общении. Я слышал, что, когда по приглашению министерства внутренних дел ГДР к ним приезжал на отдых советский нелегал Абель, это не ограничилось только экскурсионной программой — Рудольф Иванович встречался с немецкими разведчиками, делился опытом. Вольф не пытался использовать Филби таким же образом?

— Нет. Мы встречались с ним на банкетах, на прогулках, отдельных бесед у них не было. Та поездка в ГДР, к сожалению, стала для Кима последней.

— Впечатление, что вы с Кимом всегда были вместе…

— Прежде всего, он был домосед. Откуда бы мы ни

возвращались, он всегда произносил: «Дома лучше». И еще, чтобы я была всегда рядом. Очень редко Кима увозили на официальные встречи. Это были единичные случаи.

— А с Андроповым у него были встречи?

— Да, Ким с ним встречался.

— Сколько раз?

— Точно не помню. Кажется, один. А если снова о загранице, то поначалу не очень хотели нас куда-то пускать, хотя речь шла только о соцстранах. «Окно в Европу» нам открыла Чехословакия. Чехи первыми издали книгу Кима «Моя тайная война» — даже раньше, чем она вышла в Союзе. Они перевели ее с английского. Это абсурдно, но ГДР и Болгария переводили книгу на свои языки с русского перевода.

Чехи же исключительно аккуратно составили договор, приготовились выплатить гонорар. И Ким сказал, что надо за ним поехать. Это был хороший повод, чтобы нас выпустить. И мы с удовольствием прокутили там гонорар. Это была наша первая заграничная поездка и очень интересная.

— В 1978 году вы были на Кубе — и путешествие ваше здорово затянулось… Почему вам тогда было сказано, что лучше остаться на время на Кубе, что в Москве существует какая-то угроза? Ведь с 1963 года всё так далеко ушло…

— На самом деле, я не знаю, существовала ли какая-то опасность. Но в те годы царила повышенная подозрительность, столько всего мерещилось. Может быть, появился какой-то журналист или вообще какое-то подозрительное лицо? А Ким только смеялся. Что из того, если даже кто-то его ищет? Считал, что ему ничто не угрожает. Тут говорили, что его могут убить. Он уверял, что не может кто-нибудь приехать с таким намерением.

Витали в воздухе угрозы

Собеседник: — Позвольте, я вам проясню. Безопасность Филби действительно нас заботила. Ведь здесь, в Москве, Ким даже звался другими именами — был он у нас здесь под прибалта. В «Острове» у Руфины Ивановны об этом написано.

— Но он был уверен в собственной безопасности. Жил под другой фамилией, которую ему потом еще раз сменили на более подходящую. Тем не менее Руфина Ивановна, а не он, стала ходить на почтамт за письмами и газетами, — вспомнил я.

— Это потому что так мне сказали, — пояснила Руфина Ивановна.

Собеседник: — Надо понимать, что Абель — Фишер, которого вы упомянули, — это одно, пусть и нелегал, но свой сотрудник,

его немцы могли и попросить в чем-то помочь, выступить перед сотрудниками. А Маркусу Вольфу наши могли сказать: не надо беспокоить Филби, дайте человеку отдохнуть. Вряд ли Маркус Вольф пошел бы на какие-то самостоятельные действия без согласования с Центром. Теоретически это можно, но практически… Нет, точно нет, такой у Филби был высочайший уровень. Вот, Руфина Ивановна, вы ездили с Кимом в Прибалтику. Хотели в Латвии снимать фильм, взять у Кима интервью. Я могу честно признаться, там до этой поездки переписки полтонны: стоит ли вообще беспокоить Кима?

— Руфина Ивановна, это была поездка в Ригу?

— Да. Тогда он неважно себя чувствовал. В дороге стало еще хуже, а его пригласили на телевидение. В гостинице он совсем слег. Приходил врач, назначил лечение и постельный режим. На следующий день пришел журналист, чтобы отвезти Кима на телевидение. Я говорю, что это невозможно. Тот страшно разозлился и выскочил, хлопнув дверью… А Ким буквально еле дышит. Потом опять пришли уже другие люди, уговаривали. И я предложила единственно возможный вариант: снимать в гостинице, в холле. Я наблюдала за интервью и, зная, чего ему это стоило, снова подивилась его выдержке, силе воли. Всё прошло благополучно. Но нам пришлось задержаться в Риге на несколько дней, чтобы Ким пришел в себя.

Собеседник: — Я бы хотел еще раз вернуться к теме безопасности. Тут всё не так просто. То была защитная реакция на реакцию Великобритании. Эти вещи естественны для 1960—1970-х годов. Что-нибудь проскальзывает в их печати с полуугрозой, а у нас в те времена такое воспринимали серьезно. Это Ким мог считать, что никто и никогда не решится, не посмеет. Но там шла определенная работа прессы, публиковались статьи… На него периодически начинался накат: предатель, продал Великобританию и прочее. Публикации до сих пор идут разные…

Вот сравнительно недавно внучка опубликовала статью. Читали? Полтора года назад, вдруг ни с того ни с сего, зимой, в минус тридцать, Руфине Ивановне звонок: «Я внучка, дочка Джона. Хочу быстренько к вам в гости приехать». Но мы же не знаем… Двадцать лет никого не было, и тут приезжает взрослая женщина и идет на кладбище в пять часов вечера. А январь, стужа… Мы туда поехали с ребятами — там метр снега. Она потом пишет в своей вышедшей в Англии статье: а кто это, интересно, незадолго до меня все расчистил и положил цветочки к памятнику? Так что вот такие приезды.

— А сын Джон жив?

— Нет, Джон умер. Это я узнала от внучки. А если о той поре, то сам Ким не верил, что угроза для жизни может прийти из Великобритании. Ясно, его могли искать английские журналисты. Он не хотел встречаться с ними. Но когда предупреждали об угрозе для жизни, он, как бы к этому ни относился, все равно подчинялся всем правилам. «Мы должны уехать или мы не можем ходить туда-то, мы не можем выходить без охраны» — всё это он соблюдал. И вот еще что он говорил: «Если со мной что-то случится, будет отвечать такой-то». Ким всегда об этом помнил. Поэтому вел себя очень осторожно.

Собеседник: — Простите, а как относительно всех тех диверсионных групп, которые засылались в СССР (и после предупреждений Филби арестовывались. — Н. Д.)? Там были националисты — прибалтийские, кавказские, среднеазиатские. Все те, кто переходил к фашистам. Мы же не знали, кто из них жив, чьи родственники остались… И потом, сколько на белом свете разных шизофреников. Одна квартира, в которой он жил, засветилась. Приезжал, по-моему, его сын. Парень хороший — но что дальше? Пришлось срочно подыскивать новую.

— Это та, которая на Соколе? — переспросила Руфина Ивановна. (Было это, как я понял, еще до ее замужества.)

Собеседник: — На самом деле относились к этому очень по-серьезному. Скажем так, Ким, может быть, даже не до конца осознавал важность той информации, которую он за столько лет передал. Он работал и работал. Но когда люди сидят тут, в Центре, и всё анализируют, это представляется иначе. А теперь я о несколько другом. Работая в Англии, он любил разговаривать с нашими товарищами. Одно дело, когда документы передаются в толпе. Другое — общение, беседы где-нибудь в безопасном месте. Переживал, когда таких бесед не было. Во время войны просил рассказывать, «какое у нас реальное положение на фронте». Понимаете, «у нас». А когда такой человек передает документы, а ему — «спасибо» и разбежались, то, конечно, неприятно. Филби повторял: «Я хочу, чтобы со мной работали». И в этом он был весь. Или его героизм еще во время гражданской войны в Испании. Тяжелейшее получил ранение. Эпизод, когда все, ехавшие с ним в одной машине, погибли, а он чудом остался жив…

— Об этом он рассказывал, мистика какая-то! Сидел все время на одном месте. Потом остановились, он обошел машину, пересел, и это его спасло. Отделался легким ранением в голову. Признавался мне: «Не мог понять, почему я пересел. Все погибли, а я — остался».

— Непонятно иное. Почему первые годы Филби в Москве были

такими тяжелыми? — спросил я, обращаясь к Собеседнику. — Человек приезжает с верой, с желанием работать. И — безразличие. Или это был такой этап нашей истории?

Собеседник: — Это совпало с нехорошим периодом. Думаю, то были самые тяжелые годы: до прихода Андропова и после развала Хрущева, когда по многим областям нашей жизни был нанесен серьезный удар. По органам госбезопасности, в том числе… Ким приехал, а начальники менялись — приходили и уходили. Может быть, и с этим было связано. Плюс кризис Карибский, политические изменения в стране — не до этого было. Я думаю, что в определенной мере это была ошибка. Филби можно было намного больше использовать. Тем более с учетом его энергии и характера, конечно, его уровня. Это надо же еще представлять, какой уровень: не просто какой-то рядовой сотрудник, а один из руководителей британской разведки! Я читал документы, которые, видимо, докладывались Иосифу Виссарионовичу. Филби там советы дает, как работать. Можете себе представить, после 1930-х годов, после 1937 года? Когда был вырублен очень приличный уровень интеллектуалов разведки, когда вырубили практически всех резидентов в зарубежье — и вдруг наш зарубежный источник дает советы, как работать. А некоторые резолюции там читать страшно. Получается, что одно поколение чекистов вырубили, второе вырубили… И сидит, понятно, на их месте какой-то молодой начальник и не знает даже, что на этом переданном Кимом Филби документе написать. Потому что он — не в курсе, вырублено-то два поколения! Может, он и сам боится такую информацию куда-то давать. Это тоже надо как-то понимать, не забывать, помнить. Практически до 1943 года Филби временами не доверяли.

— Но потом-то поверили! Почему же так прохладно отнеслись к нему уже здесь, в Москве? Понятно, Карибский кризис, Хрущев… Но человек был готов трудиться, по-прежнему вкалывать!

— Мне кажется, тут сыграли роль несколько факторов, — чувствовалось, что Руфина Ивановна хорошо знает, о чем говорит. — Во-первых, он оставался иностранцем, а к ним у нас всегда относились с подозрением. Потом были некоторые сотрудники органов, которые, как Модржинская, уверяли, что Филби работал на англичан…

— Известная разведчица, она в военные годы, да и после писала суровые докладные записки, которые догадывались высшему руководству. — Эту историю наездов на Филби я слышал не раз. — Елену Модржинскую ценили: перед самой войной она под псевдонимом «Марья» передавала ценнейшие сведения из

оккупированной немцами Варшавы. А тут жестоко ошибалась, но стояла на своем, уверяла в собственной правоте. Начинались проверки, ее записки из дела Филби изымались, но привкус оставался…

— И потом все зависит от человека, который тогда, в 1963-м, стоял во главе всего этого дела. Руководствовались чисто бюрократическим принципом: если ничего не делать, ничего не будет. Можно рискнуть, но зачем? Проще было посадить его «в клетку», дать охрану, следить за безопасностью. И еще печально, что Кима лишили всех контактов.

— С кем?

— Например, здесь работал его старый друг по Бейруту — журналист Дик Бистон. Ким обожал балет, оперу, музыку. И надо же было так случиться: однажды в первый раз, когда мы с Кимом пошли в Большой театр, мы наткнулись на Бистона с женой. Он тогда здесь работал корреспондентом «Дейли телеграф». Идем по проходу, а он нам навстречу. Мужчины вышли покурить, а Ким и меня прихватил. Вскоре в «Дейли телеграф» появилась маленькая заметочка с подробностями — в чем я была одета. По-моему, можно было бы встречаться. Вообще Ким сам избегал встреч с журналистами — не мог отвечать на многие вопросы. Но, думаю, ему было бы приятно повидаться со старыми друзьями. Кстати, у него был контакт с одной очень интересной старенькой американкой. Было ей за девяносто. Познакомил и меня, говорил: «Я уверен, ты ей понравишься». Жила здесь эта женщина с 1920-х годов, работала с людьми из ленинского окружения и ни за что не хотела возвращаться в Америку. Убежденная коммунистка, дом ее недалеко от нас, за Патриаршими прудами. Мы часто ее навещали. Ким получал много зарубежных газет и журналов, и по ее просьбе мы по прочтении всё приносили ей большими пачками.

— И больше ни с кем?

— С самого начала мы подружились с Блейками — Джорджем и его женой Идой. Ким был знаком с ними еще до меня. Я же познакомилась с Кимом благодаря Иде, за что ей очень признательна. Мы регулярно встречались семьями.

Целые тома секретов

Собеседник: — Боюсь, что здесь свою роль сыграл и предвоенный период, когда докладывали, докладывали — а даты нападения переносились. И только когда это все пошло уже в комплексе, когда вся группа Филби стала работать, их воспринимали уже по-другому. Тут идут и телеграммы из

британского Форин оффис, тут и немецкие телеграммы расшифрованные и нам пересланные… Вы знаете, что Филби приносил нам целые дела? Он брал какое-то дело с работы, отдавал его в темноте вечером связнику. Иногда передавались целые тома. Наш человек ехал к себе в советское посольство и все это перефотографировалось. Дальше они встречались снова, наш сотрудник возвращал Киму дело.

— Жуткий риск!

Собеседник: — Это сейчас вот так понять, осознать — сложно. Филби пишет в своей книге, что тут разные факторы помогали — бомбежки, затемнение над Лондоном было. Никто внимания не обращал. А сейчас, на нашем уровне подумать? Это, вы правы, ужасный, конечно, риск, страшный риск. Понятно, что работа в форс-мажорных обстоятельствах. Теперь представляете, как это могли воспринимать в Москве? Да, ясно «враг народа» — ведь так невозможно! Еще один момент. Представьте 1937 год, репрессии. Расстреливали английских шпионов, кучу немецких шпионов, кучу американских… Расстреливают, сажают — и вдруг появляется английский источник, который пишет: «В посольстве Великобритании в Москве на связи всего два-три агента». Как же так?! «Английских агентов» в НКВД расстреливали сотнями, тысячами, а кто-то пишет, что их всего два-три. Да не может быть такого! Значит, он врет. То есть Филби не верили. Получалось, что волной тех репрессий было создано недоверие к самим себе. Когда ему дают задание выявить кого-то типа Сиднея Рейли…

— Это которого вывели в СССР в ходе операции «Трест»?

Собеседник: — Ну да, в 1925 году! А тут вдруг Филби запрашивают — мол, как там у вас Рейли поживает, чего делает? Ким в полном недоумении оттуда отвечает: вы чего, ребята, он же у вас в СССР давно арестован и расстрелян! Настолько сильна была волна репрессий, что сотрудник Центра — и не в курсе. Вот такой был уровень работы… Только потом, постепенно стало все это налаживаться. Согласен, были трудные годы. Но я категорически против того, чтобы Филби представляли в образе человека, заливавшего свою боль коньяком. Сложите всю его жизнь и сделайте вывод.

— Ну да, ведь даже в тяжелое время Филби дает советы, как держаться проваленным агентам. Пишет об Америке, где арестован наш атомный агент Нан, об Англии, где посажен в тюрьму столько для нас сделавший немец Фукс. Смысл: нельзя признаваться. Почему сам Филби довольно спокойно вышел из-под подозрений? Он знал всю методику контрразведки. Как арестовывали? Практически брали на понт: а ну-ка, признавайся! Но Филби-то все это знал. Потому-то и давал совет: полный

отказ от всего и с улыбкой…

Собеседник: — Когда Фукса и Нана судили, обвинители боялись, что вот сейчас их адвокаты возьмут и используют все неточности и несуразности. Но те промолчали. И Ким возмущался: как так — защитник бездействует, надо же знать наше британское право! Доказательства, предоставленные в суд, добыты противоправно. То есть главным становилось слово полицейского. И все, больше ничего не было! У Филби написана работа об этом, но… Получилась та же трагедия, что и с Рихардом Зорге. О нем мы начали узнавать после выпущенного на Западе фильма «Кто вы, доктор Зорге?», который посмотрел Хрущев. А так бы ведать не ведали. Так и тут. Проведена гигантская работа — целые тома и тома. Чтобы кто-то совершил подобное, по крайней мере, я не слышал. В полном объеме обо всем, Филби сделанном, мало кто знает даже сегодня.

— Так давайте об этом расскажем в нашей книге — все, что можно, что разрешено. Лет-то пролетело сколько!

Собеседник: — Вы знаете, в чем парадокс, а если откровенно, — то боль и проблема разведки? Многие сообщения Филби докладывались тому же Сталину один на один, практически в оригинале. Получается, что аналитическим центром был единственный человек: Иосиф Виссарионович. Аналитического центра у разведки тогда не было, вся информация проходила через резолюции какого-нибудь среднего начальника. И выходило: «Войны не будет, как вы и говорили, товарищ Сталин». Отсюда всё и получалось…

— Или не получалось?

Собеседник: — Получалось, что кто знал о Филби реально? Знал о нем Сталин. Вот вам и ответ.

Что ж, мне оставалось только поблагодарить Собеседника за разъяснения — и я снова принялся расспрашивать Руфину Ивановну.

Опять к насущной жизни

— После серьезного и даже горького перейдем к вещам полегче — правда ли, что в России ваш муж здорово увлекся хоккеем?

— Хоккей, как и футбол, он никогда не пропускал. Обычно смотрел по телевизору, хотя иногда бывал и на стадионе. Действительно, особенно увлекался хоккеем. И вместе с Николаем Озеровым оглушительно орал: «Гол! Гол!» Отчаянный был болельщик!

— Видел фото Филби вместе с командой «Динамо». Знакомые лица: тренер Владимир Юрзинов, защитник Валерий Васильев,

нападающий Александр Мальцев…

— Тогда он ездил к ним на тренировочную базу в Новогорск. Сам Ким был очень спортивен. В молодости в Кембридже был чемпионом по плаванию. Играл в футбол, регби, занимался боксом. Но, разумеется, главным для него всегда была работа.

— А над чем работал? Никогда вас не посвящал?

— Нет-нет, никогда. Абсолютно профессиональная черта. Меня это и не интересовало. Так мы были воспитаны: меньше знаешь… Я понимала по его сосредоточенному виду, что он работает. Он всё прокручивал в голове — никаких черновиков, набросков. Просто садился за машинку и быстро, лист за листом, печатал окончательный вариант. Он не говорил, над чем трудился. Но по окончании работы, выходя из кабинета, делился со мной своими впечатлениями. Иногда говорил — это неинтересно, пустая трата времени. Другой раз с удовлетворением высказывался, что работа была трудная и очень интересная. Я видела его и в восторженном настроении, когда он действительно гордился результатом своего труда.

— После 1975–1976 годов работы этой стало побольше?

— Да. В то же время появились и ученики. Но прошли годы, появилась одышка, стало тяжело ходить на эту конспиративную квартиру. Она расположена на девятом этаже, к тому же иногда не работал лифт. Порой, уже в последние годы, так ему было плохо, что я звонила, просила отменить занятие. Потом по его просьбе ученики приходили к нам домой. Но это уже к концу — в 1980-е годы. А первое время он активно готовился к занятиям и работал с увлечением. «Интеллигентные, любознательные молодые люди» — так отзывался он о своих учениках. Но сожалел об упущенном времени: «Информация моя уже устарела. Жаль, что слишком поздно».

— А по-русски он читал?

— Да, читал «Советский спорт».

Собеседник: — Руфина Ивановна, есть фото Филби с «Литературной газетой». Постановочное?

— Возможно, просто просматривал. Вот «Советский спорт» я ему выписывала. И его он читал выборочно. Книги по-русски не читал. Но в его библиотеке красуются прекрасные издания на английском языке — и Толстой, и Чехов, и многие другие. Он был увлечен русской классикой еще в студенческие годы и досконально ее изучил. Ким был способным к языкам и многими владел в совершенстве. Начинал изучать и русский. Но при мне такой необходимости не было, и когда я начала более или менее изъясняться по-английски, он, шутя, стал жаловаться: «Из-за тебя я не могу учить русский».

— Руфина Ивановна, вы говорили дома только по-английски?

— Знаете, у нас с ним был такой кошмарный микст, свой язык. Ким тоже стал говорить на английском, впутывая русские слова. Я вообще сначала не знала английского. Так, школьная программа. Но было неприятно, когда при мне все говорили по-английски, а я ничего не понимала. Это стало раздражать. Надо было учиться. Мне порекомендовали учительницу. Занималась я недолго, с большими перерывами и получила всего несколько уроков, но с пользой. А по совету старого друга стала читать английские книги, постепенно понимая все больше. Ну и, конечно, изъясняясь по-английски с Кимом и выступая в роли его переводчика.

— Муж помогал вам разобраться с английскими сложностями?

— Он сказал мне: «Чего я не умею, так это учить». И меня он ничему не учил, даже когда я просила об этом.

А вот и Грэм Грин

— Вы говорили, что Грэм Грин был вашим любимым писателем, по книгам которого вы учили английский. А еще вы назвали его другом вашего мужа. Из воспоминаний Филби, служившего в военные годы вместе с Грином в британской разведке, выходило, что разведчиком он был неважнецким.

— Ким радовался, что Грин превратился в прекрасного писателя, а не остался плохим разведчиком. И еще когда Грин служил в разведке, то с чувством юмора у него все было прекрасно. На одном из совещаний предложил разлагать немцев, зазывая их в один бродячий французский бордель.

— Вы познакомились с Грином у себя дома, в Москве в сентябре 1986-го. Судя по всему, впечатление он на вас произвел удивительное…

— Да. Но еще в давние времена я увлекалась произведениями Грина. Читала все, что у нас переводилось. А потом увидела у Кима на обложке журнала «Тайм» портрет Грина — это был «человек года». Я сказала Киму: «Это мой любимый писатель». А он мне: «Это мой друг». Это был удивительно мягкий, обаятельный человек. С первой встречи у меня было ощущение, что это мой старый добрый друг. Грин приехал с Татьяной Кудрявцевой.

— Переводившей его книги?

— Да. Мы потом с ней подружились. Они подъехали на «чайке» и остановились в тупике переулка, недалеко от нашего дома. К подъезду вела узкая тропка. Грин вышел из «чайки» и

«разложился» во весь рост — высоченный. Он протянул руку и смущенно сказал: «I'm so shy». И через несколько шагов снова повторил: «I'm so shy».

— Почему он повторял «Я так стесняюсь, я так стесняюсь»?

— Я поразилась. Потому что это скорее относилось ко мне. Я всю жизнь страдала от своей застенчивости. А слова Грина показывают, каким он был в глубине души. На пороге нас встретил Ким. Друзья обнялись. И вот мы вошли к нам в квартиру. Они сидели рядом на диване, а я напротив. Они так хорошо смотрелись вместе и были даже похожи друг на друга. Я получала удовольствие, наблюдая за ними и слушая их воспоминания. До сих пор не могу себе простить, что не сфотографировала их.

Разведчик или знаменитость?

— Руфина Ивановна, не припомните, с Коэнами он не встречался? Это — супружеская пара американцев, доставшая для нас атомные секреты из лаборатории Лос-Аламоса.

— С Коэнами? Нет. И тоже непонятно почему. Ведь они были одиноки и жилось им непросто. Интересные люди, но встретиться с ними нам не довелось.

— А если вернуться немного назад. Никто из кураторов вас не предупреждал, что с иностранцами общаться нельзя?

— Это, возможно, было с самого начала, еще до меня — ведь мы встретились только через семь лет после его приезда. Вероятно, его о чем-то предупреждали. Что неприятно: ограждали нас от людей. Тем не менее у нас бывали две-три пары моих самых близких друзей и никаких замечаний это не вызывало. Правда, через какое-то время мне, по настоянию куратора, пришлось составить список «моих контактов» — так он выразился.

Собеседник: — Я согласен, что вопросы использования, адаптации — сложнейшие. Как-то сложилось, и хорошо. И с Коэнами возникли трудности только в последние годы — оба болели. Дилемма — использовать их или, наоборот, — пусть отдыхают, живут в покое? Может, показать людям? Помните, как получилось с полковником Абелем? Дали ему слово в фильме «Мертвый сезон», и получилось, имя человека стало легендарным. Ассоциируют с успехами разведки. Решение принимал лично Андропов. Так и здесь. Решения нет — фигура Филби засекреченная. Хотя, думаю, где-то к году 1970-му Филби можно было и раскрыть.

— Но почему тогда не раскрыли?

Собеседник: — Боялись британской реакции. До сих пор — реакция болезненная, для них — это страшно больной вопрос. Нет-нет да и к какой-нибудь «памятной» дате такое в прессе выдадут! Ведь наш человек столько лет против них работал! Да еще, они прекрасно понимают, работал просто так, за идею. И боролся с фашизмом. И ему реально нечего даже предъявить…

— Когда моя книга «Остров на шестом этаже» вышла на английском языке в Великобритании и США, то бóльшую часть ее занимала библиография из ста пятидесяти семи книг, посвященных Филби. Составил один американец, который принимал участие в издании книги, раньше работавший в ЦРУ. Каждую книгу он подробно анализировал, сопровождая подробными комментариями и ссылками на свидетелей описываемых событий. Меня удивило такое количество изданий, на что автор библиографии ответил, что в процессе его работы эта цифра уже перевалила за двести. Значит, есть огромный интерес.

— Вы вспоминали, что раздражало, когда при вас говорили на английскому а вы не понимали. А при интервью с журналистом Найтли вы присутствовали? Язык к тому времени, как я понимаю, выучили?

— Нельзя сказать, что «выучила», но понять беседу была в состоянии. Ким прочитал одну из его первых книг, она показалась ему наиболее правдоподобной.

Собеседник: — Там не было, назовем так, оскорблений. Он был первым из англичан, кто попытался…

— …Избежать лжи, искажений. Потому Ким согласился на интервью с Найтли.

— Как Филби относился к своей популярности? Был ли он в СССР известен? К примеру, разведчика-нелегала Героя Советского Союза Геворка Андреевича Вартаняна нередко узнают на улице.

— О нем не знали и его не узнавали. Было только одно телеинтервью с Генрихом Боровиком, посвященное Грэму Грину. Я о Киме ничего не знала до знакомства с ним. Он приехал в 1963-м, и только в 1965-м появилась статья в «Известиях» под заголовком «Здравствуйте, товарищ Филби». Я тогда этой статьи не читала. Узнала о ней позже — она у Кима сохранилась. Но из этой публикации ничего нельзя было понять. Даже что он — знаменитый разведчик, столько для СССР сделавший. Возникали вопросы: кто это и зачем он сюда приехал? Были же какие-то перебежчики. Осела здесь пара молодых англичан, имен не помню. Что-то о них писали, показывали по телевизору. А о Киме больше ни слова. Казалось, это какой-то очередной коммунист, сбежавший к нам от проклятых капиталистов.

— Руфина Ивановна, я читал в вашем «Острове на шестом этаже», что вы познакомились на представлении американского ледового балета «Холидей он айс» в августе 1970-го. Представляете, я, в то время мальчишка-студент, работал там переводчиком! Сидел на верхотуре и переводил по ходу всех представлений команды режиссера по свету. У Кима Филби не было билета, а я бы мог его вам запросто достать…

— Жаль, что мы с вами раньше не познакомились! Я-то попала, у меня был билет. А Ким пришел в надежде купить билет, но не удалось. Зато мы с ним познакомились.

Собеседник: — Ким очень любил Москву. Весь центр, дворики, памятники…

— Он любил прогулки, много ходил. Я за ним еле поспевала. Ему доставляло радость бродить по старой Москве. Он знал ее лучше меня, буквально каждый переулок. И везде, даже в незнакомых местах ориентировался безошибочно. У меня, видно, эта клеточка отсутствует. А когда мы ехали в Венгрию, то проезжали Польшу. Поезд остановился на два часа. Решили прогуляться, и, конечно, в Старый город. Гида не было, и Ким вел меня по диагонали, по прямой, найдя каким-то чутьем самый короткий путь. И точно вывел в Старый город, где раньше никогда не был. А Москву любил и знал блестяще. Даже карту составил — весьма своеобразную.

— Карту чего?

— Карту туалетов, очень полезную при таком дефиците.

— Британский юмор и полезность!

— Но он легко ориентировался без всяких карт…

Собеседник: — У нас даже была идея поставить бюст Филби на Тверском бульваре. Но правительство Москвы зарезервировало его для художников и писателей.

— Знаете, чтобы вы лучше поняли, как жилось Киму в Москве, приходите ко мне в гости. Посмотрите, попьем чайку. Возможно, у вас еще остались вопросы.

Я посмотрел на Собеседника. Он был не против. Конечно, вопросы оставались.

Дом разведчика — его крепость

И все-таки совпадения бывают. Оказалось, я долгие годы был соседом Филби. Неужели за все эти годы мы не встречались в наших двух уютных переулочках в самом центре? Как могли разминуться, не столкнуться в булочной ли, в аптеке, на том же телеграфе, куда я всегда гонял сначала за отцовской, а потом и за собственной почтой? Да просто во время прогулок по городу,

агрессивно ощетинившемуся на забитых народом центральных улицах, зато такому тихому, патриархальному в своих старинных закоулках, где еще оставшиеся от прошлой жизни немолодые прохожие порой, будто в деревне, вежливо здороваются друг с другом.

Иногда мне даже кажется, что мне попадалась на глаза эта хорошо одетая пара — Ким Филби и Руфина Ивановна. Да-да, вот они идут вместе, я обгоняю их, и слышится мне английская речь, в которой вдруг проскальзывает семейная шутка-присказка семейства Филби: «Все это не так просто».

Но, нет. Ничего такого не было. Это уже играет воображение, выписывая сценки из другого, не моего жанра. Я же буду придерживаться только его. Не зря друзья-писатели подсмеиваются: ты как документальный фильм снимаешь — не даешь себе же простора. Не даю.

Поэтому тихо бреду вниз мимо больницы с театром, попадая через пару минут в переулок неподалеку от прудов, где и жил Филби.

Сейчас Руфина Ивановна осталась в этой квартире одна. И уже на пороге, без лишних слов и объяснений, понятно: здесь всё, как при нем.

На стене в гостиной, где нам предстоит долгий разговор, картина. Мне почему-то подумалось, Мане. Но как можно проявлять франкофильство в английском жилище? Конечно, знаменитый Тернер. Руфина Ивановна объясняет: один из любимых художников Кима. Понятно, копия, но глаз радует.

Книги повсюду, начиная с прихожей. И в гостиной, и в кабинете. Старинные фолианты поблескивают известными британскими названиями. Множество хорошо изданных переводов русских классиков, среди них и собранный в толстенный том триумвират Булгакова, Пастернака и Солженицына.

А вот и приемник моей юности «Фестиваль», который превратился в верного друга Филби.

— Тот самый — его любимый? Он еще работает?

Руфина Ивановна включает агрегат, принимавший в свое время Би-би-си из Лондона. «Фестиваль» накаляется лампочками, не спеша, нагревается. И зашумел, разражаясь долгожданным звуком.

— Мой брат без конца подпиливал, подтачивал детальки. А клавиша, которая все это включает, не работала. Так он сделал дырочку сбоку, — показывает Руфина Ивановна. — И заработал. Ким радиоприемник обожал. Позже подарили ему «Зенит», так он все равно садился сюда, к «Фестивалю». Считал звук идеальным.

Да и радисты все соглашаются: у этого радиоприемника звук — самый лучший. Все время слушал Би-би-си. С семи утра вот так садился на этот стул и включал радио.

— Стул скромный.

— Стакан чаю и, конечно, сигареты, сигареты, сигареты. Всегда вставал рано, не важно, как провел ночь.

— Мучился бессонницей?

— Конечно. Все время — снотворное, но бесполезно. И читал, читал до полуночи. Ходил, опять читал. Не умел читать полусидя — полулежа. Садился, спускал ноги с постели. Рядом стоял маленький столик. На столике книги и, естественно, пепельница.

— Даже ночью курил?

— Курил. Особенно когда у него приступ или кашля, или сердечный. Вообще при любом недомогании первое, что делал, хватался за сигарету.

— Казалось, наоборот. Хотя, у каждого свое. Расшатанные нервы?

— Нервы еще от той, старой жизни. Накопилось. Да и потом… в каком положении он здесь оказался в первые годы.

— Ну вот, я вас расстроил. А что это за два пистолета на стенке?

— Сувенирные. Кто-то был в Афганистане и привез нам. Подделка. Но Ким всегда так «священно» относился к подаркам. А над ними две оленьи шкуры от Любимова.

— Разведчика и вашего друга? Теперь — известный писатель.

— Работал в Дании, оттуда и привез шкуры. Мы их с Кимом развешивали.

— А это — ваши с Кимом фото тех времен.

— Да-да. Последних времен. К концу восьмидесятых. Выглядит плохо, отекшим — здоровье ухудшилось. А вот рядом висит то, что прислал ему Энтони Блант. Помните эту историю?

— Честно говоря, нет.

— Кто-то принес в советское посольство в Лондоне пакет. Не оставил никакого письма, записки. Просил передать Киму Филби. И нам принесли. Ким раскрыл — картина. Долго думал, от кого? Автор — Пиронези, колонна Антонина, и он тогда по имени Энтони понял. Колонна — в честь победы. Это — как символ общей победы. К тому же Блант — специалист по итальянскому искусству.

Ким хотел тогда его поблагодарить, написать письмо. Но потом передумал — боялся ему навредить.

— В каком году это было? Где-то в семидесятых?

— Точно не помню. Блант довольно скоро умер. Ким переживал и пожалел, что не написал ему. Бланта, конечно,

добила Тэтчер. Он получил иммунитет, а она его нарушила. Это невиданно для англичан: они слово держат. Позор просто!

— Такая дама… Также, только чуть позже, сдала и Кернкросса. Руфина Ивановна, а где знаменитый старинный стол?

— Вот он, XVII века, из цельного куска дерева. Вы знаете, что этот стол ему подарил его друг Том Харрис, который служил с ним в разведке. Он был антикваром и рассказывал, что этот стол находился в монастырской трапезной. Монахи пили вино, и когда разливали, растирали его руками и таким образом полировали дерево.

— Стулья из несколько другой оперы?

— Да, из наших с Кимом времен. Это моя мама их нашла, потому что те, что стояли еще до меня, наверное, были из Лихобор, как и вся мебель. Они уже раскачались и совсем разваливались. А вот этот стул Кима из Бейрута. Всю мебель: стол, тахту, комод, все эти полки — он заказал в Лихоборах по своим чертежам. Но потом расстроился: не рассчитал толщину полок, и некоторые книги по высоте не проходили. Поэтому книги приходилось расставлять бессистемно.

— Какая же у вас библиотека! Книги в основном все английские…

— Конечно. И все это Ким читал. А с тахтой получилось комично. Уже после оформления заказа он купил в магазине югославскую кровать. В те годы редкая удача. И от раньше заказанной тахты пришлось отказаться. И хотя к ее изготовлению на фабрике еще не приступали, у нас, как известно, «все не так просто». Надо было указать уважительную причину. Ким был в тупике. Но, вспомнив, что глупый вопрос предполагает глупый ответ, сказал: «Потому что мой папа умер». И эту причину сочли уважительной. Вот, видите, в кабинете фотопортрет его отца. А на этом столике стояла пишущая машинка Кима.

Муж не брал жену в разведку»

— Руфина Ивановна, спасибо за экскурсию. И, если позволите, попробую как следует расспросить вас о профессиональной работе Кима Филби. Наверняка за эти восемнадцать лет он рассказывал о своей жизни там…

— Как вам сказать. Чувствовалось, что о деталях работы говорить ему не хотелось. Я ведь понимала, что всё засекречено, и не допытывалась. Рассказывал, правда, без подробностей, как убегал в 1963-м из Бейрута. Теперь это уже известно: на пароходе «Долматов». Но поведал одну интересную деталь, о которой не упоминают. Был у них с советским куратором, там работавшим,

условный знак. Когда тот проходил мимо его дома, Ким видел куратора с балкона — значит, назначена встреча. Если вдруг предстоит побег, знаком опасности должна была стать газета в руках куратора. И человек этот мимо дома в нужный момент прошел, только вот газету забыл. Ким встретился с куратором, но что надо бежать прямо сейчас, не знал. Показывал мне: «Я ушел, как был, в этом костюме с одним носовым платком — и всё».

— Вы с этим куратором не встречались?

— Была с ним нежданная встреча. Фамилия его П-в. Я тогда имен не знала, а познакомилась с ним на улице. Я уже рассказывала, что Ким любил прогулки. В тот раз были на Красной площади. Возвращались, и тут я должна вам объяснить: все время была я под страхом. Постоянно снились кошмары. Сидело все это в подсознании. Меня все время пугали, что его могут похитить, убить, хотя Ким считал, что это — полная ерунда, и относился к этому спокойно. Но, повторюсь, будучи человеком исключительно дисциплинированным, поступал всегда так, как говорили. Никогда ничего не нарушал. Он бережно относился к людям — со всех точек зрения. Повторял: «Ну а вдруг со мной что-то случится? Значит, будет отвечать тот, которому все это поручили».

И вот мы идем, глубокая зима, морозный день. Ким любил такую погоду. Проходим мимо еще той, старой гостиницы «Националь», и я вижу человека, который приближается к нам. И на моих глазах его лицо резко меняется — становится свирепым, ужасным. И этот незнакомец кидается на Кима. Я застываю, как соляной столб, но вдруг вижу: они оба улыбаются и обнимаются. Оказалось, это был тот самый П-в, который был его контактом в Бейруте и с которым он здесь никогда не виделся. Да, контактов с людьми Ким имел немного. Чисто случайная встреча! Потом П-в приходил к нам в гости с женой. Пригласили и нас к себе. Через несколько лет этот человек умер.

— Если верно понимаю, воспоминания о жизни там были отрывочные.

— Ким обычно рассказывал какие-то забавные случаи, со своими детьми, например.

— И ничего — совсем ничего о работе?

— Вспоминал какие-то эпизоды из той жизни, но это не касалось работы.

— Затрону тему серьезную. Существует мнение, что Киму Филби дали убежать из Бейрута. Допрашивал его приехавший из Лондона старый друг Николас Элиотт, чуть ли не сразу после тяжелейшего разговора улетевший обратно в Англию. А местный резидент Лан вообще общался с Филби только по телефону.

Небрежность для таких асов непростительно странная. Как этот момент оценивал сам Филби?

— Ким мне этого никогда не говорил. Я узнала это позже. То, что приезжал человек, допрашивал. И вместо того чтобы сразу забрать, дал ему время — субботу и воскресенье. Ким рассказывал, как ему пришлось уходить с пустыми руками. На такой случай у него была приготовлена сумма денег, которую он оставлял жене. Тем не менее Ким всегда был готов к неожиданному исчезновению.

Я вам расскажу о другом. Ким был необычайно теплым, доброжелательным человеком. Вот он сидит в кабинете, работает, печатает на машинке. Я открываю дверь, хочу что-то сказать, но понимаю, что не вовремя, и ухожу. Но он тут же поворачивается с улыбкой, как бы ни был занят, и спрашивает: «Что ты хотела?»

— Это любовь к вам у интеллигентность или выдержка?

— Это нельзя воспитать. Натура есть натура. Многие, кто считает себя интеллигентами, так себя не ведут. Даже с вежливыми людьми случается всякое. Я говорила вам об одном из наших кураторов, человеке вполне достойном. Но случился эпизод, который привел Кима в бешенство. Мы путешествовали по Волге с его сыном и каждый день обсуждали, где высаживаемся, какой у нас маршрут. Собирались у нас в каюте — мы с Кимом, сын Джон с женой и наш куратор. Я задаю куратору вопрос, пытаюсь обсудить какое-то предложение, а он сидит и, не глядя на меня, листает и листает журнал. Что было с Кимом! Он в бешенстве вскочил со стула: «Кто не вежлив с моей женой, тот оскорбляет меня». Он произнес это по-русски.

— Руфина Ивановна у ваш муж задавал высокую планку. Может, для большинства она слишком высока…

— Да, это так. Например, с Кимом невозможно было ездить в метро. Выплескивается поток, куда-то устремляется. А он всегда всех пропускает. Я иду, привычно лавируя в толпе, и его теряю. Вижу его далеко, а он все еще пропускает, пропускает… И так каждый раз. Рассказывал, что приехав в Москву, решил зайти в знаменитый наш «Елисеевский». Подходит к магазину, открывает дверь. Видит женщину и пропускает ее. А за этой женщиной ринулся один мужчина, другой, все подряд. Ким смеялся: «Я стоял, как швейцар, держа эту дверь». Вот напротив — стоит его кресло. И всякий раз, когда я входила в комнату, он вставал. Я с трудом отучила его от этого. А моя мама мучилась. У нее здесь была своя комната, и она часто оставалась у нас. Мама входит, и муж сразу вскакивает. Мама: «Ким, ради бога! Я боюсь входить в комнату». А он говорит: «Я был таким мальчиком».

— Что он имел в виду?

— Он рассказывал, что начал читать с четырех лет, углубляясь в книги и ничего не замечая вокруг, и говорил мне: «Вдруг слышу: Ким, твоя мама зашла. И я сразу вскакивал». Натура и воспитание, конечно, тоже.

— Руфина Ивановна, давайте вернемся к работе вашего мужа. Было ли нечто такое для нашей страны сделанное, чем он особо гордился?

— Да. Часто он повторял: «Прохоровка, Прохоровка».

— Это о материалах, которые он с друзьями по «пятерке» передави накануне Курской битвы?

— Да. Я-то о Прохоровке мало слышала, все больше о Курской дуге. А он повторял: «Прохоровка — это же я». Никогда свою роль не выпячивал, но в этом случае гордился.

— А об атомной бомбе вопрос возникал?

— Это другое дело. Рассказывал, когда на него впервые пало подозрение, как он сумел выйти из опасной ситуации. Написал две статьи, смысл которых сводился к одному: ни в коем случае не признаваться.

«Пятерка», «шестерка», «туз»

— А о друзьях по «пятерке» он не вспоминал? Пусть как-то, в каком-то контексте. Кто был для него самым близким?

— Смелость расставлять по степени близости на себя не возьму. Но о Бёрджессе Ким говорил, что он был необыкновенным, безумно талантливым. Пожалуй, наиболее блестящим. Однако не сумел себя реализовать. Щеголял экстравагантностью. Рассказывал Ким про него смешную историю. Часто они встречались на приемах, и если была жара, то во время торжества Бёрджесс мог пойти под душ, не раздеваясь, — прямо в костюме, в галстуке, в туфлях. И объяснял потом: «Ничего страшного — это все синтетика».

А Ким пострадал из-за него.

— Это когда вместо того, чтобы просто помочь Маклину, Бёрджесс сбежал вместе с ним?

— Конечно, если бы не Бёрджесс, Ким мог работать и работать.

— Обиделся на него здорово?

— Да, обиделся, даже не хотел с ним встречаться. Но была У Кима незаживающая рана. Один из сотрудников разведки написал, будто Филби отказался встречаться с Бёрджессом, когда тот лежал в московской больнице и хотел его видеть. Но я-то хорошо знаю, что это неправда. Ким мало говорил о работе, а здесь высказывался часто. Повторял: «Бёрджесс хотел видеть меня

перед смертью, хотел сказать мне что-то важное. А ему сообщили, что меня нет в Москве. Почему они так жестоки?» Киму вообще ничего не сказали. И то, что он не мог тогда увидеть Гая, оставалось болью. Очень переживал! Я на похоронах мужа увидела человека, который вообще не знал Кима, а потом писал, что «забегал на чаек к Руфине и Киму»…

— Давайте перейдем к следующему из «пятерки».

— Я бы добавила еще о Бёрджессе. Известно, к чему привели его выходки. И то, что он ночевал у Кима в Вашингтоне, было против всех правил. О Дональде Маклине известно многое. Что мне добавить? С ним так близко Ким знаком не был. Маклин работал в МИДе, они не часто пересекались. А с Бёрджессом Ким был связан. Гай пришел в контрразведку раньше, это он рекомендовал туда Кима. А когда Ким вместе с Маклином работали на одно общее дело, по всем правилам они не могли встречаться. Но Ким всегда был высокого мнения о нем.

— Давайте перейдем к Бланту. О картине, присланной им из Лондона, вы уже рассказали.

— Про Бланта… Ким к нему очень хорошо относился.

— А вы знали о нем еще до речи Тэтчер?

— Да. О Кернкроссе — нет. Ким никогда не произносил этого имени.

— Как?

— Это было тайной. Он только смеялся, потому что кого только ни назначали «пятым». Даже одного из его начальников.

— Холлиса, начальника британской контрразведки.

— Ким очень веселился по этому поводу.

— Знал, что это не так?

— Конечно, знал. Но никогда ничего не говорил. Это была закрытая тема. На многие вопросы Ким отвечал: «Об этом я не могу говорить». По поводу Бланта Ким переживал. Особенно после того выступления Тэтчер. Ким вообще плохо к ней относился. Говорил, что она мещанка, не леди.

— Хотя потом ей был присвоен титул баронессы.

— Блант же рисковал, когда передавал подарок.

— Получить из Лондона такой пакет — чудо. А относительно Кернкросса хочу вас спросить: они были знакомы?

— Лично? Не знаю и гадать не хочу. Получилось так, что все сосредоточились на так называемой «Кембриджской пятерке».

— А как Филби относился к некоторым ошибкам, ими допущенным? То же проживание Бёрджесса у него в Вашингтоне… Старался в ту пору помогать ему? Сдерживать? Отвадить от питья?

— Ким сознавал, что это ошибка. И все-таки хотел помочь

Бёрджессу. У него осталось двойственное чувство. Хотел удержать его от чего-то: талантливый человек был совершенно неуправляемым. С другой стороны — это грубое нарушение правил. Когда стали копать, каждая деталь была против них.

— Бёрджесс так никогда и не объяснил, почему он вдруг рванул в Москву с Маклином?

— Никогда. Маклин — другое дело, у него не было другого выхода. Ким устроил ему побег и в результате сам пострадал. А вот Бёрджесс… Его побег был неоправдан и привел к провалу. И это взбесило Кима.

— Муж рассказывал вам о своих первых годах в Москве? Что его тяготило?

— Ким ценил каждую мелочь проявления человеческой доброты. Он рассказывал мне с такой теплотой о том, что после побега его встретили искренне, с объятиями. Он-то считал это неудачей. А ему при встрече: «Ну, что вы, Ким. Все хорошо». И он постоянно о той первой встрече вспоминал. А потом говорил мне: «Я был переполнен информацией, и мне хотелось всё отдать. Я писал без конца эти меморандумы». Так он их называл. Выяснилось, что никому это не нужно, их даже никто не читает. Я никогда к его бумагам не прикасалась. Но когда его не стало, я открыла сейф, обнаружила две черные толстые папки. Мое советское воспитание подсказывало мне, что лучше ничего не знать. Я только чуть приоткрыла их и поняла — нечто профессиональное. Закрыла и сразу же, когда пришел куратор, отдала их. Но в одной тонкой папочке, которую я открыла, были его воспоминания. М. Б. потом их переводил. Там детство, его вербовка — это была предыстория. Его книга начинается с Турции, а в папочке — что было до того. Но я помню, как все это начиналось. Ким давал мне читать первые страницы. Его книгу сначала хотели публиковать, а потом она десять лет лежала у нас без движения.

— Вы имеете в виду «Мою тайную войну»?

— Да. После ее публикации Ким сказал: я напишу вторую книгу, и она будет начинаться с твоего имени. И он показал мне первые строчки: «Руфина как-то сказала мне, что я должен всегда мыть руки после того, как держал деньги…» Всё это я запомнила. Так эта рукопись и начиналась. Ким был очень увлечен работой. Печатал на машинке, но я видела только первые страницы. А затем заметила, что Ким как-то скис. Говорит мне: «Нет, все равно это не опубликуют». И перестал писать. И так это осталось незавершенным. Когда увидела эту папку, поняла, что это его воспоминания, и уже никому их не показала, не отдала. Боялась, что пропадет. Или, как говорит один наш знакомый, «все в печку».

— Руфина Ивановна, вопрос, на который прошу вас ответить со всей откровенностью. А не случалось ли, чтобы в минуты откровенности муж говорил вам, что ошибся, что не нашел здесь того, чего искал?

— Он не считал свою работу напрасной. Но в системе был разочарован. Многое его раздражало, даже возмущало. Увидел здесь не то, что ожидал увидеть человек, верящий в социализм, коммунизм. Очень переживал, когда видел бедных стариков. Чуть не слезы на глазах. Едва ли не каждую бабушку переводил через дорогу, нес ее сумку. Все повторял: «Ведь это они выиграли войну. Почему они такие бедные?» Он тогда получал пятьсот рублей.

— В то время прямо генеральская зарплата.

— Испытывал угрызения совести, все время сравнивал себя с этими стариками. Знал, какая пенсия у моей мамы, ориентировался в нашей жизни и считал, что такие деньги получает незаслуженно. Один куратор мне сказал, что столько платят только ученым. Когда после одной большой работы ему выплатили гонорар, кажется, рублей пятьсот, он был искренне смущен. Попросил куратора перевести эти деньги в фонд вдов. Тот, хорошо помню, ответил: «Фондов никаких у нас нет, но у вас есть своя вдова, мама Руфины», — и Ким перевел эти деньги маме. А у нас с Кимом не было никакой сберкнижки. Все деньги мы проживали. У него оставалась валюта в чеках Внешпосылторга за книгу, изданную за границей. Основной гонорар он раздал своим пятерым детям, и каждый купил на эти деньги по дому в Англии. Как-то Ким завел со мной разговор о завещании. Я чуть не впала в истерику. Не могла, не хотела представлять, что что-то может быть после Кима. Он замолчал и больше не поднимал эту тему. Но когда попал в очередной раз в больницу, не говоря мне ни слова, оформил завещание. Помогли нотариус и врачи. Оставил всё мне, и первое, что я спросила: «А дети?» И Ким ответил: «Они свое получили». Значительную сумму он перевел на бывшую жену Элеонору.

— Она задержалась у нас недолго, уехала, но написала книгу о жизни в Москве.

— Книгу писали журналисты, ограничившись в основном сугубо бытовыми описаниями московской жизни. После Кима у меня оставалось несколько чеков, но их уже отменяли и «Березки» закрывались. И я почти накануне закрытия приехала в магазин, чтобы потратить свои остатки. Оказалась дубленка необычно дешевая, объяснили, потому что последняя. И мне как раз хватило денег.

— Как вы пережили 1990-е с кризисом и инфляцией?

— Мне после ухода Кима назначили пенсию как вдове генерала — двести рублей. Но грянула инфляция, и она просто исчезла. Получала в переводе на валюту долларов пять. Что-то надо было делать. Понимала, что по специальности я уже вряд ли куда-нибудь устроюсь. Ну, пойду мыть лестницу…

— *Слом всей страны…*

— Приезжали дети Кима, старший внук, которого я встречала шампанским с черной икрой из старых запасов, потом он говорил всем, что Руфа живет, как королева. Раньше мы всегда так встречали детей Кима. Но теперь я оказалась совсем в другом положении. В последние годы жизни Ким, видимо, переживая за меня, сказал: «Я тебе не оставлю никакого наследства. Единственное мое богатство — мои книги». Не хотела расстраивать Кима, но тогда я понимала, что английские книги в Советском Союзе — ничто. Когда Кима не стало, пошла к нотариусу с завещанием оформлять право на наследство. И он стал расспрашивать: «Какая у вас собственность?» Я перечисляла: квартира, вещи, книги… «А машина, дача — есть?» Отвечаю, что нет. И, глядя на меня, как на идиотку, нотариус объясняет, что собственности у меня никакой нет, а все, что в квартире, и без завещания принадлежит мне.

— *А как вы решили взяться за книгу «Остров на шестом этаже»?*

— Подсказал один из учеников Кима. Он был поражен, узнав, какая у меня пенсия, и предложил: «Пишите книгу». Я долго не могла решиться на это. А потом он рассказал, что в организацию пришло письмо от Сотбис. Они хотели бы купить у меня какие-то вещи Кима. Ответ написали небрежно и как бы от моего имени: она отказывается что-либо продавать. Я действительно тогда не думала ни о каких продажах, но почему меня не поставили в известность? И рассказала обо всем этом верному другу, любимому ученику Кима. Он взял на себя работу с Сотбис, чьи представители меня долго уламывали. Тяжело было решиться на эту продажу. Я звонила детям: приезжайте, посмотрите, берите, что хотите. Все ответили, что им ничего не надо. Обливаясь слезами, писала дочери Кима Джозефине. У нас же были со всеми теплые отношения, они почти каждый год приезжали к нам…

— *Сейчас все, кроме Джона, живы?*

— Да. Они приезжали сюда на похороны — Джозефина с мужем, Джон. А Джозефина — независимая, с характером, поразила меня, показав письмо, написанное от руки в КГБ: «Я прошу, чтобы вы разрешили нашей маме Руфе приезжать в Англию».

— *Сегодня отношения поддерживаете?*

— Я в Лондоне бывала много раз. Но в последнее время уже не езжу.

— И как же было на аукционе «Сотбис»?

— Он удался. Прошло какое-то время после начала тяжелых девяностых. Служба внешней разведки воспрянула духом. Тоже мне помогает. Жизнь продолжается. Но ощущение потери не уходит. С этим надо жить.

* * *

Сейчас было бы логично предоставить слово другим людям, знавшим Кима Филби. Но после разговора с Руфиной Ивановной лучше, наверное, сделать паузу — и не будем объяснять, зачем. Поэтому перед тем, как вновь обратиться к воспоминаниям, расскажем о тех людях, чьи имена оказались неразрывно связаны с именем Филби в понятии «Кембриджская пятерка». Начнем по установившемуся порядку, хотя на самом деле порядок этот очень условный.

Второй. Сын адмирала. Гай Бёрджесс (1911–1963)

В 1979 году в интервью «Таймс» Энтони Блант сказал: «Гай Бёрджесс был одним из умнейших людей, каких мне приходилось встречать. Однако совершенно верно и то, что он иногда действовал людям на нервы». Утверждение, что «иногда действовал», звучит более чем мягко: из всей «Кембриджской пятерки» Бёрджесс, пожалуй, получил наибольшую скандальную известность, имя его окружено всевозможными легендами и сплетнями, щедро облито грязью.

Такова судьба яркой, неординарной, независимой и весьма противоречивой личности. Хотя было время, когда Гай являлся кумиром не только для своих сверстников-соучеников, но его очень ценили и преподаватели Кембриджа. Дружбы с этим человеком искали, буквально домогались… Ну а он умел запросто подчинять своей воле окружающих и даже помыкать ими, чуть ли не держа их в подчинении.

Один из его ближайших друзей, Горонви Риз, в ту пору — молодой почетный член Ол-Соулз-колледжа Оксфордского университета, утверждал, что Бёрджесс являлся самым блестящим кембриджским студентом того времени, и все были уверены, что впереди его ждет блестящее будущее ученого. «Когда он говорил, он был просто неотразим, тем более что, будучи по-мальчишески живым и хорошо сложенным атлетически, он был красив чисто по-английски…»

Следуя семейной традиции, Гай Бёрджесс должен был бы служить в рядах Королевского флота — буквально все его предки, из поколения в поколение, становились адмиралами. Вот и отец Гая, офицер флота, доблестно воевал против Германии в мировую войну и дослужился до чина вице-адмирала. Так что можно сказать с уверенностью, что Бёрджессу-младшему заранее были уготованы золотые адмиральские погоны с изображением короны Его Величества — сын адмирала скорее всего дослужился бы до высокого морского чина.

А потому, успешно начав учебу в привилегированном Итоне, юный Бёрджесс буквально через год перешел в Дартмутский военно-морской колледж. Он и здесь учился великолепно, учеба давалась ему легко.

Но что-то потом пошло не так: то ли, согласно официальной версии, врач в колледже обнаружил у него какой-то дефект зрения, то ли самому Гаю чем-то вдруг очень не понравился

Дартмут. Потому он решил уйти из колледжа, заявив родителям, что это «слишком большая честь для королевского флота — заполучить к себе Гая Бёрджесса».

Как известно, Бёрджесс был о себе достаточно высокого мнения. Да и по характеру это был совершенно невоенный человек…

Так что в его жизни произошла резкая смена курса, и он возвратился в Итон, где взялся за науку с еще большим рвением, а в результате за успехи в изучении истории был удостоен престижной премии Уильяма Гладстона — лидера либеральной партии, который во второй половине XIX века несколько раз становился премьер-министром Великобритании.

В 1930 году, окончив школу, Бёрджесс стипендиатом поступил в знаменитый Тринити-колледж Кембриджского университета, где преподаватели сразу отметили у него задатки ученого-исследователя. Хотя усердия к наукам у Гая тогда уже поубавилось, все же, как свидетельствовали его соученики, в 1932 году, несмотря на небрежное отношение к учебе, он сумел получить высшую оценку по истории, обрушив на экзаменаторов целый каскад знаний, чем привел педагогов в полнейшее изумление. В итоге ему даже была предоставлена так называемая «исследовательская стипендия» — то есть, еще продолжая обучение, он получил возможность заниматься преподавательской и научной деятельностью. Казалось, молодой человек наконец-то определился с выбором жизненного пути.

Но так только казалось — в ту пору, когда многие молодые люди всерьез увлекались марксизмом, Бёрджесс стал членом подпольной коммунистической группы. Прежде чем прийти к такому решению, он прочел огромное количество теоретических трудов не только классиков марксизма-ленинизма, но и многих иных мыслителей как современности, так и прошлого. В разговорах и спорах Бёрджесс нередко обращался к Марксу, с легкостью приводил на память его цитаты. Полученные знания и критическое отношение к происходящему в обществе — не будем забывать, что это были времена Великой депрессии, затронувшей не только США, но и страны Европы, — и подвигли его на разрыв с ним, на нарочитое отмежевание от пресловутого «буржуазного мировоззрения» и образа жизни. Уже на третьем курсе он участвовал в студенческой забастовке в пользу обслуживающего персонала Тринити-колледжа. И забастовка закончилась победой трудящихся. Организовывал митинги и забастовки водителей городских автобусов и уборщиков улиц, в которых сам также принимал участие. Кроме подобной «политической активности», весьма напоминавшей позицию российского студенчества начала

XX столетия, его отличала еще и яркая «богемность», которая сохранилась у Бёрджесса фактически на всю жизнь: он очень небрежно одевался («Я никак не мог понять, — вспоминал один из его кураторов, — почему на близком расстоянии он выглядел как бродяга, хотя шил свои костюмы у лучшего лондонского портного»), много пил, проявлял агрессивность в спорах. При этом ему всегда нравились компании, он охотно вращался в самых разных кругах общества, легко и быстро сходился с людьми, имел множество приятелей и знакомых — окружающих привлекали его обаяние, остроумие и высокий культурный уровень. Можно смело утверждать, что его интеллект просто покорял.

Подобный стиль жизни неизбежно стал отрицательно сказываться на результатах учебы. Как свидетельствовал Юрий Модин, сотрудник лондонской резидентуры, свой третий год пребывания в Кембридже Бёрджесс «завершил довольно бесславно. Мне кажется, он даже не сдавал выпускных экзаменов из-за тяжелой болезни в последнем семестре. Это не помешало Гаю заняться в 1933–1934 годах написанием труда “Буржуазная революция в Англии в XVII веке”. Так же называлась его работа, которую он готовил для получения степени доктора философских наук. Но, в конце концов, Бёрджесс забросил и это…».

В то самое время, в 1934 году, Гай Бёрджесс побывал сначала в Германии, а затем поехал в Советский Союз, желая, как он говорил, «своими глазами увидеть разницу двух систем, двух государственных устройств — советского и фашистского». Скажем, что как историку ему очень повезло: 30 июня 1934 года в Берлине произошла знаменитая «ночь длинных ножей», когда эсэсовцы уничтожали недавних своих соратников — штурмовиков. Как пишут в исторической литературе, это была «первая волна массовых убийств в Третьем рейхе. 83 человека были убиты без суда и следствия, без права на защиту, оказавшись жертвами партийно-клановой разборки». В общем, фашизм предстал перед ним во всей своей красе.

Зато в СССР, благодаря заботе Иностранного отдела НКВД, небольшую группу британских студентов, в которую входил Бёрджесс, принимали в полном смысле «на высшем уровне».

В Ленинграде с ними встретились член Западного бюро Коминтерна Иосиф Пятницкий и «любимец партии», ее тогдашний теоретик Николай Бухарин, который имел с гостями продолжительный разговор о том, что только коммунисты могут реально противостоять фашизму.

Побывав в Ленинграде и Москве, молодые представители британского истеблишмента не выразили большого восторга от

того, как живут люди в стране победившего пролетариата. Однако разочарую любителей проводить параллели между «двумя тоталитарными режимами»: подобных параллелей Бёрджесс не углядел, и его выбор в пользу СССР был осознан и однозначен — свою жизнь он решил посвятить борьбе с фашизмом. Правда, потом эта поездка в Советский Союз оказалась для Гая неким skeleton in the closet — «скелетом в шкафу», и когда возникали известные подозрения, приходилось объяснять, что она была вызвана исключительно «юношеской любознательностью» и что Бёрджесс не только не был завербован там «большевиками», но и полностью разочаровался в советской действительности, вследствие чего вышел из компартии у себя на родине…

Тут он говорил полуправду: в СССР его действительно никто не вербовал: в поле зрения нелегальной лондонской резидентуры советской разведки он попал еще у себя на родине и с помощью своих друзей — Кима Филби и Дональда Маклина был привлечен Арнольдом Дейчем к сотрудничеству на идеологической основе. Бытует мнение, что именно «богемность» Бёрджесса прежде всего привлекла к нему внимание разведки, хотя на самом деле всё было совсем наоборот. Его негативные качества поначалу настроили против него и резидента Александра Орлова, и его помощника Арнольда Дейча. Только ручательство товарищей, и в первую очередь — Филби, позволило решить вопрос в его пользу. Они характеризовали Бёрджесса как «очень способного и авантюрного малого, могущего проникнуть всюду». Что ж, определенная доля авантюризма разведчику необходима — хотя известно, что просто авантюристом он быть не может.

Итак, в январе 1935 года Гай познакомился со «Стефаном», он же Дейч, и принял его предложение о сотрудничестве. Бёрджессу был присвоен оперативный псевдоним «Медхен» (затем он был также и «Паулем», и «Хиксом»). Вот тут как раз ему и пришлось проявлять свою «авантюрность», потому как официально Бёрджесс вновь «ложился на другой курс». Он четко и логично объяснил своим друзьям — студентам и преподавателям, что порывает с марксизмом, в котором разочаровался, и видит германский фашизм как «светлое будущее человечества». Вести подобные разговоры «в лоб», ни с того ни с сего начиная их самому, было нельзя, и перед своими собеседниками Гай представал в виде этакого байроновского Чайльд Гарольда, скрывающего душевное разочарование под тонкой иронией. Вроде бы получалось…

По окончании Кембриджа Гай обосновался в Лондоне, полностью и окончательно порвав связи со своей подпольной организацией. Фактически он поступил «на службу к капиталу» —

стал советником по финансовым делам у матери Виктора Ротшильда, своего товарища по Тринити-колледжу. Затем занял должность парламентского ассистента у молодого и крайне правого парламентария Джека Макнамары, члена Общества англо-германской дружбы. В результате он сумел существенно расширить круг своих знакомств, обзавелся весьма серьезными связями в различных слоях высшего общества.

В конце 1935 года Бёрджесс поступил на работу в Британскую радиовещательную корпорацию — ту самую легендарную Би-би-си, что впоследствии так хорошо узнали в СССР… Для работы на радио выпускник Кембриджа имел все необходимые качества: кроме высокого уровня образованности и широчайшего кругозора, он отличался коммуникабельностью, умением устанавливать знакомства и связи в различных кругах общества — в том числе и в самых высоких, к которым он и сам принадлежал по своему происхождению. Как известно, наличие подобных навыков и личных качеств очень ценно не только для журналиста, но для и разведчика. На радио Бёрджесс в основном занимался вопросами внутренней политики, вел ставшую вскоре популярной программу «Неделя в Вестминстере». Совсем не случайно в его передачах все чаще появлялись люди, которые у нас именуются «выходцами из спецслужб», или даже имевшие к таковым непосредственное отношение в то время. Можно понять, что журналистская работа давала Гаю большие возможности и для сбора информации, и для поддержания контактов со своими связниками из Центра.

В соответствии с общительным характером Бёрджесса, его широкими и разнообразными связями и, как отметил Дейч в его психологическом портрете, удивительной способностью «легко завязывать знакомства» Гаю была определена роль «наводчика и вербовщика». Можно сказать, что в разведке она наиболее трудная и опасная — всего один «подход» не к тому, так назовем это, человеку был чреват «расшифровкой» со всеми непредсказуемыми, но весьма печальными последствиями. В общем, работа на грани опасности, постоянный риск…

Для авантюрных наклонностей Бёрджесса — это то, что надо. Как было признано, он был буквально создан для такой работы, о чем и сам потом нередко говорил, — но по вполне понятной причине не стану называть никаких неизвестных читателю цифр или имен. Просто еще раз повторю, что знающие люди относятся к термину «Кембриджская пятерка» с определенным сарказмом.

Конечно, идея руководителей лондонской резидентуры о вербовке «перспективных» студентов Кембриджа и Оксфорда нашла у Бёрджесса не только полное понимание, но и горячую

поддержку, так что Гай сразу же стал «продвигать» ее в двух направлениях: в теоретическом и практическом.

Как теоретик, он даже подготовил соответствующий доклад для Иностранного отдела НКВД.

«Организация работы среди университетского студенчества, — писал Бёрджесс в этом своем меморандуме, — имеет величайшее значение, поскольку через нее мы могли бы управлять регулярным потоком людей, идущих на государственную службу, которых можно было вербовать до того, как они сделаются слишком выдающимися, и устраивать их на безопасные места той или иной отрасли службы».

Как практик, Бёрджесс сразу же оценил своё ближайшее окружение на предмет дальнейшего использования. Конечно, искать рядом всегда проще, но не будем забывать, что Гай учился в одном из двух наиболее престижных учебных заведений Великобритании и что вокруг этого «блестящего студента» всегда группировались наиболее интересные и, соответственно, во всех отношениях перспективные люди. Он ведь так и указывал в своем докладе, что вести там работу должен «кто-нибудь, имеющий близкую связь со студентами».

Не удивительно, что первым объектом его интереса стал Энтони Блант — ближайший друг Бёрджесса, с кем, кстати, он вместе ездил в СССР, рафинированный аристократ, который в то время уже преподавал историю искусств в alma mater — в том же Тринити-колледже. В ноябре 1937 года Гай познакомил его с Арнольдом Дейчем. Взаимопонимание было найдено, и, соответственно, все вопросы успешно решены: Бланту отводилась такая же роль, как и Бёрджессу — искать «пополнение». Было условлено, что «Тони» будет осуществлять связь с «Отто» (он же — «Стефан») через Гая.

Общался Гай Бёрджесс и с Джоном Кернкроссом, человеком совершенно иного склада и происхождения, упрямо шагавшим вверх по социальной лестнице молчуном — даже считать их отношения товарищескими можно было только с определенной натяжкой. Но в том, что Кернкросс стал пятым в «Кембриджской пятерке», есть немалая заслуга Гая, как и Энтони Бланта.

Оценивая работу разведки, полезно знать, что думает по этому поводу противник. Высокопоставленный сотрудник ЦРУ Дэвид Мёрфи, возглавлявший в 1960-е годы «советский отдел» этой «конторы», называл вербовку и, так сказать, совершенствование в 1930-е годы «Кембриджской пятерки» «шедевром разведывательных операций». Приезжавший в Россию в 1990-х годах Мёрфи был откровенен с журналистами.

— Их интеллект и оперативный потенциал постов, который

занимали эти агенты, был сногсшибательным! — признался он.

Однако, по мнению нашего бывшего «главного противника», Гай Бёрджесс, который первоначально использовался как талантливый наводчик и вербовщик, в критические месяцы, предшествовавшие 22 июня 1941 года, сделал очень мало ценного…

Но это не удивительно, ведь всё и получалось так, как было задумано лондонской резидентурой. Выступления Бёрджесса в эфире, его контакты со многими «нужными людьми» привлекли к нему внимание британской разведки — и он вызвал интерес как потенциальный сотрудник. В общем, подготовленная Москвой «подстава» получилась: в 1938 году, первым из всей «пятерки», Гай был принят на работу в СИС — в качестве агента, с испытательным сроком. Вскоре Бёрджессу было определено постоянное место в секретной разведывательно-диверсионной службе британской разведки — так называемой секции «Д» (диверсии). Пожалуй, точнее было бы назвать это подразделение секцией «активных мероприятий»: основными его задачами было осуществление дезинформации и проведение мероприятий с целью определенного воздействия на различные политические события. Но можно предположить, что при тогдашнем раскладе политических сил, в канун начала Второй мировой войны, секреты этой секции не слишком волновали Москву, ибо основные усилия ее были направлены отнюдь не против СССР Впрочем, Бёрджессу еще повезло: изначально его хотели направить под дипломатическим прикрытием в английское посольство в Москве — но это решение отменилось в то время, когда Гай уже был в дороге к месту назначения. Затем его пытались «сосватать» на работу в «антикоммунистическую секцию» Интеллидженс сервис — то есть фактически внедрить провокатором в ряды английской компартии. Сразу по нескольким различным причинам подобная «роль» не подходила ни Москве, ни ему самому. Однако напрямую отказываться от предложенной работы Бёрджессу было нельзя. И тут вдруг свою положительную роль с ы фал а ахиллесова пята Гая — его недавнее членство в компартии. Бёрджесс осторожно выразил руководству сомнение в том, что человек, который вышел из компартии, а затем возвращается туда вновь, вряд ли будет пользоваться доверием своих товарищей.

Подобная оценка была принята с пониманием. Ну а в результате — назначение в секцию «Д» Сикрет интеллидженс сервис.

Первое задание, которое ему довелось выполнять, имело целью раскол еврейского движения в Палестине. Затем, после

совместной работы с секцией по Германии, Бёрджесс смог сообщить в Москву свою оценку позиции англичан:

«Основная политика — работать с Германией во что бы то ни стало и в конце концов против СССР. Но эту политику нельзя проводить непосредственно, нужно всячески маневрировать. Главное препятствие — невозможность проводить эту политику в контакте с Гитлером и существующим строем в Германии… Наша цель — не сопротивляться германской экспансии на Восток».

В общем, Великобритания двурушничала. Зная характер Бёрджесса, можно понять, что подобная позиция не вызывала у него одобрения. А потому он с чистой совестью выполнял задания Москвы — в том числе действовал в качестве курьера и связника, так как в работе лондонской резидентуры наступил известный вынужденный перерыв, а Гай периодически выезжал во Францию — и притом не без успеха делал служебную карьеру. Так что когда летом 1940 года — как знает читатель, произошло это и по рекомендации Гая — сюда пришел на службу Ким Филби, он получил назначение в подсекцию «ДУ», которой как раз и руководил Бёрджесс, в качестве его помощника. Относительно этой своей должности Филби писал: «По долгому опыту я знал, что “помогать” Гаю значило освободить его от всякой работы».

Продолжая характеризовать Бёрджесса, стоит отметить, что у него абсолютно отсутствовало гипертрофированное начальственное самолюбие, столь присущее большинству британских и российских чиновников любого ранга, всячески стремящихся поставить себя «над» подчиненными и окружающими, чем-то обязательно выделяться, тем самым подчеркивая свое мнимое превосходство. А потому Киму не только был определен точно такой же оклад, как у его шефа, но и совершенно особое «обозначение». Дело в том, что в целях секретности и конспирации всем офицерам СИС давались условные буквенные обозначения (вспомните «М» в романах Флеминга о Джеймсе Бонде).

«Начальники подсекций были известны как “ДА”, “ДБ” и т. д., а их помощникам добавлялись цифры, например “ДА-1 ”, — писал Филби в книге «Моя тайная война». — Гай имел обозначение “ДУ”. По установленному порядку я должен был бы обозначаться как “ДУ-1 ”, но Гай деликатно объяснил, что условное обозначение “ДУ-1” подразумевает определенную подчиненность ему, а он хочет, чтобы нас считали равноправными. Гай разрешил эту дилемму: вместо цифры к моему обозначению он прибавил букву “Д”. Так передо мной открылась карьера работника секретной службы, условно обозначенного “ДУД”»[11].

Однако несколько позже, когда Бёрджесс и Филби проходили службу в разведывательно-диверсионной школе, созданной как раз по идее Гая, где занимались подготовкой агентуры из числа граждан европейских стран — Норвегии, Нидерландов, Бельгии и других — для заброски на территорию фашистской Германии, то там «было решено подлинные имена и фамилии офицеров из преподавательского состава скрыть под кличками». И вот тогда Бёрджесс, как свидетельствовал Филби, «дав волю своему мальчишескому воображению», убедил руководство «навязать мне такую неприличную кличку, что я даже не решаюсь ее назвать». По оценке Кима, у Гая было «пристрастие к невинным проделкам».

И еще несколько моментов, касавшихся того времени, отмеченных Кимом Филби в его книге:

«Гай превратил свою подсекцию в своего рода фабрику идей. Он считал себя колесом, которое, вращаясь, высекает идеи, словно искры. Куда падали эти искры, его, по-видимому, не интересовало. Он проводил массу времени в кабинете других сотрудников, где предлагал свои идеи. Когда он воодушевлялся, в коридоре то и дело раздавался его смех. После трудового утра, заполненного разговорами, Гай обычно врывался ко мне в кабинет и предлагал выпить…»

Стоит заметить, что на советскую разведку Бёрджесс работал гораздо более эффективно.

Про «детище» Гая — разведывательно-диверсионную школу этого сказать было нельзя, а потому через некоторое время она подверглась жесткой реорганизации, и большинство ее руководителей были уволены. «Жертвой бюрократической интриги», как он считал, пал и сам Бёрджесс, в результате чего Ким Филби остался в этой школе в одиночестве. А может, при увольнении были учтены личные качества и привычки Гая, для которого такие понятия, как дисциплина и субординация, всегда оставались пустым звуком. Зато «вскоре он нашел желанное убежище в министерстве информации», хотя, конечно, и после этого его связь со спецслужбами не прекратилась. Теперь он завязал контакты с МИ-5, контрразведкой, и по ее заданию осуществлял оперативное обеспечение находящихся в Лондоне «правительств в изгнании» оккупированных гитлеровцами европейских стран. В частности, определял среди них германскую агентуру, подыскивал людей, настроенных на сотрудничество с британскими спецслужбами. Понятно, что получаемая информация передавалась им не только в британскую контрразведку, но и уходила в Москву.

В начале 1941 года Бёрджесс возвратился на Би-би-си, где его

старый друг по Кембриджу Джордж Барнс руководил «дискуссионным клубом», и активно включился в журналистскую работу. С началом Великой Отечественной войны, после того как Великобритания официально признала СССР своим союзником, Гай стал проводить передачи буквально с «просоветских», точнее даже — «прорусских» позиций, вызывая у населения Британских островов сочувствие и симпатию к народу Советской страны, подвергшейся гитлеровской агрессии. Между тем ранее Би-би-си оставалась на антисоветских позициях.

Главной же его задачей на радио стала организация и проведение дебатов и интервью с политиками и прочими «государственными мужами», что серьезно расширяло круг его общения. Так, одним из объектов интервью — правда, по каким-то причинам не вышедшего в эфир, был премьер-министр Уинстон Черчилль. Бёрджесс имел с сэром Уинстоном большую предварительную беседу, после которой премьер спросил у кого-то:

«Почему среди молодых английских политиков так мало людей, похожих на Гая Бёрджесса, — молодых ребят, на суждения которых можно положиться?»

Думается, подобный вопрос вполне мог бы задать и «советский премьер» — председатель Совнаркома товарищ Сталин.

Хотя, может, и не задал бы, потому как в определенный период времени в отношениях «Медхена» и советской разведки далеко не все казалось столь безоблачно. Причина была проста: у каждого народа существует свой менталитет, поэтому понять иностранца бывает совсем непросто.

Ведь после Арнольда Дейча, выросшего в Австрии и объездившего всю Европу, в Лондон приехали люди с несколько иным мировосприятием и кругозором — а про работников Центра, многие из которых вообще никогда не выезжали за пределы СССР, и говорить не приходится. Не скажу, что это однозначно плохо или однозначно хорошо, но эти оперативные работники не могли вот так сразу принимать Гая Бёрджесса таким, каким он есть, точнее, был. А следовательно, в полной мере ему доверять. Характер и поведение, общественное положение и связи и даже сама его, скажем так, романтическая увлеченность работой в разведке смущали этих советских людей, привыкших к совершенно иному стилю жизни и мировосприятию. Их культом была достаточно жесткая дисциплинированность, и «романтизм» Бёрджесса вызывал сомнения в его искренности. Вспомним и чувство «здорового недоверия», вполне нам тогда, да и теперь присущее. Что же делать? Как западному человеку

непонятна «загадочная славянская душа», так и русскому совсем непросто постичь характер «богемного» английского аристократа.

Сказывался также еще и недостаток профессионализма сотрудников, недавно пришедших в разведку. Само то, что ранее Бёрджесс работал в МИ-6, а теперь был тесно связан с МИ-5, заставляло некоторых относиться к нему с большим подозрением, опасаясь «подставы» противника. При этом совершенно забывалось, что у истоков такой работы стоял не кто-нибудь, а Арнольд Дейч, на работу в спецслужбах его и нацеливавший.

Отметив в поведении Бёрджесса «настораживающие моменты», представители Центра распространили эту свою подозрительность и на всю «Кембриджскую пятерку». Так что, оказавшись в плену у собственной версии, московские товарищи стали активно «плести в строку» каждое попадавшееся им «лыко».

К примеру, Борис Михайлович Крешин, работавший в Центре в конце 1930-х годов, был очень встревожен, когда Гай попросил оформить ему на случай провала британский паспорт на чужое имя. Непонятно почему, но из этого был сделан вывод, что Бёрджесс «являлся и является агентом СИС». Свою точку зрения Крешин сменил лишь тогда, когда он сам оказался в Лондоне в качестве резидента и смог увидеть и оценить всё происходящее изнутри, близко познакомился с агентами советской разведки. Тогда его взгляды изменились просто диаметральным образом, о чем расскажу чуть ниже.

Буквально сигналом тревоги было воспринято в Москве и предложение Гая о возможности ликвидации «Флита» — некоего Горонви Риза, его студенческого друга, знавшего о сотрудничестве Бёрджесса и Бланта с советской разведкой, но решительно отклонившего предложение им помогать. Гай тогда заявил, что Риз является «истеричным и неуравновешенным человеком», который пока не предал их только в силу «личной дружбы и привязанности», но «может сделать это в любой момент», а потому Бёрджесс и Блант живут «с ощущением дамоклова меча над головой». В общем, чтобы «Флит» не проболтался вольно или невольно, его надо «убрать», и Бёрджесс сам готов выступить в роли «исполнителя». Хотя эти события, происходившие летом 1943 года, очень походили на написанный рукой любителя детектив, в Москве они кого-то чересчур напугали. Не потому, что всякая уголовщина разведке категорически противопоказана — просто идея Бёрджесса была воспринята в Центре как серьезная провокация британских спецслужб!

«В свете наших подозрений к “Медхен” предложение его в отношении “Флита” заслуживает серьезнейшего внимания, так

как английская контрразведка (как это следует из допроса Кривицкого) изучает вопрос применения нами методов “ликвидации”», — указывалось в одном из аналитических документов Центра, подготовленном уже упоминавшимся майором Еленой Модржинской.

Кстати, материалы допросов предателя Вальтера Кривицкого, раскрывающие методы работы и осведомленность МИ-5 о деятельности советской разведки, были получены именно от «Кембриджской пятерки». Неужто они поставляли информацию себе во вред, если следовать нашей логике? Я поподробнее расскажу о Кривицком в главе о «четвертом» — Энтони Бланте.

Если же закончить тему Риза, то стоит уточнить, что хотя он, как и обещал, не проговорился ни одной душе о вербовочных предложениях Бёрджесса, однако сам втайне старался препятствовать зачислению своего друга в МИ-6, понимая, что тот будет передавать секретную информацию русским. Но — не выдал!

Можно сказать, что со временем, и довольно скоро, во взаимоотношениях Бёрджесса и Центра все встало на свои места.

Через два года, уже в другой, соответственно, справке указывалось: «Сейчас, когда прошло несколько лет, и мы получили возможность убедиться в его честности, его предложение о ликвидации “Флита” можно объяснить не чем иным, как неуравновешенностью характера “Хикса” и обычным чувством страха быть разоблаченным…»

Вот, слава богу, поняли, что и разведчику тоже может быть страшно! Так и Крешин, непосредственно поработав в Лондоне с «Кембриджской пятеркой», через непродолжительное уже время писал в Центр:

«Наиболее трудная задача для каждого из нас — это дать характеристику “Медхен”. Перед тем как я приехал сюда и перед тем как с ним связался, у меня было определенное предубеждение, как у каждого из нас, кто знает его только по материалам, но не лично. “Медхен” произвел на меня гораздо лучшее впечатление, чем то, которое я почерпнул из материалов и характеристик дома. Отличительная черта у него, по сравнению с другими агентами, которых я встречаю, — это богемщина в самом неприглядном виде. Он молодой, интересный, достаточно умный, культурный, любознательный, проницательный человек, очень много читает и много знает. Но наряду с этими качествами он неряшлив, ходит грязный, много пьет и ведет так называемую “жизнь золотой молодежи”. […] Политически и теоретически он сильно подкован […] в беседах приводит цитаты из Маркса, Ленина, Сталина…»

В своем докладе Борис Михайлович описал случай, как однажды он попросил Бёрджесса передать Бланту переснятые резидентурой секретные документы: «Он сильно перепугался, покраснел, волновался и был как бы не в себе, чуть ли не дрожал. Мне пришлось его успокаивать и сказать, что я не ожидал от него такой трусости. Этот случай очень характерен с психологической стороны. Если бы он был провокатором, то ему абсолютно нечего было бы бояться».

Зато один раз Крешин наблюдал поведение Бёрджесса в случае реальной опасности. Во время очередной агентурной встречи, когда Гай должен был передать своему куратору целый портфель секретных документов МИД, предназначенных для пересъемки, их остановил на темной улице полицейский, поинтересовавшийся, что это они несут. Гай совершенно спокойно предъявил свои документы и открыл портфель, так что у полицейского не возникло ни тени сомнения в том, что он имел право носить такие бумаги, и личностью второго господина «бобби» интересоваться не стал. На следующий день Бёрджесс детально прояснил возникшую ситуацию. Оказалось, искали квартирных взломщиков и предположили, что в портфеле двух одиноких мужчин может быть «джентльменский набор» из «фомки» и отмычек. Но главное, Гай выяснил, что о подобных проверках никто никуда не сообщает.

В беседе с Юрием Модиным Крешин как-то сказал без всяких сомнений:

— Бёрджесс предан нам всей душой и настолько связал себя с делом служения мировой революции, что с радостью отдал бы жизнь ради ее успеха!

Действительно, Гай верил в ту самую «мировую революцию» и видел в Советском Союзе ее форпост. Иных вариантов развития будущей истории человечества он просто не предполагал.

Впрочем, недоверие, существовавшее в определенный период, проявлялось только на некоем чувственном, подсознательном уровне — без долгих выяснений отношений, объяснений и оправданий… Что делать, разведка — дело деликатное, и не зря в известном сериале «папаша Мюллер» предупреждал советского разведчика Штирлица, что «верить никому нельзя».

Став, что называется, известным и влиятельным журналистом, Бёрджесс получил доступ во многие правительственные учреждения и, с учетом военного времени, в конторы, связанные с вопросами обороны и безопасности. Соответственно, его собеседниками и контактами становились весьма осведомленные люди, в том числе и в области военных и государственных секретов, а потому без особых проблем он

получал многие совершенно секретные сведения. В числе контактов Гая был, например, Денис Проктор, личный секретарь Стэнли Болдуина, влиятельного политического деятеля и бывшего премьер-министра. От него Бёрджесс получал информацию о секретных переговорах между Рузвельтом и Черчиллем, проходивших в 1943 году сначала в Касабланке, а потом в Канаде, за спиной руководства сражающегося СССР. На этих переговорах, в частности, обсуждались сроки и планы открытия второго фронта в Европе, существенно отличавшиеся от обещанных советскому союзнику.

К тому же, используя свои связи в правительственных, военных и парламентских кругах, Бёрджесс способствовал служебной карьере других источников лондонской резидентуры. Как мы отмечали, он не страдал начальническими амбициями и потому охотно помогал другим.

Ничто, однако, не стоит на месте, а потому вскоре Бёрджессу вновь пришлось менять место своей работы, и опять-таки по просьбе Москвы. Весной 1944 года Дональд Маклин, успешно делавший дипломатическую карьеру, уехал в Вашингтон на должность первого секретаря английского посольства, в результате чего советская разведка лишилась своего самого важного — а может, и единственного, никто этого никогда точно не скажет — источника в британском МИД. В Центре было решено, что заменить Бланта способен будет только Бёрджесс.

Гай получил согласие руководства Би-би-си на переход в Форин оффис, как традиционно именуется английское министерство иностранных дел, и 3 июня приступил к работе в новом качестве.

Впрочем, «заменить» — сказано слишком громко, ибо кто бы мог сразу поставить Гая на такую же высокую должность? Начинать пришлось с пресс-отдела МИД, где официального допуска к реальным секретам, разумеется, не было. Более года лондонская резидентура получала от Бёрджесса минимальную информацию, но это особого беспокойства не вызывало — кураторы терпеливо ждали, пока Гай выйдет на необходимые позиции. Именно в то время, когда Бёрджесс начинал работу в министерстве, Центр принял решение о новых задачах в разведывательной работе в Англии — уже на послевоенное время. Хотя до Фултонской речи Черчилля было еще далеко, но то, что отношения между союзниками впоследствии станут совсем не безоблачными, стало уже очевидным. Поэтому, как указывалось в документе, «первейшей задачей резидентуры будет работа по добыванию информации, касавшейся внутренней и внешней политики Англии и США, в первую очередь политики этих стран в

отношении к СССР».

В этом письме были и строки, непосредственно касавшиеся Бёрджесса, который был назван самым продуктивным источником лондонской резидентуры. Рекомендовалось «всячески оберегать его и направить на получение таких документов, которые бы характеризовали кардинальную линию англичан в тех или иных вопросах внешней политики как самой Англии, так и других главнейших стран».

Хотя в той своей занимаемой должности Гай и не имел «прямого выхода на секреты», но прежние его связи и контакты оставались, а потому разведывательная активность была весьма высока. Так, ему удалось раздобыть «памятную записку» секретаря британской делегации на Крымской конференции глав трех союзных держав, проводившейся в Ялте в феврале 1945 года. В ней четко определялась позиция англичан по основным вопросам послевоенного обустройства Европы. О документе было доложено Сталину, полученная информация серьезно помогла при подготовке советской стороны к участию в конференции.

Это были финальные аккорды Второй мировой войны, так что можно подвести и некоторые итоги в полном смысле «боевой деятельности» разведчика. С 1941 по 1945 год, то есть за время Великой Отечественной войны, Центр получил от Гая Бёрджесса 4605 документов. Можно сказать, что по количеству это второй результат в «Кембриджской пятерке»: Джон Кернкросс прислал приблизительно на 1200 документов больше, нежели он, а Дональд Маклин — на 12 меньше…

В числе ценных документальных материалов, переданных в резидентуру Бёрджессом, были, в частности, телеграфная переписка Форин оффис со своими загранпредставительствами, протоколы заседаний Кабинета министров, Комитета обороны и Комитета начальников штабов, секретные справки МИД по различным странам. Как уже отмечалось, особую ценность представляли сведения о позиции руководства западных стран по вопросам послевоенного урегулирования, военной стратегии Англии, о деятельности ее спецслужб.

После войны Энтони Блант был назначен хранителем королевских галерей картин Виндзорского и Букингемского дворцов, стал советником короля Генриха VI, закончив, таким образом, свою службу в британской контрразведке. Пожалуй, с этого времени именно Бёрджесс становится самым ценным источником советской разведки в Англии — после Филби. Поэтому, впоследствии вспоминая об этом времени, он с улыбкой говорил, что до войны он фактически ничего не делал. Такие заявления назовем легким кокетством: именно вербовочная

работа Гая позволила во многом создать не только «Кембриджскую пятерку» — назовем ее этим устоявшимся термином, но и ту самую «Оксфордскую группу», о существовании которой известно только то, что она, может быть, существовала, а может, являлась плодом воображения охотников за «кротами».

Бёрджессу приходилось также выполнять обязанности связника — в общем, постоянно «ходить по лезвию». Известен, например, случай, когда после встречи Бёрджесса с советским резидентом чемодан чекиста вдруг раскрылся и по всему бару разлетелись совершенно секретные документы Форин оффис, переданные ему Гаем для перефотографирования! Что говорил при этом связник, уточнять не будем. По счастью, с помощью любезных английских джентльменов, которые традиционно не лезут в чужие дела и не заглядывают в чужие бумаги, он сумел собрать всё до последнего листочка… Глупейшего провала удалось избежать.

В то же время, когда по соображениям безопасности прямая связь Бёрджесса с резидентурой была приостановлена, обязанности связника выполнял Блант, передавая полученные от Гая материалы.

В конце концов, приход Бёрджесса в английский МИД принес желанные результаты: в 1946 году он стал личным помощником государственного министра в министерстве иностранных дел Гектора Макнейла (это был как бы второй министр, назначенный лейбористами в помощь Эрнсту Бевину, так называемому государственному секретарю по иностранным делам — то есть первому министру). Фактически это назначение открывало ему доступ ко всей секретной информации Форин оффис. О таких возможностях разведчику можно было только мечтать! Тем более что Макнейл по достоинству оценил способности своего секретаря и постарался максимально их использовать, поручая ему подготовку буквально всех наиболее важных документов. Признаем, что Гектор Макнейл был человеком не слишком трудолюбивым и упорной кабинетной работе предпочитал светское времяпрепровождение. Гай Бёрджесс безропотно и добросовестно выполнял все поручения шефа, однако не стоит удивляться, что подготовленные им бумаги оказывались в Москве несколько раньше, нежели ложились на стол министру иностранных дел или британскому премьеру. Поэтому советское руководство — и в первую очередь министр иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов — было в курсе всех проводимых совещаний. В том числе тех, на которые представителей СССР не приглашали, и даже тех, созыв которых вообще старались

держать в тайне. В частности, по дальнейшему переустройству Европы и установлению межгосударственных отношений на новом уровне. А «уровень» Бёрджесса позволял ему не просто подбирать документы с грифом «секретно» для передачи в резидентуру, что мог бы сделать и просто завербованный секретарь, но четко определять значимость той или иной информации, а потому указывать своим кураторам как последовательность, так и категорию срочности передачи в Центр добытых им материалов. К тому же нередко он самолично делал аннотации на передаваемые документы, за что сотрудники резидентуры были ему очень и очень благодарны.

Так, им были переданы в Москву материалы закрытой конференции союзников, проходившей в Лондоне с 20 апреля по 7 июня 1948 года — в ней участвовали Великобритания, США, Франция и… страны Бенилюкса, на которой определялась будущая судьба Германии. Именно там было принято решение о создании из «западных» оккупационных зон отдельного самостоятельного германского государства — Федеративной Республики Германия, что и было осуществлено в сентябре 1949 года.

Но к этому времени, после того как Бёрджесс уже отработал два года в качестве личного помощника государственного министра, руководство Форин оффис предложило ему перейти в какой-либо иной департамент МИД. Такова была обычная практика, обеспечивавшая продвижение сотрудников по службе. Гай также понимал, что сейчас он пока что всецело зависит от своего шефа Макнейла и если и далее за него держаться, то с его вполне возможным уходом он, скорее всего, также был бы вынужден покинуть стены министерства.

Бёрджессу предложили перейти в Азиатский отдел, который в то время становился одним из важнейших подразделений Форин оффис — прежде всего в связи с событиями в Китае, где полыхала гражданская война. Понятно, что информация по этому региону представляла особую важность и для Советского Союза, который еще с 1930-х годов оказывал китайским коммунистам военную помощь. Интересно, что, как сообщал Бёрджесс, англичане предвидели возможность охлаждения в будущем советско-китайских отношений. Но к этому предупреждению у нас, очевидно, не слишком прислушались.

В 1950 году Гай Бёрджесс получил очередное повышение — занял должность первого секретаря посольства Англии в Вашингтоне. Назначение весьма престижное, однако всем было известно, что к Соединенным Штатам вообще и к американцам в частности Гай относился чуть ли не с ненавистью и постоянно

критиковал американскую политику.

Буквально первым, с кем встретился Бёрджесс на американской земле, был Ким Филби, в доме которого он временно поселился. Пожалуй, это была серьезнейшая и единственная ошибка, допущенная и Филби, и Бёрджессом.

История и обстоятельства его бегства в Советский Союз подробно изложены в других главах нашего повествования. Уточним лишь, что «высылка» Бёрджесса из Вашингтона, талантливо им срежиссированная, в Форин оффис мало кого удивила: подобное поведение вполне соответствовало его «богемному образу».

О том, что Бёрджессу не понравилась Москва, он сказал еще после первой поездки в советскую столицу в 1934 году, а потому, когда в свое время обсуждался вариант «вывода» его туда в случае провала, Гай откровенно говорил сотрудникам резидентуры, что подобная перспектива его совсем не устраивает. Впрочем, как истый англичанин, он вообще не мыслил для себя жизни нигде, кроме как на своем острове.

По прибытии в СССР он вместе с Дональдом Маклином поначалу жил в Куйбышеве, как именовалась тогда Самара, и только затем перебрался в Москву. Дела для себя он здесь не нашел — разве что руководство советской внешней разведки периодически привлекало его для консультаций по различным вопросам. После активной жизни, которую он вел у себя на родине, этого было крайне мало…

Подобная неприкаянность, ностальгия и прогрессирующая болезнь очень быстро «сожгли» этого незаурядного и противоречивого человека — Гай Бёрджесс умер в Москве в 1963 году, когда ему был всего только 51 год. В соответствии с завещанием он был кремирован, а урна с его прахом, по просьбе родственников, отправлена в Англию. Хоть так, но он все-таки возвратился к себе на родину.

…Иной дотошный читатель может заявить, что этот рассказ — далеко не вся правда о Гае Бёрджессе. Мол, а как же с его пороками, пристрастиями и прегрешениями? Да, нельзя не согласиться: всё это было. Однако и портрет, помещенный в этой книге, при всем желании нельзя называть «иконой». Но автор не ставил перед собой задачу копаться в чужом белье. Цель иная — представить человека, соратника главного героя Кима Филби, который своей работой на советскую разведку принес очень большую пользу нашей родине и способствовал сохранению — пусть и весьма хрупкого — политического равновесия в Европе. За эти свои заслуги Гай Бёрджесс был награжден орденом Красного Знамени.

Думается, задачи Бёрджесса, а заодно и автора — выполнены.

Третий. «Английский декабрист». Дональд Маклин (1913–1983)

Казалось, блистательная политическая карьера Дональду Дюарту Маклину была предопределена с детства. Его отец, шотландец, сэр Дональд Маклин-старший был членом парламента, лидером «независимых либералов», заместителем спикера палаты общин и министром образования — видным политическим деятелем, отличавшимся независимостью взглядов и высокими нравственными качествами. К тому же, в отличие от подавляющего большинства политиков, вопросы народного благосостояния беспокоили его не только на словах и на бумаге.

А вот к своим собственным детям он относился довольно-таки безразлично. Может быть, именно поэтому его сын рос достаточно необщительным и, что называется, ушедшим в себя ребенком, был не слишком любим сверстниками.

В такой ситуации сильную личность обычно спасает обратный вариант: показать, не что ты не нужен другим, а что другие тебе безразличны… Маклин надел на себя «маску» презрения и высокомерия и в этом образе пришел в Тринити-колледж Кембриджского университета, где в 1931 году поступил на отделение иностранных языков и литературы. За свой надменный вид он заработал от однокашников характеристику сноба, хотя на самом деле это было совершенно не так.

Недаром же он довольно скоро вошел в подпольную коммунистическую группу, одно время даже был ее секретарем, выступал на митингах, участвовал в антиправительственных демонстрациях рабочих.

Разумеется, свою политическую жизнь и новые увлечения юноша тщательно скрывал от высокопоставленного отца. Однако в 1932 году сэра Дональда, еще недавно занявшего министерский пост, не стало, и, значит, сыну его теперь во многом приходилось рассчитывать только на себя.

В числе ближайших друзей Маклина по университету был Гай Бёрджесс — постоянный собеседник в разговорах на политические темы, под влияние которого он попал и от которого, кстати, перенял нелюбовь и к капиталистическому мироустройству вообще, и к США как его символу…

Но если Бёрджесс, увлеченный коммунистической идеей, основательно запустил учебу, то Маклин занимался очень старательно. В перспективе он видел себя педагогом, мечтал о научной и преподавательской деятельности. Увы, в Англии — не

сбылось. А вот в СССР мечта осуществилась. Но это я сильно забегаю вперед.

Кстати, Дональду не было чуждо чувство революционной романтики. Недаром говорят, и это доказано историей, что революции придумывают романтики, творят фанатики, а их результатами пользуются негодяи. Он говорил своим кембриджским друзьям, что мечтает обучать английскому языку русских детей. Свято веря в победу марксистско-ленинского мироустройства, Дональд считал, что «мировая революция завершится по-английски, и потому русские люди должны знать английский». Впрочем, мысль о необходимости изучения английского языка существует и сегодня, но подается она у нас под совсем иным соусом.

Легендарный Джордж Блейк, с которым Маклин познакомился и очень подружился уже в Советском Союзе, вспоминал о нем так:

— Начало и конец его жизни были отмечены жертвами. Первую жертву он принес, являясь студентом Кембриджа. Тогда он мечтал преподавать в этом университете. Но в 1930-е годы Дональд вступил в коммунистическую партию, вскоре был завербован советской внешней разведкой на работу в пользу СССР, по заданию которой он должен был постараться получить работу в английском Форин оффис. Ему не составило труда добиться этого, поскольку Маклин обладал блестящим умом и очень хорошими связями в английском высшем обществе.

Заметим, что Блейк назвал Маклина «одним из выдающихся разведчиков XX века». Кому-кому, а Георгию Ивановичу, некогда кадровому британскому разведчику, а ныне полковнику Службы внешней разведки России, отдавшему разведывательной службе всю свою жизнь, в этом вопросе верить просто необходимо.

Известно, что работать на советскую разведку Маклин начал в 1934 году, войдя в состав «Кембриджской пятерки». Существует несколько версий о том, кто именно привлек его к этой работе. По одной, это сделал Ким Филби, спросив своего друга, как, мол, он представляет свои занятия партийной работой в министерстве иностранных дел, куда якобы собирается после выпуска из Кембриджа. Подругой версии, вербовку осуществил Гай Бёрджесс. Есть третья версия, что это сделал один из соучеников Дональда по Три нити-колледжу, в «Кембриджскую группу» официально не входивший. Есть также предположение, что к работе с советской разведкой Маклина склонил все тот же Арнольд Дейч… Не внесу окончательной ясности, ибо и в архиве внешней разведки документов с подробностями этой вербовки не сохранилось. Конечно, было бы интересно узнать подробности в деталях, но

важно иное: Дональд был привлечен к работе лондонской резидентуры и получил оперативный псевдоним «Уайз», а позднее был еще также «Стюартом», «Лириком» и «Гомером».

Как считал Джордж Блейк, «решение Маклина служить Советскому Союзу нельзя рассматривать иначе как на фоне великой экономической депрессии 1930-х годов и нарастающей угрозы нацизма, исходившей главным образом от гитлеровской Германии. Он принадлежал к высшему английскому обществу, и его ожидала блестящая карьера в государственных учреждениях Британской империи. Однако он, как и его товарищи по “Кембриджской пятерке”, глубоко переживал вопиющее экономическое и социальное неравенство, которое видел вокруг себя. Они были своего рода “английскими декабристами” и верили, что только учение Ленина и дисциплина Коминтерна смогут избавить Англию от этих бед, мобилизовать силы социализма на борьбу с нацистскими штурмовиками».

Кстати, одно из первых заданий, которое Дональду пришлось выполнять, это как раз выявлять профашистски настроенных лиц в правящих кругах и в высшем обществе — с ним Маклин справился тогда вполне успешно.

Изначально, как мы говорили, на службу в Форин оффис Дональд Маклин не собирался — он мечтал о научно-педагогической работе и в том же 1934 году закончил Кембридж с дипломом, который бы у нас назвали «красным». Однако представители резидентуры предложили ему избрать дипломатическую карьеру, в ходе которой он мог принести для разведки гораздо большую пользу. Это было объяснено и доказано Маклину, а потому, хотя такой вариант и не вызвал у него большого восторга, Дональд всерьез занялся подготовкой к экзаменам для зачисления в штат Форин оффис.

Конечно, экзамены он сдал блестяще, а когда принимающие заговорили о его недопустимых для правительственного чиновника «прокоммунистических» взглядах, Маклин преспокойно ответил, что это было «модное поветрие», от которого он сейчас уже отходит. Такой ответ посчитали очень достойным…

В октябре 1935 года Дональд Маклин, получивший дипломатический ранг третьего секретаря, был зачислен в Западный отдел МИД, курировавший такие страны, как Франция, Нидерланды, Бельгия и Испания, а также занимавшийся делами Лиги Наций, в состав которой тогда только что вступил Советский Союз. Объективно говоря, для Форин оффис он был весьма ценным приобретением — недаром же в «Белой книге» британского МИД, изданной в начале 1950-х годов, про Маклина

говорилось: «Он оказался исключительно способным работником и получил ранг советника уже в 35 лет, то есть продвигался по службе очень быстро».

Как вскоре оказалось, Дональд имел доступ абсолютно ко всем поступающим в отдел документам. Можно согласиться, что в Форин оффис царило тогда удивительное благодушие. В спецслужбах, например, каждый сотрудник работает только с теми бумагами, которые поручены именно ему, и не имеет права заглядывать в дела своего товарища. А тут секретные мидовские документы можно даже было выносить за пределы ведомства и, соответственно, фотографировать.

К тому же дипломатические чиновники имели возможность знакомиться с материалами соседних, так сказать, подразделений, в результате чего уже в январе 1936 года в Москву было передано полученное от Маклина сообщение о секретных переговорах английского правительства с Гитлером о подготовке заключения «воздушного пакта» и о взаимообмене данными между Великобританией и Германией о состоянии своих военно-воздушных сил. Эта информация была представлена лично Иосифу Виссарионовичу Сталину и получила его высокую оценку. Отметим, что до начала «битвы за Англию» — воздушной борьбы между гитлеровскими люфтваффе и королевскими ВВС над Британскими островами — оставалось три с половиной года.

А в Северном отделе министерства, в ведении которого находился Советский Союз, трудился студенческий друг Дональда по фамилии Лебуше. Он охотно знакомил старого приятеля со всеми наиболее интересными материалами — тем более что это не возбранялось.

Так что в скором времени Маклин начал регулярно и интенсивно передавать в резидентуру пачки секретных мидовских документов, которые советские оперативные работники переснимали той же ночью и затем отсылали в Москву, наутро возвращая источнику оригиналы. Для срочной пересъемки особо важных материалов Дональду был передан специальный фотоаппарат.

Учитывая количество и ценность получаемых от Маклина материалов, а также для обеспечения его личной безопасности нелегальный резидент ИНО ГУГБ НКВД в Лондоне Теодор Малли даже потребовал выделить для их передачи «самостоятельную линию» связи. Что и было сделано, хотя не так уж скоро.

Вопрос безопасности был поднят не случайно: после разоблачения спецслужбами нескольких иностранных агентов в Форин оффис контрразведывательный режим здесь был все-таки усилен. Позволю себе маленькое отступление. Уже во время

Второй мировой была арестована некая секретарша Эйрес, долгие годы трудившаяся в Форин оффис и все это время регулярно выносившая оттуда секретные материалы. Она передавала их своему любовнику Мэйку — корреспонденту издания «Пипл». Куда отправлялись все эти секреты — непонятно. За небрежность парочка получила по два года тюрьмы. До сих пор остается загадкой, на кого же все-таки работали или не работали опытная сотрудница Форин оффис и ее дружок. Или «контролер», быть может, заманивший ее в «медовую ловушку».

В вопросах обеспечения безопасности англичане на месте не стояли. Так, о чем стало известно по сообщениям Маклина, контрразведке удалось «расколоть» шифр Коминтерна, что позволило читать многие его телеграммы. Специалисты МИ-5 пытались дешифровывать не только немецкие, но даже и американские дипломатические шифротелеграммы. Упорно старались они подобраться к советским шифрам. Причем, как информировал агент, делалось это достаточно оригинально: в британском парламенте поднимался какой-либо вопрос, касавшийся СССР, делался соответствующий запрос в правительство, откуда, разумеется, следовал ответ. Так как шифропереписка велась по открытым каналам, то все телеграммы из советского посольства перехватывались соответствующей службой — и британские дешифровщики упорно старались понять, какая же из шифровок является сообщением по данному вопросу… Остроумно, оригинально, но, как оказалось, неэффективно: советские шифры им разгадать — тогда — не удалось. Относительно же ставших доступными для противника шифров Коминтерна в Москве были приняты соответствующие решения.

Информация от Дональда поступала самая разнообразная. Так, Маклин первым сообщил о том, что 14 декабря 1936 года в Средиземном море франкистскими мятежниками был потоплен направлявшийся в Испанию советский пароход «Комсомол». Благодаря сообщению Дональда был вычислен английский агент, обосновавшийся в Наркомате внешней торговли СССР, — он был разоблачен и арестован советской контрразведкой.

Однако и британская контрразведка наносила чувствительные удары: в середине 1937 года был арестован один из сотрудников МИД, в прошлом являвшийся коммунистом. После этого связь с Маклином и другими членами «Кембриджской пятерки» на время даже была прекращена. Впрочем, ничего плохого более не произошло, а судя по тем документам, что проходили через руки Маклина, стало ясно, что его положение в Форин оффис остается прочным. Связь

возобновилась, и поступавших от Дональда материалов вновь было так много, что для их обработки потребовался специальный сотрудник резидентуры.

Весной 1938 года Центр реализовал предложение о «самостоятельной линии» связи для «Уайза». Для помощи Маклину в нелегальную резидентуру в Лондоне прибыла Китти Харрис — она же «Джипси», она же «Норма». Правда, сам автор такого предложения Теодор Малли к этому времени был отозван из Европы, а то и вообще арестован — точная дата этого трагического события, равно как и то, когда погиб легендарный разведчик, неизвестна.

О том, что связь теперь следует поддерживать через «Джипси», резидент советской разведки сообщил каждому из членов «Кембриджской пятерки».

Китти родилась в Лондоне в 1899 году, но корни ее уходили в Россию, где в городе Белостоке, на территории царства Польского, с незапамятных времен проживали ее предки… В конце XIX века это бедное еврейское семейство в поисках лучшей доли переселилось в Англию, но там ему оказалось ненамного лучше. А потому в 1908 году родители Китти отправились за океан, в Канаду, где в Виннипеге старик Харрис открыл маленькую сапожную мастерскую. С тринадцати лет Китти пришлось работать на табачной фабрике. Именно там друзья и прозвали эту миловидную черноволосую девочку английским словом «Джипси» — то есть «Цыганочка», что стало впоследствии ее оперативным псевдонимом. В 20 лет она вступила в коммунистическую партию Канады, а вскоре, это был 1923 год, семья Харрисов перебралась в американский Чикаго, и Китти перешла в компартию США. Затем она вышла замуж за будущего секретаря национального комитета партии Эрла Браудера, увлеклась партийной работой, ездила по всей Америке.

Потом, по заданию Коминтерна, отправилась вместе с мужем в Шанхай, проехала через объятый гражданской войной Китай, побывала в СССР, вернулась в Штаты, развелась с мужем, устроилась на работу в советскую внешнеторговую организацию «Амторг», ас 1931 года связала свою жизнь с советской внешней разведкой. Ей было предложено переехать в Европу и выполнять обязанности связника и специального курьера. Тогда-то прозвище «Джипси» и стало ее псевдонимом — впрочем, первым из более чем двадцати остальных.

В 1935 году Китти вновь побывала в Советском Союзе, где прошла обучение на разведывательных курсах — главными предметами для нее были фотодело и радиосвязь. Изучала она и русский, в дополнение к тем языкам, которыми владела раньше.

Так что «за кордон» она вернулась квалифицированным сотрудником внешней разведки. Но мы не будем касаться приключений Китти Харрис в Европе, вспоминать, сколько стран она объехала, так как об этом придется очень долго рассказывать, потому что в общей сложности ей пришлось работать с двадцатью четырьмя особо ценными источниками.

Весной 1938 года Китти Харрис прибыла в Лондон. Здесь, в центре города, в приличном районе, она сняла квартиру «среднего уровня» — разумеется, со всеми удобствами, вполне подходящую к имиджу одинокой молодой женщины, имеющей определенные средства, позволяющие не только содержать такое жилье, но и периодически выезжать в Европу, удовлетворяя свою страсть к путешествиям. Подобный имидж, тщательно проработанный, не вызывал ни подозрений соседей, ни интереса полиции. Периодически в гости к «Джипси» заходили «симпатичные, добропорядочные молодые мужчины» — в общем-то, одни и те же, которые вели себя прилично и уходили не поздно, так что ни в чем предосудительном свою новую соседку никто обвинить бы не смог.

Чаще других в гостях у Китти Харрис бывал Дональд Маклин — молодой, но весьма солидный мужчина, очень аккуратный, не расставававшийся с большим кожаным портфелем. Единственный из всех, он мог иногда покинуть квартиру одинокой женщины и рано утром. Понятно — дело, как говорится, молодое.

Знали бы соседи, чем занимается эта парочка под покровом ночи! Приходя, Дональд каждый раз приносил с собой в объемистом портфеле «позаимствованные» в МИД секретные материалы, так что они с Китти проводили ночи за их перефотографированием для последующей передачи в Москву. Поутру несколько утомленный Дональд покидал гостеприимную квартирку, направляясь в Форин оффис, чтобы пораньше возвратить все бумаги на место, а Китти, как и тысячи других лондонских жительниц, отправлялась по магазинам. Однако чтобы сделать покупки, молодая женщина немало колесила по городу. Затем, убедившись, что слежки за ней нет, конспиративно встречалась с резидентом, передавая ему кассеты с отснятой пленкой.

Но бывали случаи, что даже при той благодушной безалаберности, что царила в стенах Форин оффис, Маклину не удавалось вынести нужные ему секретные документы из стен министерства — мало ли, какие причины мешали. Тогда Дональд прочитывал нужный документ у себя в кабинете, запоминал основные его положения, а вечером, приходя к Китти, надиктовывал «Джипси» его содержание, а она тщательно

записывала всё услышанное. Утром советский резидент получал достаточно точный рукописный вариант документа: у Маклина была превосходная память.

Жизнь, однако, внесла в происходящее свои коррективы: играя роль влюбленных и проводя ночи под одной крышей, молодые люди, несмотря на немалую разницу в возрасте, увлеклись этой ролью и друг другом. Подобное случается даже в разведке. Таким образом «оперативная легенда» превратилась в романтическую быль.

Вскоре об этой «были» узнали и в Центре — но не потому, что мог «стукнуть» кто-либо из резидентуры или «пятерки». Молодые люди сами умудрились, что называется, «накосячить»: по какой-то надобности Дональд Маклин собственноручно написал в Центр письмо, Китти Харрис его переслала, а когда в Москве его открыли и прочитали, там это вызвало шок! Нет, по содержанию письма всё было нормально, но текст оказался подписан словом «Лирик» — оперативным псевдонимом агента, который он не мог и не должен был знать!

Естественно, в лондонскую резидентуру была отослана телеграмма с требованием срочно во всем разобраться. Конечно же все вопросы были к Китти — и она призналась, что влюблена, что роман у них с Дональдом в полном разгаре и что когда как-то раз Маклин спросил у нее про присвоенный ему оперативный псевдоним, она назвала и его псевдоним, и заодно свой тоже. Это был грандиозный «прокол», но я, уважаемый читатель, никого осуждать не вправе, у каждого своя жизнь. Бывает ли так, что двое, служащие одному делу и одной идеологии, сближаются даже ближе, чем это позволяют служебные отношения? Точно отвечу — бывает, и довольно часто. Иногда это помогает. Случается, что возникшая ссора разрушает роман. Изредка обиженная сторона жалуется на разрыв не папе с мамой или друзьям-подругам, а местной контрразведке. Чаще всего грешит этим слабый пол. Кстати, именно поэтому несгибаемый конспиратор Ким Филби предпочитал держать своих подруг подальше от служебных дел. А Маклин — нет.

Обычно руководство всех разведок мира смотрит на романы своих верных работников сквозь пальцы. Никто и никогда не говорил, что разведка обрекает на монашеский образ жизни. Примерно так же на произошедшее отреагировало руководство советской внешней разведки. Когда о любовной связи Дональда и Китти доложили «на самый верх», начальство сказало просто: «И слава богу — нашему делу это никак не повредит!»

Не будем объяснять, что такой роман помогал обоим избегать ненужных контактов «на стороне» — кто знает, что могло

произойти, если бы влюбленную женщину «пробило на откровенность» с посторонним человеком, а то и «подставленным» ей сотрудником контрразведки противника… Такое, как известно, тоже бывало, и далеко не раз. Поэтому Дональду Маклину и Китти Харрис сменили оперативные псевдонимы — и всё осталось, как есть.

Даже более того: вскоре молодые люди вместе переехали к новому месту дипломатической службы Дональда.

Согласно практике британского МИД, его сотрудникам не дают особенно засиживаться на берегах Темзы. Поэтому еще в 1937 году, через полтора года после своего зачисления в штаты Форин оффис, Маклин предупреждал Арнольда Дейча, что вскоре ему предстоит переезд в одно из посольств Великобритании за рубежом. Делать было нечего, следовало искать замену ценному агенту на месте и готовить его самого к работе в новых условиях.

Прошел год, и осенью 1938-го Маклин получил назначение в британское посольство в Париже — уже в ранге второго секретаря. Известно, что повышение и назначение «в центр мира», как часто называют Париж, Дональду очень польстило и он, есть тому свидетельства, «сиял от восторга».

«Дональд Маклин, прослужив в Форин оффис два года, зарекомендовал себя как прекрасный работник, — было написано в сопровождающем его рекомендательном письме, адресованном послу во Франции. — Это обаятельный, умный и рафинированный человек».

Но так думали далеко не все коллеги Дональда по МИД. Всеобщим любимцем, как тот же Гай Бёрджесс, Маклин так никогда и не стал. Впрочем, он и не стремился к этому.

«Джипси» — продолжу называть Харрис этим именем — очень переживала, что ей за ее провинность придется остаться в Лондоне. К счастью, в Центре учли все обстоятельства. От Маклина поступал поток важнейшей информации, и не стоило терять время на организацию новой линии связи, а взаимодействие его с «Джипси» было отработано. И, пожалуй, главное, что понимало руководство, — не стоит травмировать молодых людей, насильно их разводя. Подобное насилие могло привести к очень нежелательным последствиям…

Так что 28 сентября 1938 года Дональд и Китти выехали во Францию. Как раз в это время происходило событие, фактически открывшее путь гитлеровской агрессии в Европе и спровоцировавшее начало новой мировой войны. 29 и 30 сентября 1938-го в немецком Мюнхене было подписано соглашение между премьер-министром Великобритании Чемберленом, премьер-министром Франции Даладье, немецким

фюрером Гитлером и итальянским дуче Муссолини. В результате печально знаменитого «мюнхенского сговора» Чехословакия была отдана на растерзание Германии, союзной с ней Венгрии, а также — Польше, еще и не догадывавшейся о своей грядущей трагической судьбе.

Подробности заключения этого предательского акта очень интересовали Москву, где понимали, что войну, которая постепенно приближается к границам СССР, можно остановить только соединенными усилиями всей Европы — но этих усилий не было и в помине. Именно «мюнхенский сговор» привел впоследствии к заключению пресловутого пакта Молотова — Риббентропа, которым так попрекают Советский Союз. Никак и никого не оправдывая, все же напишу, что нам легко судить и осуждать заключивших пакт, зная, к чему привело и чем закончилось это соглашение. Тогда же, в конце 1930-х, всё было совершенно непонятно и от источников в Европе требовалась информация, информация и информация.

Маклин, работая в Париже, передавал в Центр не только материалы своего посольства, но и многие другие интересующие Москву документы: Форин оффис рассылал по своим представительствам за рубежом копии докладов британских послов в других странах. В частности, много внимания Дональд уделял событиям гражданской войны в Испании, которая в то время уже подходила к концу.

Маклину приходилось запоминать основные положения прочитанных им документов и, приходя к «Джипси», которая снимала номер в парижской гостинице, подробно пересказывать их содержание. Заниматься в гостиничном номере пересъемкой материалов, для чего требовалось соответствующее оборудование, в том числе и подсветка, было невозможно. Техника была бы замечена первой же горничной, зашедшей для уборки номера, — и наличие подобной аппаратуры несомненно вызвало бы интерес полиции. Фотографировать телеграммы и прочие бумаги в самом посольстве также представлялось затруднительным — здесь все были на виду.

Нет смысла объяснять, что между документом и его пересказом, пусть даже и самым точным, есть существенная разница. Так, когда в июле 1939 года от Маклина поступила важная информация по Финляндии, — обстановка на Карельском перешейке обострялась, дипломатические переговоры результатов не давали и война казалась уже неизбежной, — Центр высоко ее оценил, однако выразил настоятельный интерес к конкретному документу. Но самого документа в распоряжении Маклина не было.

Стало ясно, что необходимо возрождать лондонскую «фотостудию», для чего «Джипси» сняла в Париже квартиру, куда и перевезла все свои фотопринадлежности. В Москву вновь стали передаваться фотокопии документов.

Один из связников Маклина Юрий Модин вспоминал: «Дональд полюбил Париж. Он быстро вошел в артистическую богемную атмосферу французской столицы, встречался с художниками, писателями, богатыми американцами, студентами».

А вот Китти Харрис, которая теперь именовалась оперативным псевдонимом «Ада», тогда же сообщала в Центр совсем иное: «Когда он был в Лондоне, он мог поступать так, как ему хотелось. Он имел своих друзей, имел возможность много читать. Иначе обстоит дело в Париже. Он должен вести совершенно иную общественную жизнь. Он должен посещать обеды и вечера. Вся жизнь сконцентрирована вокруг консульского круга. Он ненавидит эту атмосферу, но в то же время должен работать здесь…»

Сложно сказать, чей рассказ достовернее. Не исключается и то, что личные взаимоотношения начинали мешать делу — Маклин постепенно устал от, простите за дурной каламбур, связи со своей связной, поэтому, возможно, старался проводить время вне ее общества, а ей объяснял, что он вынужден так поступать, хотя всё здесь происходящее ему очень не нравится.

В конце лета 1939 года, когда «Джипси» возвратилась в Париж из отпуска, проведенного на средиземноморском побережье Франции, вдруг оказалось, что связь парижской резидентуры с ней и Маклином утрачена. Причиной тому были очередные события, произошедшие в Москве. 25 ноября 1938 года Наркомат внутренних дел возглавил Лаврентий Павлович Берия, после чего начался процесс «очищения» центрального аппарата от «выдвиженцев», как их тогда называли, «железного сталинского наркома» — а так еще недавно именовали Николая Ивановича Ежова… Происходящее не могло не затронуть и внешнюю разведку: пошла очередная волна репрессий против ее сотрудников, и разведчики из парижской резидентуры, поддерживавшие оперативный контакт с «Адой» и «Стюартом», в числе многих были отозваны в Центр.

В то время разведка именовалась 5-м отделом ГУ ГБ НКВД. Его начальник Владимир Георгиевич Деканозов, один из немногих разведчиков, которым Сталин доверял безмерно, стал заместителем нового наркома. С мая 1939 года отдел возглавил очень толковый Павел Михайлович Фитин. Однако, как видно, до «работающих в поле» нелегалов руки у Центра просто еще не

дошли. А как это было необходимо в тот момент! 1 сентября 1939 года гитлеровская Германия напала на Польшу, с чего и началась Вторая мировая война.

Оценив обстановку, Китти Харрис сделала то, чего она ни в коем случае не должна была делать: пришла в советское посольство и встретилась с новыми сотрудниками резидентуры. Связь была восстановлена.

Поход в посольство остался без последствий, зато совсем с другой стороны для «Джипси» возникла реальная опасность — и не одна. Сначала в Центр пришло сообщение из Вашингтона, что бывший член бюро компартии США Гитлоу, давая показания в комиссии конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности, назвал имя Китти Харрис как агента Коминтерна, которая затем, очевидно, стала работать на советскую разведку. Но более конкретные данные на «Джипси» дал Вальтер Кривицкий, бежавший в Соединенные Штаты нелегальный резидент советской разведки в Западной Европе. Возникла серьезная угроза безопасности не только связной, но и, разумеется, самого Дональда Маклина.

Однако от Маклина поступала ценнейшая информация, имевшая исключительно важное значение в связи с началом войны в Европе. И Центр пошел на риск, приняв решение не прекращать работы с разведчиками и не выводить Китти из-под возможного удара. По счастью, этот риск себя оправдал, «Джипси» продолжала регулярно передавать информацию в Москву.

Но тут пришла другая беда: потерпели крах личные отношения Дональда и Китти. Как оказалось, Дональд повстречал в Париже богатую американскую студентку Сорбонны Мелинду Мерлинг и полюбил ее.

Сложно сказать, насколько «Джипси» была права, но в январе 1940 года она срочно вызвала на встречу парижского куратора Маклина, известного под оперативным псевдонимом «Форд», и сообщила, что Дональд увлекся «посторонней женщиной». Дальнейшее разные источники трактуют по-разному. Известно, что, решив связать с Мелиндой свою жизнь, честняга Маклин рассказал своей избраннице о своем членстве в компартии и связи с советской разведкой, чтобы не подставить ее под неожиданный удар в дальнейшем. Но вот когда это произошло — вопрос. В одних источниках утверждается, что Китти в первом же разговоре сообщала об этом куратору, в других — что Маклин пошел на откровение с невестой лишь за несколько дней до свадьбы.

В общем, «служебный роман» завершился. Китти Харрис очень переживала любовную разлуку, но продолжала выполнять

обязанности связной.

10 мая 1940 года Германия напала на Францию. Война продолжалась очень недолго — через месяц французское правительство покинуло Париж, а французская армия сложила оружие. Китти и Дональд встретились в последний раз, когда гитлеровцы были всего в нескольких десятках километров от Парижа. Маклин сообщил, что эвакуируется вместе с британским посольством, так что работа прекращается.

За два дня до падения французской столицы Дональд Маклин и Мелинда Мерлинг зарегистрировали свой брак. Следует отметить: когда возникла реальная угроза Парижу, английское посольство охватила паника — многие дипломаты думали только о том, как бы поскорее вернуться на свой остров, пока казавшийся таким безопасным. Однако Маклин и еще несколько сотрудников не потеряли самообладания: они составили план эвакуации посольства, уничтожили бóльшую часть документов, вывезли наиболее важные дела. Дональд с молодой женой последними покинули опустевшее здание, на автомобиле добрались до побережья и на торпедном катере возвратились в Англию. Отвага и самообладание Маклина были отмечены руководством Форин оффис.

Не осталась в оккупированном Париже и «Джипси» — она была переправлена сотрудниками резидентуры в Бордо, а 19 июля, через Берлин, выехала в Советский Союз. 22 июня 1941 года «Цыганочка» встретила в Москве, а 1 октября выехала из советской столицы скорым поездом «Москва — Владивосток». Целью ее были США, с последующим переездом в одну из стран Латинской Америки. На этом, читатель, мы и простимся с Китти Харрис…

Но на прощание уточню, что материалы, которые накануне Второй мировой войны Маклин передал советской внешней разведке — главным образом через «Цыганочку», составили в архиве около сорока коробок, каждая из которых содержала примерно 300–350 страниц секретной документации. Таким образом, в Москву было отправлено свыше двенадцати тысяч страниц!

По возвращении на родину Маклин был прикомандирован к главному управлению министерства иностранных дел все в том же ранге второго секретаря. На этом посту он получил доступ к документам, которые имели отношение к Адмиралтейству, военному ведомству и министерству снабжения. В Лондоне оставаться из-за бомбежек было опасно, и молодая жена Мелинда на время уехала к родителям в Штаты.

В декабре 1940 года из Лондона, который уже ежедневно

подвергался налетам нацистской авиации, Дональд Маклин писал в Москву, в Центр:

«Эта работа для меня так же важна, как для вас, если не важнее, потому что это моя жизнь, я только для этого и живу. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы обеспечить ее безопасность. Я не могу сказать, что люблю эту работу, но я признаюсь, что для меня она представляет наилучший способ участвовать в нашей великой борьбе. Я имею твердое намерение устоять, пока меня не отзовут с этого поста».

Скорее всего, это было его завещание — на тот трагический случай, о котором совсем не хотелось думать, но не думать в тех условиях было нельзя.

В конце этого года или в начале 1941-го Маклин передал в Москву мобилизационные планы Германии и Италии, сведения о производственных мощностях немецких военных заводов. Эти документы гораздо точнее любых политических деклараций свидетельствовали об агрессивных планах так называемых «стран Оси». В первой половине 1941 года он же переслал советской разведке еще ряд документов, свидетельствовавших о неизбежности нападения гитлеровской Германии на СССР — в том числе оперативные планы по разгрому вермахтом войск Красной армии. В то время он получил доступ к материалам, исходящим из военного бюро Кабинета министров, координировавшего вопросы ведения войны. К тому же к Маклину по роду его деятельности поступали документы из Генерального штаба, переписка Форин оффис с его заграничными представительствами и министерствами иностранных дел и правительствами других государств. Особый интерес представляла переписка с Вашингтоном и с разного рода «правительствами в изгнании». Благодаря работе британского дипломата советская разведка имела возможность знакомиться с перепиской Черчилля с Рузвельтом и другими главами государств и правительств, с перепиской министра иностранных дел Идена с английскими послами.

Кстати, материалы, полученные от Маклина, впоследствии помогли советскому руководству выработать свою стратегию по отношению к Франции, заложили основу будущих советско-французских отношений. Английские правящие круги поначалу достаточно отрицательно относились к сформированному в Алжире Французскому комитету национального освобождения, который возглавил генерал де Голль. Советский Союз первым признал этот комитет, и не случайно, что президент Французской Республики Шарль де Голль стал потом большим другом СССР.

Не пересказывая всего сделанного Дональдом Маклином за

время Великой Отечественной войны, можно уточнить, что с 1941 по 1945 год от него было получено Центром 4593 документа…

Дональд Маклин отлично сработал и по атомной проблематике.

Именно он сообщил, что центр по разработке и производству атомной бомбы переносится из объятой войной Европы на территорию Соединенных Штатов Америки. На основании его конкретной информации руководством советской разведки было принято решение об активизации разведывательной работы на территории США в этом направлении. Соответствующие решения по разработке ядерного оружия были приняты и советским правительством.

Так потом получилось, что все документы, касавшиеся политической подоплеки «атомного проекта», то есть взаимодействия Великобритании и США в этой области, проходили через Маклина. Не будучи ученым-ядерщиком, он не имел доступа к научной информации, в которой, очевидно, не слишком-то и разбирался, но над этим трудились совсем иные «наши люди».

Летом 1945 года Дональду пришлось вновь напрямую возвратиться к «атомному проекту» — теперь уже по заданию своего британского руководства. В то время он был первым секретарем английского посольства в Вашингтоне и работал в так называемом Комитете совместной политики. Маклину, как содиректору его секретариата, было дано сверхсекретное задание по координации деятельности двух организаций, занимавшихся созданием атомной бомбы: американского «Манхэттенского проекта» и английского «Тьюб Аллойз проекта».

Но даже у таких традиционных союзников, как Англия и США, сотрудничество в этой области в конце концов разладилось — впрочем, не только в ней. Вообще при президенте Трумэне американо-английские отношения стали прохладнее, а «атомная тема» оказалась фактически закрыта от еще недавно ближайшего союзника. Подобное решение многими в Англии было воспринято как национальное оскорбление, и отношение к США таких людей, как Маклин и Бёрджесс, стало еще более неприязненным. Хотя, как уже сказано, с весны 1944 года Дональд Маклин, получив повышение по службе, работал в английском посольстве в Вашингтоне.

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

«__» М А Я 1945 г.

№ _____

г. МОСКВА

«РАССЕКРЕЧЕНО»
Служба внешней разведки РФ 10

СОВ. СЕКРЕТНО
ЭКЗ. №

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

товарищу СТАЛИНУ И.В.

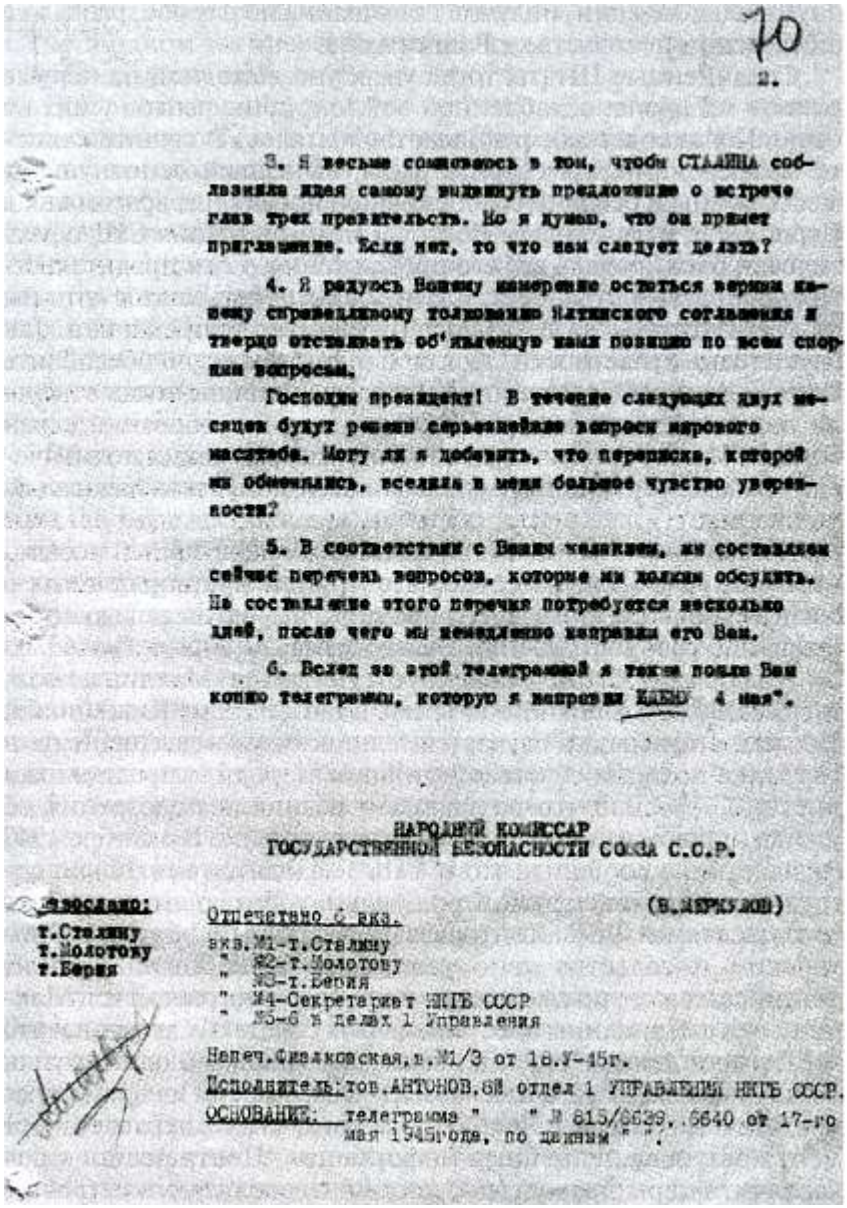
II Телеграмма Черчилля №40 от 11.5.45

НКГБ СССР сообщает содержание телеграммы № 40 от 11.5.45 ЧЕРЧИЛЛЯ, адресованной ТРУМЭНУ.

Текст документа получен агентурным путем в Лондоне.

1. Я полагаю, что нам следует совместно или в отдельности послать СТАЛИНУ приглашение встретиться с нами в каком нибудь обусловленном городе в Германии и назначить эту встречу глав трех правительств на июль месяц. Встреча должна состояться вне пределов русской военной зоны. Дважды мы приезжали, чтобы встретиться с ним. Русские относятся к нам с тревогой, поскольку они учитывают характер нашей цивилизации и разнообразные методы, которые мы применяем. Но их беспокойство, в связи с этим, в значительной мере уменьшится, когда наши армии будут рассредоточены.

2. Я полагаю, что Вам следует приехать в Лондон в начале июля. После этого мы сможем отправиться к назначенному месту встречи в Германию и иметь там серьезные переговоры, от исхода которых будет зависеть ближайшее будущее мира. Я, конечно, возьму с собой представителей обеих партий нашей страны, но они будут в вопросах внешней политики говорить не одинаковом языке, поскольку в этих вопросах между нами имеется полное согласие. В то же время я питаю искреннюю надежду на то, что американцы не отступят от обусловленной сейчас тактической линии.



70
2.

3. Я весьма сомневаюсь в том, чтобы СТАЛИНА соблазнила идея самому выдвинуть предложение о встрече глав трех правительств. Но я думаю, что он примет приглашение. Если нет, то что нам следует делать?

4. Я радуюсь Вашему намерению остаться верным нашему справедливому толкованию Ялтинского соглашения и твердо отстаивать об'единенную нами позицию по всем спорным вопросам.

Господин президент! В течение следующих двух месяцев будут решены серьезнейшие вопросы мирового масштаба. Могу ли я добавить, что переписка, которой мы обменялись, вселила в меня большое чувство уверенности?

5. В соответствии с Вашим указанием, мы составляем сейчас перечень вопросов, которые мы должны обсудить. На составление этого перечня потребуется несколько дней, после чего мы немедленно направим его Вам.

6. Вслед за этой телеграммой я также пошлю Вам копию телеграммы, которую я направил Идену 4 мая".

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗА С.С.Р.

(В.МЕРКУЛОВ)

Разослано:
т.Сталину
т.Молотову
т.Берия

Отпечатано 6 экз.
экз.№1-т.Сталину
" №2-т.Молотову
" №3-т.Берия
" №4-Секретариат НКГБ СССР
" №5-6 в дела 1 Управления

Напеч.Свиязовская,в.№1/3 от 10.V-45г.
Исполнитель:тов.АНТОНОВ,6й отдел 1 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР.
ОСНОВАНИЕ: телеграмма " " № 615/6639,.6640 от 17-го мая 1945года, по двигим " ".

Сообщение из Лондона. Май 1945 г.

Соединенные Штаты тогда уверенно выходили на первые роли — в Европе, ослабленной войной, конкурентов у них не было. Когда советское руководство пыталось получить какие-то преференции для своей страны, вынесшей основную тяжесть войны и реально обеспечившей победу над врагом как в Европе, так и на Дальнем Востоке, администрация США фактически блокировала все его предложения. Если правительства

европейских стран могли с ними согласиться или хотя бы их «проглотить», то президент Трумэн был непреклонен. Так случилось, в частности, когда Сталин пытался обеспечить России выход в Средиземное море: американцы тогда отвергли наши предложения, а СССР в ответ — требования стран Запада. Может быть, именно знание того, до каких политических рубежей можно идти, позволило не допустить начала новой войны.

По сообщениям Маклина, имевшего оперативный псевдоним «Гомер», было известно, что Трумэн претворял тогда в жизнь свою «доктрину сдерживания», имевшую целью «прекращение распространения коммунизма».

Информацию, получаемую от Дональда Маклина, подтверждал и работавший в то время в Вашингтоне Ким Филби. Но, как это нередко случается, слишком уж «взвешенная» и разумная позиция советской стороны породила предположение, что «русские что-то знают» — возникли подозрения об утечке информации на очень высоком уровне. В октябре 1947 года Дональд сообщил, что в США находятся несколько сотрудников британской контрразведки, работающих в контакте с агентами ФБР. Контрразведывательный режим в британском посольстве явно усилился. Более того: один из английских контрразведчиков доверительно рассказал Маклину, что американцы арестовали двух советских агентов и что ФБР имеет данные еще на нескольких таковых, однако улик на них пока недостаточно. «Гомер» даже просил на время прекратить с ним связь. Однако из-за того, что от него в тот момент поступала ценнейшая информация, Центр решил лишь увеличить меры предосторожности и проводить его встречи с оперативным работником резидентуры не чаще, чем раз в месяц.

Летом 1948 года Маклин был назначен советником посольства в Египте. Тогда ему было 35 лет, и он был первым английским дипломатом, достигшим в таком молодом возрасте столь высокого ранга. Однако, очевидно, на его здоровье ощутимо сказались огромные нервные перегрузки военных и последующих лет, обостренные еще и тяжелым климатом. Именно тогда в одном из писем Дональда вдруг прозвучала просьба: «Заберите меня в Москву!»

В 1950-м он возвратился в Англию, где возглавил американский отдел Форин оффис — и его работа с советской разведкой продолжалась. Но МИ-5 и ФБР также не прекращали своих поисков. В конце концов, в июне 1950 года американцам удалось частично расшифровать одну из телеграмм, еще в 1945 году посланную в Москву резидентурой в США, — стало ясно, что в ней сообщалось о секретных англо-американских переговорах.

Контрразведка начала проверять всех, кто мог об этих переговорах знать, и в конце концов подозрение пало на двух человек, одним из которых был Дональд Маклин. За ним было установлено негласное наружное наблюдение…

Читатель уже знает, какую роль сыграл Ким Филби в деле спасения своего товарища. А вечером в пятницу 25 мая 1951 года Гай Бёрджесс зашел к Дональду и пригласил его заглянуть на часок в клуб, но только вместо клуба друзья прибыли в порт и уже через несколько минут стояли на палубе парохода, навсегда увозившего их с Туманного Альбиона. «Наружка» не сработала — видимо, подозрения в отношении высокопоставленного дипломатического чиновника также были туманны. Дальнейший путь Бёрджесса и Маклина пролегал через Францию, Швейцарию и Чехословакию — в Советский Союз. Уже в воскресенье 27 мая 1951 года они были в Москве.

Первое время, в целях обеспечения личной безопасности, разведчики были «спрятаны» в Куйбышеве, а в 1955 году переехали в Москву. Здесь Дональд Маклин выполнял обязанности консультанта советской внешней разведки, являлся сотрудником журнала «Международная жизнь», издававшегося Всесоюзным обществом «Знание».

Затем более двадцати лет он проработал старшим научным сотрудником в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, защитил докторскую диссертацию по теме «Британская внешняя политика после Суэцкого кризиса» — кстати, в Англии она была издана в виде книги, стал авторитетным ученым-международником.

Маклин овладел русским языком, так что вскоре писал и говорил по-русски почти без ошибок. Он вступил в КПСС и активно участвовал в работе партийной организации института. Кроме того, Дональд был еще и членом ученого совета института, присутствовал при защите диссертаций и присуждении ученых степеней. В общем, он наконец-то пришел к тому, о чем мечтал в юности — к серьезному занятию наукой.

Заслуги его на этом поприще получили немало высоких оценок. В частности, Маклин был награжден не только орденом Красного Знамени, как и его товарищи по «Кембриджской пятерке», но и орденом Трудового Красного Знамени.

Как сказал Георгий Иванович Блейк, «он старался стать членом советского общества и помочь ему строить коммунизм».

Дипломат, разведчик и политик, Маклин не только видел и понимал ошибки тогдашнего советского руководства, но и надеялся помочь их исправить, обращаясь в различные властные инстанции. В частности, он решительно выступил против

развертывания в Восточной Европе ракет СС-20, утверждая, что это приведет к еще большему росту международной напряженности и очередному витку гонки вооружений, которую и так уже не выдерживала наша страна. К сожалению, его доводы услышаны не были…

Читатель, очевидно, помнит слова Блейка о том, что «начало и конец жизни Маклина были отмечены жертвами», — и я возвращаюсь к этой прерванной теме.

— В конце жизни ему предстояло принести большую личную жертву, — говорил Георгий Иванович. — Через два года после его приезда в Советский Союз к нему приехали его жена Мелинда и трое их детей. Они так и не смогли освоиться в этой стране и не были здесь счастливы. Всю жизнь Дональд страдал от чувства вины за то, что вырвал жену и детей из привычной для них жизни. Когда в конце семидесятых годов его сыновья с их советскими женами выразили твердое желание эмигрировать в Англию или США, он счел своим долгом сделать все возможное, чтобы помочь им…

Впрочем, потом стало известно, что советское руководство отнюдь не стремилось опускать перед семьей Маклина «железный занавес» — разрешение на выезд было дано без особых проблем. Остался только он и продолжал трудиться на своей новой родине.

И снова вспоминает Джордж Блейк:

— У Дональда было много друзей и знакомых, сотрудники уважали и любили его… Он отказался от каких-либо привилегий, одевался и питался очень скромно. За все четырнадцать лет нашего знакомства он не выпил ни капли спиртного, хотя было время, в том числе после приезда в СССР, когда он сильно пил. «Вместо того чтобы стать алкоголиком, — говорил он о себе, — я стал работоголиком». И правда, Дональд все время писал обзоры, отчеты, статьи и книги или участвовал в конференциях и «круглых столах». Он воспитал целое поколение специалистов в области британской внутренней и внешней политики.

Дональд Маклин умер от рака 9 марта 1983 года. Гражданская панихида прошла в актовом зале института. По словам очевидца, это было «трогательное прощание с человеком, которого очень уважали и любили все, кто знал его даже не как знаменитого разведчика, а как доброго и справедливого товарища, настоящего английского джентльмена в лучшем смысле этого слова». Выступали академики и доктора наук, говорившие о Дональде как о замечательном ученом, выступали руководители внешней разведки, оценившие его вклад в разгром фашизма и обеспечение безопасности на планете, выступали его друзья, вспоминавшие очень душевного, замечательного

человека…

В соответствии с завещанием Маклина тело его было кремировано, а урну с прахом его сын Фергюс, опоздавший на похороны, отвез в Великобританию, чтобы похоронить в фамильном склепе в Лондоне.

В библиотеке Института мировой экономики и международных отношений, среди портретов знаменитых ученых, здесь работавших, висит и портрет Маклина. Долгие годы возле него стояли живые цветы, которые приносили люди, знавшие и любившие Дональда.

Четвертый. Агент королевских кровей. Энтони Блант (1907–1983)

Энтони Блант — одна из наиболее загадочных и в то же время публичных фигур «Кембриджской пятерки».

Вот кто преуспел в этой жизни! Он был выдающимся ученым-искусствоведом и литератором, хранителем королевских галерей и профессиональным британским контрразведчиком. А еще, что для нас самое главное, Энтони Блант долгие годы успешно, бескорыстно и исключительно активно работал на советскую разведку.

Блант был неимоверно ценен тем, что помимо всего прочего поставлял политическую, подчас стратегическую информацию. Общаясь с самыми верхами, будучи одним из избранных, он приносил такое, о чем другие не могли и мечтать. По существу, сэр Энтони и вершил политику, а его выводы о произошедших событиях и предсказания о событиях грядущих ложились на лубянские столы еще быстрее, чем доходили до Форин оффис.

Никогда — ни намека на имена источников. Ни единой, как, впрочем, и у остальных известных миру четырех коллег, просьбы о деньгах. Только светлая марксистско-коммунистическая идея двигала четверкой блестящих английских аристократов и примкнувшим к ним угрюмым простолюдином Кернкроссом.

По материнской линии Блант состоял в родстве, пусть и отдаленном, с королем Георгом VI[12] — мать Энтони была двоюродной сестрой графа Стратмора, дочь которого, леди Элизабет Бойес Лайон, вышла замуж за короля Георга VI. То есть Блант являлся и родственником поныне здравствующей королевы Елизаветы II.

Его отец Артур Воган Стэнли Блант — священник англиканской церкви, а потом и один из ее столпов — человек взглядов строгих, даже суровых. Словно по наследству они передались и сыну Энтони, родившемуся в 1907 году.

Около пятнадцати лет жизни юный Энтони провел в Париже, где работал отец. Естественно, выучил французский. А сама атмосфера города искусств приобщила его к живописи — изучение живописи превратилось в страсть, профессию, любимое до конца дней дело жизни.

Понятно, что перед потомственным аристократом Блантом легко открывались любые двери. Сначала — привилегированная школа в Мальборо, где учились дети родов, близко стоящих у трона. Затем в 1926-м — судьбой запрограммированное

поступление в Тринити-колледж в престижнейшем Кембридже. Блант изучал точные науки. И хотя первый курс закончил с отличием, преуспев в математике, решил затем заняться шлифовкой французского языка и взяться за немецкий. Здесь его тоже вскоре официально признали лучшим студентом, чье первенство не оспаривалось и не подвергалось сомнению.

Знание языков подсказало и возвращение к юношескому увлечению — истории искусств. Кроме того, студенту старшего курса Бланту поручили, как это принято в Англии, опеку над новичками. Высокий, мощный, атлетического сложения тьютор[13] невольно внушал уважение студентам начальных курсов. А когда они понимали, какой великолепный ум взял над ними шефство, чувство уважения невольно переходило в преклонение.

Но Блант умел держать разных людей, не только студентов, на отдалении. Изредка его упрекали в чрезмерном тщеславии, излишних проявлениях аристократизма. Вероятно, это умение держать дистанцию, «вычислять» своим стальным взглядом людей, «сортировать» их на нужных и не очень помогало ему и как прирожденному разведчику. Он твердо знал, кто может пригодиться ему в дальнейшем, а от кого лучше поскорее отделаться, не теряя времени и не обременяя себя вступлением в близкие отношения. Да, своеобразный цинизм, некая доведенная чуть ли не до автоматизма «селекция» в дальнейшем и превратили Энтони Бланта в отличного вербовщика и результативного агента.

В Тринити в то время царили левацкий дух и марксистские настроения. Энтони состоял в кружке «Апостолов» — своеобразном закрытом клубе с левым уклоном. Сначала ввел туда ближайшего друга Гая Бёрджесса, а потом, как следует познакомившись в 1932-м с Кимом Филби, и его. Хотя тот формально так и не присоединился к «Апостолам», но все трое сошлись во взглядах. Люди одного высшего круга, они смотрели на происходившее в мире с одних позиций. Их объединяла ненависть к фашизму.

Но вряд ли в 1934 году Энтони догадывался, что его приятель Филби уже связал судьбу с советской разведкой и по поручению связника Арнольда Дейча приступил к формированию своей группы. В ней помимо Филби был пока лишь один человек — друг Бланта Гай Бёрджесс.

Гая и Энтони связывала и духовная, и физическая близость. Ведущим тут являлся Бёрджесс, а Блант оставался ведомым, испытывающим к Гаю уважение и любовь. Это и помогло Гаю найти подход к далекому от политики Энтони. Он старался внушить ему, что лишь марксизм способен спасти его любимое

искусство от увядания, на которое оно было обречено в буржуазном капиталистическом обществе.

Блант так и не превратился в коммуниста, но старания друга Гая не пропали даром. На время он проникся идеалами марксизма, позволил Бёрджессу увлечь себя новыми, раньше такими чуждыми идеями.

И когда после войны левые взгляды аристократа Бланта померкли, стерлись, то чувства к Бёрджессу, дарившему ему в молодости счастье общения и близости, остались. Это сыграло значительную роль и при работе на советскую разведку. Здесь Гай пошел до конца, искренне считал себя настоящим разведчиком, а Блант после кончины Бёрджесса в Москве позволил себе сбросить с души тяжкий, давящий его груз.

И если существуют среди историков разведки споры и разногласия, кто кого из «пятерки» завербовал, привлек, обратил в свою веру, то относительно Бланта сомнений нет. Когда Филби попросил Бёрджесса приглядеться к окружавшим их друзьям, проанализировать, кто смог бы верно работать вместе с ними, принося наибольшую пользу, то Гай сразу подумал о Бланте. Мог ли Энтони не дать согласие лучшему другу?

В свою очередь, есть основания полагать, что уже сам Блант привлек к работе на СССР способного студента из Кембриджа по имени Дональд Маклин. Впрочем, эту ценнейшую заслугу приписывают, по крайней мере, еще двум гражданам Великобритании и одному россиянину. Почти наверняка к 1935 году в группе Филби было уже несколько человек. Вряд ли нужно приводить здесь имена студентов и выпускников Кембриджа, разделявших взгляды Кима Филби и его друзей.

Если считать весну 1934-го приобщением Бёрджесса к советской разведке, то Блант примкнул к ней чуть позже. Признаем, что для этого Бёрджессу пришлось потратить немало времени и сил. Блант с пренебрежением относился к активной политике. Митинги, демонстрации, многочасовые дискуссии, которыми так увлекались в Кембридже, были не для него. Но Бёрджесс пытался заинтересовать, втянуть Бланта в политическую борьбу. И отпрыск аристократического рода пошел за ним и поверил.

Блант побывал в Италии и Германии. Было ясно, какие силы пришли к власти в этих странах. Несмотря на то, что Энтони боготворил Рим с его глубокой культурой, он не мог принять фашиствующего дуче Муссолини, а Гитлер и вовсе вызывал у него отвращение. Вот, собственно, и ответ на вопрос, почему аристократ королевских кровей сделал необычный выбор в пользу другой, казалось бы, абсолютно чуждой ему страны — СССР

Тут довольно кстати пришлась и поездка в Советский Союз. В предыдущей главе о ней уже рассказывалось. Говоря без обиняков, она была организована в 1935 году опытнейшим разведчиком-нелегалом Арнольдом Дейчем и преследовала сразу несколько целей. Во-первых, идеологически обработать Бёрджесса, Бланта и еще ряд английских студентов. Во-вторых, в случае возникновения подозрений со стороны британских спецслужб в наличии у них просоветских взглядов все визитеры могли бы легко откреститься от СССР: увиденное в Москве и Ленинграде якобы вызвало у них отторжение от Страны Советов.

Повторюсь, что группу молодых студентов принял тогдашний главный теоретик и толкователь марксизма-ленинизма Николай Бухарин. Уже это говорит о том, какое значение придавали визиту.

Блант был в восторге от Эрмитажа, он на время поверил, что именно марксизм укрепляет культуру и делает ее более доступной для всех. Остальное же увиденное если и не ввергло в уныние, то не произвело на него того впечатления, на которое рассчитывали. Трудно говорить о прочих членах группы, но Блант не испытывал особой радости. Явная бедность, отсутствие того элементарного, без чего не мыслил себе существования любой имеющий работу британец, наконец, бросавшийся в глаза бюрократизм убедили Бланта в том, что он никогда не смог бы обосноваться в такой стране, как эта.

И если еще один будущий активнейший член «пятерки» Маклин мечтал, что когда-нибудь сможет преподавать английский язык советским детям, то отторжение Бланта было окончательным. Он уже тогда осуждал начавшиеся сталинские репрессии, считая их несовместимыми с истинной демократией.

Но на его отношениях с резидентом Арнольдом Дейчем — с ним его познакомил все тот же Гай Бёрджесс — это не сказалось. Идеи национал-социализма, даже фашизма, которыми постепенно проникались и некоторые представители знатнейших британских родов, ощущались тонкой душой Бланта гораздо большей угрозой. Не то, что он выбирал из двух зол, нет. Все же марксизм невольно проникал в сознание образованнейшего Энтони. Да и Гай Бёрджесс так настаивал, был столь красноречив и убедителен. Блант, как я уже говорил, бывал и в Германии. Увиденное там привело к пониманию: тут уже или — или, иного пути нет. И он выбрал борьбу против Гитлера.

Источник НКВД Энтони Блант приступил к исключительно ответственной работе — ему поручалось подыскивать подходящий «человеческий материал» для возможного использования в советской разведке. Некоторые, как и Блант,

ненавидящие фашизм, соглашались. Среди удачнейших вербовок, помимо Дональда Маклина, оказался и подопечный Энтони по исследованиям французской литературы Джон Кернкросс, рассказ о котором в следующей главе. Было, судя по всему, еще несколько удачных вербовок.

А вот на сынке американского миллионера Майкле Стрэйте Блант в 1937 году споткнулся. Впрочем, всё это вылезло наружу позже, а пока Блант превратился в активного члена «Кембриджской пятерки», засекреченного советскими друзьями под кодовыми именами «Тони», «Джонсон», «Ян».

Блант работал преподавателем в университете, выпустил книгу по истории итальянского искусства 1450—1600-х годов. Началась война — таким, как он, предоставляли отсрочку от армии, но он от нее решительно отказался. Причины тому вовсе не в связях с советской разведкой. Патриот Энтони Блант счел невозможным отсиживаться на теплом преподавательском местечке.

Его ждали краткосрочные разведывательные военные курсы в графстве Хэмпшир, однако через некоторое время способный слушатель был отчислен. Внимание, это прозвучал первый и тревожный звонок из студенческого прошлого! Бланту припомнили и поездку в Советский Союз, и статьи в левом журнале, так и называвшемуся «Лефт». Но Энтони не дрогнул, обратился в министерство обороны с письмом, в котором твердо сообщал, что посетил СССР с чисто научными, искусствоведческими целями. Марксистом себя не считает. Вот это было чистой правдой, о чем свидетельствовали некоторые приложенные к письму книги и статьи по искусству. Помог и брат со своими связями в верхах.

После изучения досье Бланта его простили. Армии, да и не только ей — разведке тоже, были крайне нужны патриотично настроенные молодые эрудиты. Впрочем, для начала выпускника Кембриджа капитана Энтони Бланта определили в военную полицию. Сначала последовало бессмысленное времяпрепровождение на границе с Бельгией. Отсюда Бланта по его просьбе вытащили друзья, особенно старался Бёрджесс.

Затем отдадим дань уважения пославшим искусствоведа Бланта в Булонь. Здесь, во Франции, его знания французского и немецкого были использованы по полной. Подразделение Бланта вылавливало в этом порту немецких шпионов, препятствовало проникновению диверсантов. Французы потом вспомнили о подвигах английского аристократа, наградив его орденом Почетного легиона.

Началось наступление немцев, и Блант вновь проявил полное

хладнокровие. В момент, когда многие офицеры Британского экспедиционного корпуса во Франции дрогнули, он сохранял спокойствие. Это и помогло вывезти его подразделение с континента на остров без серьезных потерь. Такое умение держать себя в руках, не предаваться панике было характерно для Бланта.

Оно было замечено окружающими. Про левые увлечения уже и не вспоминали. По рекомендации его приятеля Виктора Ротшильда к Энтони начали приглядываться люди из контрразведки. Отпрыск из знаменитой семьи банкиров хорошо знал Энтони, Бёрджесса и Филби. Рекомендация миллионера значила многое. Ротшильд всегда восхищался феноменальной памятью Бланта, который поражал его доскональным знанием любых мало-мальски значащих дат, фамилий, событий… Если бы он догадывался, как ценили эти качества своего «Тони» и в советской разведке! Вскоре Энтони Блант переменил место службы, выполнив тем самым задание резидента «Генри» (Горского) и проникнув в МИ-5.

Поначалу со связью было туго. Ему удавалось передавать редкие донесения из Франции через Гая Бёрджесса, который отдавал их связникам в Париже, а потом они уже уходили в Центр. Служба в МИ-5 давала гораздо больше возможностей, чем его короткое пребывание в военной полиции. Тем более отделу Бланта поручалась важная задача: контрразведывательная работа в армии Его Величества плюс обеспечение безопасности предприятий, связанных с военной промышленностью, — то есть военная контрразведка. Он получил допуск к секретным документам. Резидент Горский взял его под свою твердую опеку. Потом с ним работали и другие сотрудники разведки, последним из которых стал совсем тогда молодой Юрий Модин.

Новичка в МИ-5 приметили. Вскоре продвинули по службе, назначив только-только пришедшего офицера заместителем начальника отдела. И Блант, успешно работая на контрразведку, успевал ночами переписывать захваченные домой документы, которые, с его точки зрения, представляли интерес для Москвы.

Дешифровки немецких телеграмм о перемещениях вермахта, деятельность абвера в Скандинавии, Турции и на Ближнем Востоке… В Швеции усилиями «Тони» активность немецкой агентуры была, по существу, сведена к нулю: он передал Центру список с фамилиями 125 (!) работавших на рейх немецких разведчиков и их местных источников.

И еще один, связанный со Швецией, эпизод, возможно, малоизвестный даже тем, кто в последние годы занимался так называемым «Делом Рауля Валленберга», исчезнувшего после

войны то ли в ГУЛАГе, то ли вообще где-то безжалостно расстрелянного. Не умаляя заслуг шведского дипломата и промышленника в спасении возможных жертв нацизма, все же признаем: это с его помощью немцы пытались вести сепаратные переговоры и выйти на английского премьера Черчилля.

Так, именно Рауль Валленберг, участвовавший в англо-шведских торговых переговорах, доставил летом 1943-го в Англию конкретные предложения группы оппозиционеров из Берлина. Валленберг сообщил одному из военных помощников Черчилля, что они исходят от людей, чьей целью является физическое устранение Гитлера. А дальше все та же песня: немцы прекращают борьбу с союзниками и все свои силы перебрасывают на Восточный фронт…

Премьер Великобритании, в отличие от Валленберга, проявил политическое благоразумие. Документы, подсунутые ему помощником, навечно застряли у него в сейфе, ходу им дано не было. Вскоре Блант известил об этом Москву. Пусть узнают о не слишком дружелюбном по отношению к СССР поступке шведа и исследователи, выставляющие Валленберга «рыцарем без страха и упрека». Упрекнуть шведского миллионера, хотя и с трагической судьбой, есть за что. Как и искренне посочувствовать ему и его близким.

Незаурядность Бланта, умение принимать быстрые решения, широкий круг знакомств явно выделяли его из толпы. Дисциплинированность и пунктуальность, не столь свойственные людям его круга, подкупали. Толкового офицера приметил заместитель начальника МИ-5 Гай Лиделл. Интересно, что бы он сказал, если бы узнал, что на этом сближении с ним настаивала советская резидентура?

Блант получал одно повышение за другим. Вот он помощник начальника другого крупного управления, затем поднимается еще выше. В 1943 году он уже носит звание майора. И, непостижимо каким образом, успевает читать лекции студентам Лондонского университета, особо выделяясь филигранным знанием итальянской живописи Средневековья. Кстати, есть сведения, что порой, в те сложные моменты, когда решалась судьба «Кембриджской пятерки», его встречи с сотрудниками советской разведки проходили прямо после того, как прочитавший лекцию Блант спускался с кафедры.

Непонятно, откуда брались время и силы, но при всей своей занятости и работе сразу на две разведки Блант еще во время войны, по поручению королевской семьи, принялся составлять опись рисунков, принадлежащих правящей династии. Бывал в Виндзорском дворце, удостаивался высочайших аудиенций,

словно делая некий задел на послевоенное будущее…

Крепли его отношения с Лиделлом. Завязалось нечто вроде дружбы и с Диком Уайтом — еще одним представителем руководства МИ-5. Через несколько лет именно Уайт встал во главе всей английской разведки. С Блантом они оба встречались не только на службе. Вместе отдыхали, расслаблялись в доме все того же невольно помогавшего Бланту Виктора Ротшильда. Банкир сдал Энтони свой особняк, предпочитая жить не в Лондоне с его бомбежками и затемнениями, а где-то за городом. В раскованной обстановке Бланту было легче разговорить своих начальников. Да они и сами частенько обращались к способному офицеру за дружеским советом. Таким образом, Блант заранее узнавал о том, какие действия собирается предпринимать английская контрразведка против представителей различных посольств, в частности — советского.

Отзвуки предупреждений, переданных Блантом, звучали и в рассказах Героя России Владимира Борисовича Барковского, работавшего тогда в Лондоне под крышей советского посольства. По его словам, в первые годы войны англичанам было вообще не до слежки. Но пришла в британскую разведку молодая поросль — способная, быстро обучаемая, и резидентура вскоре почувствовала это по действиям активизировавшейся контрразведки. Но что было делать, когда на связи у того же Барковского было иногда по…цать английских источников?

Именно люди из «Кембриджской пятерки» предупреждали о предстоящих мероприятиях контрразведки. Благодаря Филби, Бланту, Кернкроссу не произошло ни единого провала. В частности, Бланту удавалось уведомлять резидентуру о том, что кто-то из сотрудников посольства попадал или должен был попасть «под колпак» МИ-5. Меры по обеспечению их безопасности принимались безотлагательно.

Бланту принадлежит подробнейшая разработка о действиях службы наружного наблюдения. На ее подготовку ушло несколько месяцев. Конечно, эффективность работы английской наружки в результате резко возросла. Но как противоядие «Тони» передал копию своего доклада советской резидентуре. Это спасло множество агентов от провалов. Зная методы работы англичан, было легче уходить от наблюдения.

Чтобы внедрить свои идеи в повседневную практику работы наружки, Блант сам взялся за непосредственное руководство ею. Оно продолжалось недолго, но Энтони многое дал подчиненным. Каждую неделю он лично встречался с сотрудником, занимавшимся разработкой того или иного иностранного гражданина, попавшего под подозрение. Ставил индивидуальную

задачу, а уже через семь дней ему докладывали о ее решении. Есть сведения, звучащие, на мой взгляд, несколько парадоксально. Не кто иной, как довольно далекий от техники Блант ввел в практику наружного наблюдения новые, чисто технические элементы.

Интересно, что некоторые разведчики до сих пор считают, что эта практическая работа Бланта является одним из действенных методов борьбы с наружным наблюдением, а разработанная им система обнаружения наружки используется даже сегодня.

«Тони» передавал и важнейшую политическую, стратегическую информацию. Так, Блант был среди тех, кто сообщил Центру о переговорах, которые вел с американцами эсэсовский генерал Вольф. В обмен на прекращение войны на Западе личный представитель Гиммлера гарантировал, что войска Германии будут действовать только против СССР. Сталин обратился за официальными разъяснениями к Англии и США, намекая на то, что об этих тайных переговорах станет известно всему миру. Опасаясь позорной огласки, те отказались от сепаратных сделок с представителями фашистской Германии.

Благодаря Бланту Центру стало известно и о секретных сепаратных переговорах с Италией, которые вели Англия и США с помощью Ватикана. Муссолини был свергнут, арестован, и союзники, не ставя в известность Советский Союз, подписали перемирие с главой нового итальянского кабинета министров. Предприняв официальный дипломатический демарш, правительство СССР, с согласия ошарашенных союзников, тоже подключилось к переговорам. Через некоторое время новый кабинет министров Италии был официально признан Советским Союзом, а США и Англия были даже вынуждены согласиться с предложением Москвы о создании комиссии для ведения переговоров с государствами, пытающимися выйти из-под влияния рейха.

Однако неверно было бы представлять Бланта этаким засевшим в кабинете стратегом-теоретиком. Он был и типичным разведчиком, работавшим «в поле». Но очередное задание, полученное им от его непосредственного начальства, поначалу казалось невыполнимым. Британской контрразведке во что бы то ни стало требовалось добраться до дипломатической почты стран-союзниц и правительств государств, выбравших местом постоянной эмиграции Лондон. В годы войны переписка иностранных посольств со своими правительствами велась интенсивнейшая. Понятно, что и сведения в ней содержались ценнейшие. Иногда англичанам удавалось переснять их. Теперь

же было приказано поставить добычу такой информации на поток.

Блант изобрел простой и надежный способ. Специально для того, чтобы завладеть почтой хотя бы на несколько часов, под разными предлогами задерживалась отправка самолетов. Дипкурьерам вежливо предлагалось уложить почту в «надежный» сейф прямо в аэропорту, самим запечатать его и отправиться на отдых в ближайшую гостиницу. Потом, через несколько часов, они же раскрывали сейф, вынимали содержимое и готовились к объявленному, всегда срочному, вылету. Никто, конечно, даже не подозревал, что сноровистая команда Бланта научилась аккуратно вскрывать содержимое запечатанных вализ, быстро переснимать документы и, не оставляя никаких следов, возвращать их сначала в дипломатические вализы, а затем и в сейф.

Документы из Бельгии, Дании, Польши, Чехословакии, нейтральных Швеции и Швейцарии переснимались быстро и аккуратно. Наибольший интерес для Центра представляла почта польского правительства в изгнании. Этот интерес Блант щедро удовлетворял… Но надо ли говорить, что содержание всей переписки быстро становилось известным Москве?

Ким Филби в книге «Моя тайная война» вспоминает, что эта система дала осечку лишь однажды — и то без серьезных последствий.

Доступ к дешифрованным немецким телеграммам позволял держать Москву в курсе всех событий. Отметим, что из всех специальных служб Великобритании служба дешифровки заслуживала особых похвал. Жаль только, что не все тексты перехваченных и расшифрованных немецких сообщений передавались русским союзникам. Блант восполнил этот серьезный пробел.

Трудно представить, но Энтони превратился и в отменного вербовщика. Да, пришлось отбросить некоторое свойственное ему высокомерие, перевоплощаться (на время) из аристократа в этакого рубаху-парня. Согласно полученной директиве, его «клиентами» должны были стать в основном деятели иностранных правительств, осевшие в Лондоне. И «Тони» не разменивался по мелочам. Вербовал зарубежных министров, перспективных политиков, претендентов на роли будущих правителей государств. Тем льстило внимание, оказываемое им милейшим английским аристократом.

Конечно же британская разведка использовала и аналитические способности Бланта. Ему поручили провести анализ показаний немецких шпионов и их агентов, арестованных

не только в самой Великобритании, но и в Северной Африке, в арабских странах. Работу Бланта признали безупречной. Читая протоколы допросов, часами прослушивая магнитофонные ленты с ответами задержанных, ему иногда удавалось найти новые ходы в, казалось бы, безнадежных делах. Горе тем, кто вызывал его подозрение — чаще всего заслуженное. Он распутывал шпионские клубки терпеливо и всегда добирался до сути. А материалы направлялись в два адреса — лондонский и московский.

И еще об одном. Раньше считалось, что вся работа по обеспечению безопасности «Кембриджской пятерки» ложилась в основном на Филби. Некоторые материалы позволяют точно подтвердить: Кима уверенно подстраховывал Блант, всегда не только вовремя посылавший предупреждения о возникающей опасности, но и помогавший либо устранить, либо обойти ее.

Напомним, что Блант никогда не был коммунистом. Но это он не раз спасал компартию Великобритании от проникновения в нее агентов из МИ-5, пытавшейся любым способом скомпрометировать коммунистов. Это подтверждает и работавший на контрразведку Томми Драйберг. Он внедрился в компартию еще в начале Второй мировой, но был изгнан из ее рядов как раз тогда, когда стоял на пороге разгадки некоторых деликатных вопросов, которые не должны были стать известными чужакам. Еще немного, и Драйбергу удалось бы понять, кто из коммунистов, в свою очередь, внедрился в британские спецслужбы. Не удалось, помешал Блант, сообщивший о намерениях Томми, которого с позором изгнали из плотных в ту пору коммунистических рядов.

Бланту удавалось добывать сведения и конкретно о структуре, и о личном составе британских спецслужб. Документы, в которых указывались даже имена сотрудников и агентов, шли потоком.

В подтверждение этого приведу малоизвестный эпизод из послужного списка Энтони Бланта. В 1937 году Вальтер Кривицкий стал первым перебежчиком из высшего состава советской разведки. В 1939 году, находясь в Великобритании, он абсолютно добровольно выдал англичанам работающих там сотрудников НКВД, а также назвал несколько имен их ценнейших агентов. После того был арестован капитан Джон Кинг из дешифровальной службы. Приговоренный к десяти годам, Кинг был досрочно освобожден из тюрьмы по двум причинам: во-первых, за безупречное поведение; во-вторых, в связи с началом войны.

Но это было только начало. В показаниях Кривицкого фигурировал и некий талантливый молодой британский

журналист, освещавший события гражданской войны в Испании. Он, как утверждал Кривицкий, был связан с советской разведкой. К счастью, контрразведка не смогла догадаться, что речь идет о Филби.

Мало того, Кривицкий уверял, будто на территории Англии и Британского Содружества действует широко разветвленная сеть советской агентуры из шестидесяти одного человека. Трое из них проникли в Форин оффис, еще трое — в спецслужбы. Не правда ли, для членов «Кембриджской пятерки» это звучало угрожающе? Все протоколы допросов предателя Блант передал в Москву. Спасли ли переданные Энтони Блантом сведения его и друзей от разоблачения? Что было предпринято советской разведкой для того, чтобы «пятерка» продолжала работать?

По крайней мере, известно, что больше никаких уточнений о работе Филби и его друзей Кривицкий дать не мог. 9 февраля 1941-го он был найден с простреленным виском в отеле «Бельвю» на Капитолийском холме Вашингтона. Американцы пытались выдать смерть за самоубийство. Но, нет, это было не так…

Стоит отметить и еще одну особенность работы Бланта. Он стремился снабжать резидентуру сугубо документальными материалами — они составляли 90 процентов его донесений. Работа «Тони» оценивалась высоко. Ему объявлялись благодарности, о чем Бланту сообщали связники. Он воспринимал их с достойной радостью.

В 1945 году советская сторона установила всей «пятерке» пожизненную пенсию. Теперь уже можно сказать, что для каждого она была «персональной», согласно заслугам. Для Бланта — 1200 фунтов в год, немного больше по сравнению с Кернкроссом. Но каждый из пятерых отказался. Блант под предлогом того, что совсем не нуждается в деньгах. И хотя ему было предложено обращаться к связнику в случае возникновения любых материальных осложнений, Блант этим предложением никогда, даже в труднейшие моменты своей жизни, не воспользовался. Работал, как и его товарищи, за идею.

Война близилась к завершению. Видный искусствовед Блант получил лестное предложение стать хранителем королевских картинных галерей. Мы, далекие от британских реалий, часто задаемся вопросом: а что это такое? Пост был учрежден еще в первой четверти XVII века. Хранитель всегда знал наперечет картины, находящиеся в королевских галереях, должен был в нужный момент рассказать монарху о создавших их живописцах, а также при необходимости рекомендовать Его (или Ее) Величеству новые полотна для покупки.

Бланту исполнилось тогда всего 36 лет. Ясно было, что его

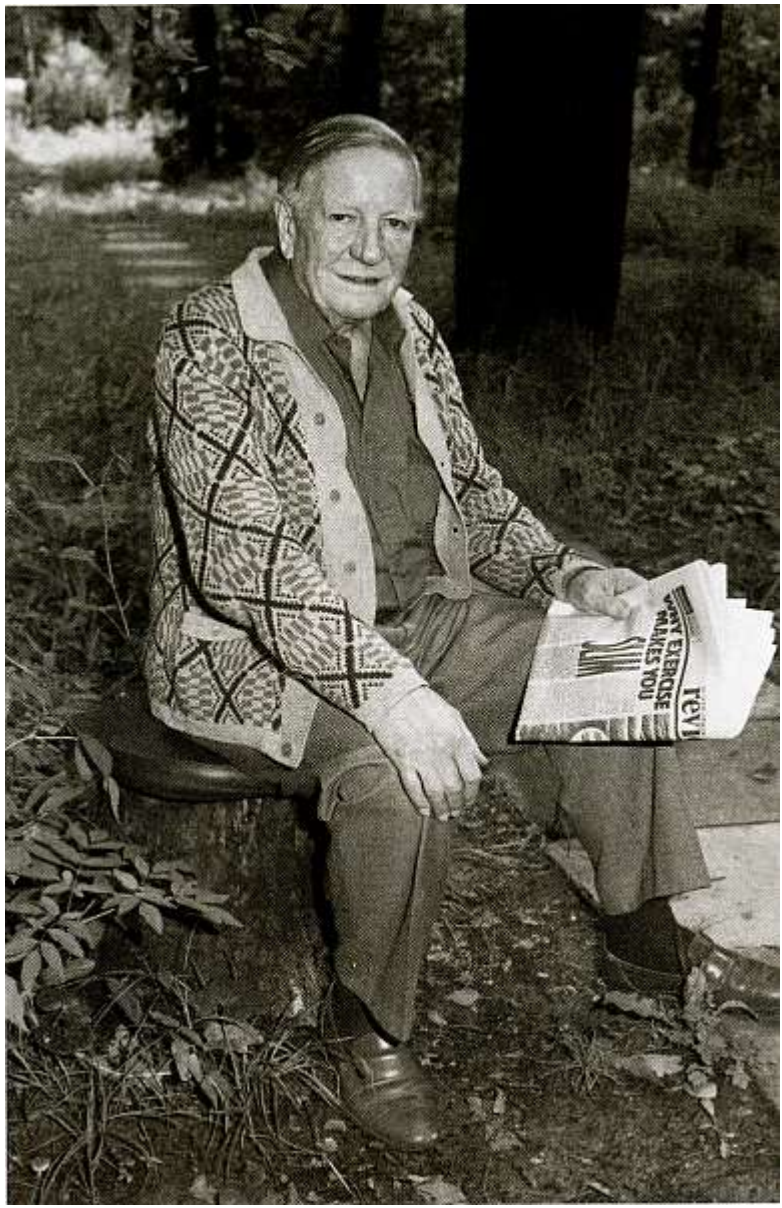
работа в контрразведке заканчивалась, о чем «Тони» — тогда уже «Джонсон» или «Ян» — уведомил советских друзей. В Москве решили никогда и ни под какими предлогами не обременять его заданиями, имевшими хоть малейшее отношение к королевской семье.

Блант ушел из контрразведки в ноябре 1945-го. Однако еще некоторое время МИ-5 привлекала своего способнейшего сотрудника к выполнению отдельных заданий.

Почему Энтони Блант сумел принести огромную пользу двум разведкам? Во-первых, он был тонким аналитиком. Во-вторых, умел располагать к себе людей, привлекая их своим вышколенным аристократизмом. В-третьих, его работоспособность, даже выносливость были феноменальны. В-четвертых, он смотрел на разведку не зашоренным взглядом профессионала, а взором художника, которому при пристальном рассмотрении окружающего всегда открывается нечто большее, чем простому смертному. В-пятых, помогали чисто математические способности. И, в-шестых, — знание иностранных языков, которым не могли похвастаться большинство его коллег по МИ-5.

Человек с подобными способностями, бесспорно, имел право на нечто большее, чем даже высокий чин майора контрразведки. Но останься он в секретной службе после окончания Второй мировой — и это бы поставило точку в блестящей, что было понятно всем, карьере искусствоведа. А может, вызвало бы и подозрения?

Ким Филби. Москва



Филби всегда был в курсе мировых событий. Вот он с английской газетой «Санди таймс»

За столом своего кабинета с французской «Ле Монд»

С нашей «Литературкой»

ГДР. 1981 г.

Филби и Маркус Вольф, руководитель разведки Восточной Германии

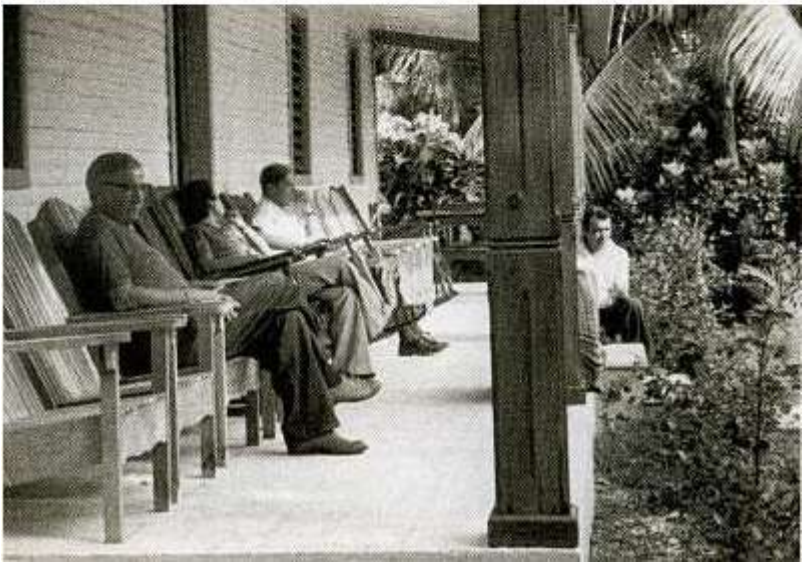
Прогулка по Вайсензее

С женой. Болгария. 1977 г.

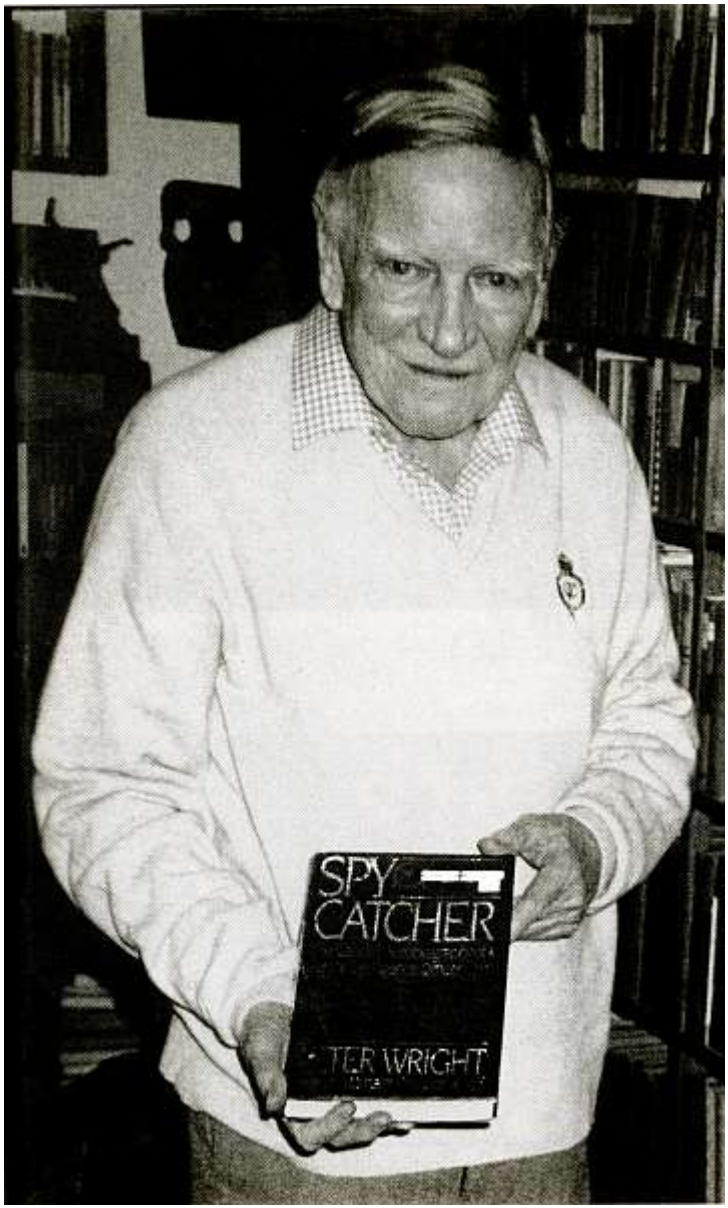
Прогулка на катере с внуками

С дочерью и женой

Фото на загранпаспорта Кима и Руфины Филби



Куба. 1978 г.



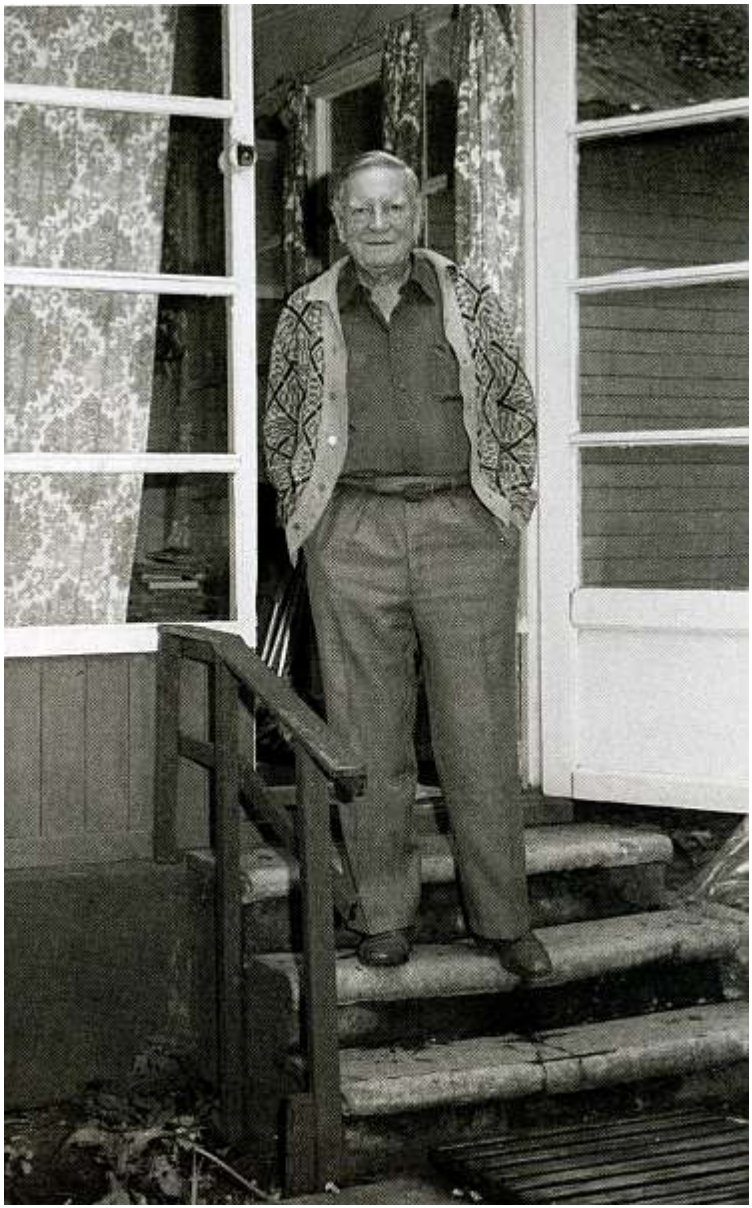
Филби с книгой «Ловец шпионов» Питера Райта

Ким Филби дал огромное интервью английскому журналисту Филипу Найтли. 1988 г.

Юбилейный почтовый конверт, посвященный семидесятилетию советской внешней разведки

Одно из последних семейных фото

Встреча со сборной СССР по хоккею



Любимое место отдыха — дома

Последнее интервью. Рига

Бюст Кима Филби, установленный в холле пресс-бюро СВР России

КГБ СССР

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Товарищ Филби Гарольд Адриан Рассел

приказом КГБ СССР № 001

от 1 января 1982 г.

награжден нагрудным знаком ПОЧЕТНОГО СОТРУДНИКА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

№ 6001

за заслуги в деле обеспечения государственной безопасности Союза ССР

Памятную доску в честь Кима Филби открывают вице-премьер правительства РФ Сергей Иванов, Руфина Пухова-Филби, директор СВР России Михаил Фрадков. Декабрь 2010 г.

В 1947-м Энтони Блант, заместитель руководителя института Куртольда, занимающегося живописью и искусствоведением, стал директором этого авторитетного заведения. Ему был пожалован рыцарский титул. Он читал лекции в Оксфорде и Кембридже. В 1963-м крупнейший специалист в области живописи Энтони

Блант, получивший мировое признание, отправился в США в качестве приглашенного профессора. Впрочем, и там, за океаном, он не скрывал, что не приемлет нынешнее американское искусство. Доказывал в дискуссиях со студентами Пенсильванского университета, что оно сиюминутно и недолговечно. Не верил в современную живопись, считая ее взрослей на деньгах и рекламе. Из художников XX века по-настоящему ценил, пожалуй, лишь одного Пикассо.

Подчеркну, что после войны его работа в советской разведке продолжалась. Связи с руководителями СИС только укрепились. Блант вращался в высоких кругах. Его донесения носили теперь не столько оперативный, сколько политический, стратегический характер. Так, в самом начале 1950-х он сумел пролить свет на цели недавно образованного блока НАТО.

Помогал он резидентуре и поддерживать связь со своим другом Бёрджессом. Изредка, когда Гай не мог явиться на встречу со связником сам, он просил об этом Бланта. Кроме того, Энтони сохранил прекрасные контакты в своем прежнем заведении. Случалось ему и предупреждать советских друзей о намеченных МИ-5 вербовках сотрудников советского посольства, и узнавать имена засекреченных агентов контрразведки. Каждое свидание со связником было рискованным — за хранителем королевских галерей могли наблюдать, как и за выходившим на встречу с ним связником. Но Блант, в отличие от тех же Кернкросса или Бёрджесса, обладал железной выдержкой. И если что-то, по его мнению, представляло угрозу, он уходил от рандеву. Строго соблюдая условия связи, появлялся в нужном месте в точно обусловленный час.

Надо ли говорить, что положение Бланта осложнилось в 1951 году после исчезновения двух членов «пятерки» Гая Бёрджесса и Дональда Маклина. Блант, остававшийся все эти годы близким другом Бёрджесса и имевший ключи от его лондонской квартиры, успел проникнуть туда еще до прихода контрразведчиков и частично сжечь, частично вынести некоторые компрометирующие Гая материалы, в том числе и телеграмму от Кима Филби из Вашингтона: «Здесь становится жарко». Времени было в обрез, Блант торопился, и кое-что из бумаг все же попало в руки следователей. Но у Бланта хватило хладнокровия отдать контрразведке ключи от жилища «пропавшего» друга.

Однако скрыть «секрет Полишинеля» было нельзя. Связь Бланта с Бёрджессом длилась долгие годы. Начались беседы в контрразведке, было затеяно расследование.

Как вспоминает связник Бланта Юрий Модин, он не без труда встретился со своим подопечным и предложил ему последовать

примеру Маклина и Бёрджесса. Блант ответил категорическим отказом: в СССР он жить бы не смог. Успокоил связника, заверив, что прямых улик против него практически нет, а как вести себя на допросах, он знает и потому выдержит. На предложение взять на всякий случай деньги ответил твердым и, как всегда, решительным отказом.

Блант твердо верил: никто в Британии не пойдет на то, чтобы посадить в тюрьму человека, во всех отношениях близкого к семье унаследовавшей престол королеве Елизавете. О его дружбе со скончавшимся королем было всем известно. А очень хорошо осведомленные люди знали и о том, что в конце войны именно сотрудник разведки Энтони Блант выполнял некие конфиденциальные поручения Георга VI в европейских странах. Что это было, полагаю, так и останется вечной тайной. Хотя поговаривали, будто поездки Бланта в ряд стран Европы связаны с розыском или возвращением некоторых похищенных фашистами живописных полотен. Возможно, благодаря стараниям сугубо неофициального королевского посланника они попали в нужные руки… И какой бы поднялся шум, если бы Блант на суде поведал и об этом, и кое-что о деятельности МИ-5!

Так что Блант на тот момент оказался прав. Дело «спустили на тормозах», а связь советской разведки с ним была полностью прекращена. Но в 1964 году родственник королевы снова попал под подозрение.

Чтобы вникнуть в сложнейшие перипетии дела Бланта, придется вернуться в далекий 1937-й, когда он попытался привлечь к работе на СССР студента Кембриджа, американца Майкла Уитни Стрэйта. Тот, на волне антифашистских настроений, вступил в компартию. Сын богача был всерьез увлечен идеями всемирного равенства и братства, подружился с Блантом и другими членами «Кембриджской пятерки».

Энтони решил рискнуть. Не спрашивая согласия Москвы, предложил Майклу перейти от теории к практике. Объяснил, в чем конкретно тот может быть полезен. И Стрэйт, как рекомендовал Блант, отошел от компартии, вернулся в США, погрузился в экономику, чтобы в нужный момент помочь Советам.

Но когда, еще до войны, такой момент наступил, Стрэйт заколебался. Работая в Госдепартаменте, он, в принципе, мог бы превратиться в бесценный источник информации. Только Стрэйт к этому не стремился. Да и человек, явившийся к нему от Бланта, не вызвал у него симпатии — не сошлись они характерами. Все же несколько малозначимых услуг советской разведке в конце 1930-х сын миллионера оказал. Впоследствии выяснилось, что

контакте ним пытался поддерживать нелегал из НКВД.

Советско-финская война перевернула мировоззрение сына банкира. Майкл Стрэйт осуждал СССР и свел общение с человеком из советских органов до минимума. В то же время он довольно успешно продвигался вверх по служебной лестнице. В Госдепе его ценили как одного из спичрайтеров президента Рузвельта. Стрэйт скрепя сердце все-таки изредка, но еще встречался с посланцем Москвы, а потом вообще прервал всякое общение. Перед этим поклялся: о контактах с Блантом в Англии и с незнакомцем из НКВД в США никогда и никто не узнает. Так что «развод» был оформлен мирно.

Есть вероятность, что связь Стрэйта с разведкой так бы и не выплыла наружу, если бы не трусость неудавшегося агента. Когда в 1964 году администрация Джона Кеннеди предложила литератору Стрэйту войти в президентский совет по делам искусств (всего лишь!), тот перепугался. Ведь ему намекнули о предстоящей проверке его досье в ФБР. Сломя голову так и не состоявшийся, в итоге, член президентского совета бросился к своему знакомому — помощнику президента США Артуру Шлессинджеру. Рассказал ему о членстве в компартии, коротком сотрудничестве с КГБ. И о знакомстве с Энтони Блантом и уже находящимся долгие годы в СССР Гаем Бёрджессом — тоже.

Американцы поделились информацией с английскими коллегами. Блант вновь попал в тяжелое положение. Спасало то, что британским властям не хотелось поднимать шум. Боялись скандала: родственник королевы мог, если бы его вынудили заговорить, невольно раздуть такой пожарище, в котором бы сгорели многие сильные, самые сильные, британского мира сего.

Блант моментально понял это и пошел на сотрудничество со следствием. В ответ на судебный иммунитет он назвал несколько имен своих помощников. Все они к тому времени либо уже ушли из жизни, либо, как Бёрджесс, перебрались в Советский Союз и другие страны. Он сознался, что передавал русским некоторые военные секреты, но лишь связанные с совместной борьбой двух государств-союзников против нацистской Германии. В основном это были расшифрованные сообщения из немецкого Генштаба, которые по всей логике должны были бы пересылаться в Москву и без его помощи.

Есть и иная версия признаний Бланта: он по-прежнему любил Гая Бёрджесса, и будь тот жив, из него бы не вырвали ни слова. Однако узнав в 1963-м о смерти друга в Москве, просто облегчил душу…

Один из наиболее цепких следователей МИ-5 Питер Райт множество раз допрашивал Бланта на протяжении целых шести

лет (!) — приблизительно каждый месяц, пытаясь поймать его на неточностях. Книга Райта «Ловец шпионов» полна всяческих откровений. Причем таких, что ему было запрещено издавать ее в Британии. Но после выхода в отставку бескомпромиссный борец со шпионами нарушил закон, издав фолиант в 1987 году в Австралии.

Райт уверял, что Блант был на допросах неискренен, выдавал лишь крупицы того, что знал, подсовывал дезинформацию. Райт полагал, что Блант делает это по указке советской разведки, тщательно дозировавшей сведения, которые ему разрешалось разглашать.

Райт ошибался. Конечно же в те годы связи с советской разведкой Энтони не поддерживал, но он и сам знал, что говорить можно, а что — попридержать.

А еще «Ловец шпионов» поведал, что во время расследования дела Бланта произошла его встреча с личным секретарем правящей королевы. Тот сказал Райту, что на допросах Блант может вспомнить о своей поездке в Германию в конце войны, совершенной по поручению короля — и если такое вдруг произойдет, интересоваться подробностями визита не стоит.

Но вот как характеризует неистовый Питер Райт своего собеседника: «Блант — один из наиболее изящных, образованных людей из всех, которых я только знал. Он говорил на пяти языках. Обширные познания Бланта производили невероятное впечатление».

Характеристика достойная. И если уж продолжать эту линию, то стоит хотя бы кратко упомянуть работы академика Бланта в области искусствоведения — это поможет понять весь размах личности Энтони Бланта, всю широту его знаний. Он увлекся литературой. Успехом пользовалась его солидная по объему книга, в которой Блант прослеживал тенденции в развитии литературы и живописи хорошо знакомой ему Франции в период с 1500 по 1800 год. Его привлекало творчество английского художника и поэта Блейка, которому была посвящена очередная книга. Интересовала его и современная живопись. Наверняка неслучайно Блант обратил внимание именно на Пикассо, выделив из всего его творчества знаменитую «Гернику». И, конечно, любимая Франция, из живописцев которой он особо выделял Никола Пуссена, посвятив великому художнику одну из своих книг…

Как бы то ни было, даже после 1964-го Энтони Блант сохранил должность хранителя королевских картинных галерей. Он по-прежнему преподавал, писал книги по искусству, был зван на официальные церемонии.

Все закончилось 21 ноября 1979 года после официального сообщения, сделанного премьер-министром Маргарет Тэтчер. Надо сказать, что обычно англичане умеют держать данное слово. К «Железной леди» это не относится. Прав был аристократ Ким Филби: «не леди». Увы! Судебный иммунитет, обещанный Бланту, был нарушен. Возможно, это произошло и потому, что «разговорился» уже печально знакомый нам Стрэйт. В его книге Блант клеймился советским шпионом. И Тэтчер, со свойственной ей резкостью, пошла на опережение. Не дожидаясь парламентских запросов, она объявила: данные о шпионской деятельности Бланта поступили к британским властям еще в 1964 году: «он сознался, что был завербован перед войной, будучи преподавателем Кембриджа».

Печать разразилась статьями о разоблаченном «четвертом». Королева отлучила его от любимых музеев, где он был трепетным хранителем. Блант сам отказался от рыцарского звания. Его родной Тринити-колледж в Кембридже отобрал у своего выпускника и преподавателя почетную степень профессора, вывел его из членов правления. Британская академия наук отреклась от академика Энтони Бланта, исключив его из своего состава.

Но Блант не сдавался. Вероятно, он искал вдохновения (или успокоения) в любимой работе. Теперь темой его исследований и книг были неаполитанское барокко и рококо, сицилийское барокко. Обратил он внимание и на Россию, посвятив ей один из очерков-обзоров.

Как хватало сил? Ведь еще с послевоенных времен Бланта мучили сердечные приступы. По рассказам, ему приходилось иногда прямо во время встреч со связниками садиться на скамейку, отдыхать, принимать лекарства. Он всегда носил их с собой. Но даже тут Блант выступал в роли утешителя, уверяя перепуганных разведчиков, что вскоре боль отпустит, отойдет, а он привык к таким приступам.

Несмотря на травлю, слабое здоровье, свалившиеся неприятности, Энтони успел написать и издать 20 книг по искусству, бесчисленное количество монографий, сотни журнальных статей.

Он сохранял не только работоспособность, но и мужество. Когда английское правительство официально сообщило, что Бёрджесс — советский агент, Блант не побоялся охарактеризовать своего друга, которого не видел с 1951-го — времени его бегства в СССР, — Бёрджесс, по высказанному и обнародованному Блантом мнению, «был одним из умнейших людей, с которыми ему довелось встречаться».

Я уже рассказал о гравюре, присланной Бланту своему другу

Киму Филби в Москву: передать подарок через советское посольство в Лондоне — это требовало присутствия духа и уважения к старому товарищу. Гравюра стала последней весточкой от Бланта, понимавшего, что он на пороге ухода.

Но не все отвернулись от Бланта. Когда после заявления, сделанного Тэтчер в парламенте, в его жизни наступил тяжелейший период — приходилось скрываться от журналистов, а телефон в его доме обрывался от звонков, — Энтони укрыл у себя на квартире коллега-профессор. Затем ему пришлось на время уехать в Северную Ирландию: надо было переждать вдали от Лондона вал обрушившихся на него проклятий, угроз, да и просто отдохнуть от бесконечного преследования прессы. И в Дублине также нашелся соратник по искусству, который приютил у себя опального Бланта.

Удивительно, как при слабом здоровье, непрекращающихся нападках Блант сумел дотянуть до семидесяти шести лет. Он умер 26 марта 1983 года от сердечного приступа. Несмотря на колоссальное количество сообщенного и переданного советской разведке, ему дали умереть в своей британской постели.

В книгах некоторых западных историков разведки приходилось читать, будто «Энтони Блант скончался в социальном вакууме и забвении». Вот уж нет! Его провожали в последний путь не только родственники, но и — пусть уменьшившиеся в своем количестве, однако оставшиеся — ученики и друзья.

А еще было множество венков. Большинство из них — безымянные. Потому что друзья истинные, для которых Блант столько сделал, его не забыли…

Более чем 25 лет спустя после смерти Бланта вышли в свет его мемуары, которые он писал с 1979-го и до кончины в 1983-м. По его завещанию они и должны были увидеть свет четверть века спустя, чтобы кого-нибудь невзначай не подставить, не засветить.

В этой книге Блант признается во многих своих грехах. Признания не то что запоздалые, но ничего к облику седовласого Бланта не добавляющие. Наверное, просто хотелось высказаться, ибо трудно жить с камнем на сердце. Он и был сброшен Блантом в 1980-е, когда сочинялись последние строки.

Прах Энтони Бланта, согласно воле усопшего, был развеян на поле невдалеке от его школы в Мальборо.

Пятый. Пути «Мольера». Джон Кернкросс (1913–1995)

Нет все-таки ничего бесполезнее, чем расставлять членов «Кембриджской пятерки» по номерам и ранжиру, пытаясь придать этому некое значение. Каждый из них играл и сыграл свою роль, независимо от появившегося годы или десятилетия спустя порядкового номера. Тем не менее именно Джона Кернкросса называют пятым. И, по мнению английских исследователей, последним раскрытым разведчиком из «Кембриджской группы», чье имя, вопреки всем обязательствам британского правительства, все-таки выплыло наружу в 1981 году.

О нем и пишется меньше, чем о других четверых, и роль его очерчена не так ясно. Я же в очередной раз приведу здесь высказывания Владимира Борисовича Барковского, который к словосочетанию «Кембриджская пятерка» относился с неким сарказмом. Но все же, когда заходила о ней речь, он с особым удовольствием выделял помимо Кима Филби еще двоих — Дональда Маклина и Джона Кернкросса, которые отлично сработали по атомной проблематике.

От Владимира Борисовича я впервые и услышал о подвигах пятого. Рассказанный им эпизод о невесть откуда «свалившемся» засекреченном докладе записан мной подробно и стоит того, чтобы привести его полностью.

С начала и до конца 1940 года Кернкросс, что называется, остался в Англии без всякой связи с Центром. В один из наиболее критических моментов новейшей истории в Лондоне, где наряду с Берлином и Москвой решались судьбы мира, фактически не оставалось представителей нашей разведки — все они были отозваны в СССР. Волна сталинских «чисток», а не бдительность британской контрразведки, вымела их с острова. Между тем в то время, как никогда, требовалось знать, находиться в курсе — да и источники были готовы. Только информацию передавать было некому. А ведь премьер Чемберлен по-прежнему заигрывал с немцами, и лишь спустя какое-то время в заветное кресло грузно усядется Уинстон Черчилль.

Между тем, что для нас очень важно, Черчилль оставил все его многочисленные полномочия лорду Хэнки, который еще при Чемберлене, будучи министром без портфеля, возглавлял чуть ли не полтора десятка всевозможных комиссий. В результате через руки лорда проходила информация по вопросам обороны, безопасности, регулярные доклады спецслужб, засекреченные

сообщения о состоянии экономики и прогнозы по ее развитию. А еще — протоколы заседаний военного кабинета, доклады из Генерального штаба… И к тому же информация из научно-исследовательских институтов, работающих на мощную британскую военную машину, набиравшую в то время еще большие обороты.

Вышло так, что именно лорд Хэнки стал средоточием всей — или почти всей — секретной информации. Современники вспоминают: он был безумно работоспособен и совершенно безотказен. И когда чуть не с десяток членов кабинета под разными предлогами и ссылками на занятость спихивали с себя какое-нибудь новое и исключительно ответственное задание, связанное с обеспечением безопасности британской короны, в дело всегда вступал Хэнки. Брал, возглавлял, созывал заседания по сложнейшим вопросам, выносил рекомендации и подсказывал те решения, которым, как правило, и следовали.

Меньше всего хочу воспеть здесь безотказного лорда. Даже среди резко настроенных против СССР английских политиков именно мягкий в общении экс-министр без портфеля отличался полной непримиримостью к Стране Советов. На любые запросы Черчилля, связанные с советско-английскими отношениями, Хэнки отвечал так, что у премьера могло создаться впечатление, что нет у Соединенного Королевства врага страшнее России. Вот уж кого никак нельзя было записать в ряды наших добрых союзников.

Что ж, история определенным образом наказала лорда, призванного следить за тем, чтобы британские секреты хранились за семью печатями. В начале 1980-х годов его полузабытое имя вновь всплыло и попало на страницы газет, а потом и книг именно благодаря тому, что где-то в середине 1940 года личным секретарем лорда Хэнки назначили скромного и внешне неприметного 27-летнего Джона Кернкросса. И когда в январе 1941-го контакт советской разведки с Кернкроссом был восстановлен, информация от агента пошла валом.

Именно тогда по всем резидентурам было разослано срочнейшее указание Центра: требуется информация об атомном оружии — любая. Первыми, и никак не связываясь друг с другом, на него откликнулись двое из «Кембриджской пятерки» — Дональд Маклин и Джон Кернкросс.

Анализируя полученные материалы, можно смело сказать: именно Керн кросс, он же «Мольер» или «Лист», совершил реальный прорыв в атомной разведке. В третьей декаде сентября 1941-го он добыл полный текст доклада премьеру Черчиллю о возможности создания нового и неведомого атомного оружия.

Сам этот доклад, написанный в трагическую для Советского Союза пору — ведь немцы стояли под Москвой — добавил военному кабинету бриттов оптимизма. В нем утверждалось, что на создание атомного оружия потребуются, возможно, не десятилетия, как прогнозировалось ранее, а всего около двух лет, ибо английские и американские ученые работают с зимы 1940 года над проектом совместно, делятся достижениями и, терпя на некоторых участках временные неудачи, сообщают об этом друг другу, дабы не терять драгоценного времени на негодные и исключительно дорогостоящие эксперименты…

Кернкросс сообщал и чисто технические подробности. Оказалось, две дружественные державы пришли к общему пониманию: реально создать супероружие, используя обогащенный уран.

Наверное, судьба. Ведь вряд ли далекий от физики и вообще от точных наук агент ставил целью добывать именно материалы по атомной тематике. Хотя кто знает? Центр начал теребить резидентуры, требуя информации по атому, а Пятый был в этом смысле образцом дисциплинированности и исполнительности. Получилось так, что именно Кернкросс и во время, и после войны постоянно добывал ценнейшие документы по атомной тематике. Так, в 1942-м именно благодаря ему разведке стало известно: к разработке грозного оружия подключилась Канада с ее мощными финансовыми ресурсами и довольно высоким научным потенциалом. Теперь как-то забылось, что среди создателей бомбы были и канадцы, некоторые из которых делились последними достижениями в этой области с английскими и американскими коллегами. О том, как внимательно и плодотворно следил Пятый за развитием атомной промышленности уже при возникновении НАТО, напишу ниже.

Полный текст доклада из комиссии английского лорда Хэнки, полученный Центром в сентябре 1941 года, заставил высшее советское руководство понять: в случае удачного осуществления проекта мировая политика может претерпеть глобальные изменения. Пора мчаться вдогонку! Да и общая стратегия Второй мировой войны нуждалась в коренном пересмотре.

Необходимо сказать и еще об одном необычнейшем обстоятельстве. «Мольера», «Листа», «Карела» — под этими псевдонимами он работал до 195… — какого-то года — было никак не зачислить в обычные агенты. Кернкросс, несмотря на все старания сменявшихся за годы его служения разведке кураторов, так и не сумел освоить элементарных технических навыков. Он не научился фотографировать документы — все попытки воспользоваться фотоаппаратом в стенах секретных учреждений,

где ему доводилось одновременно трудиться и на британскую корону, и на серп с молотом, стабильно заканчивались неудачей. Не помогали и домашние тренировки с последними моделями маленьких американских фотоаппаратов, которыми время от времени исправно снабжали его советские резиденты. Пришлось смириться и, подвергая риску себя, связника да и всю операцию, шотландец поздними вечерами передавал оригиналы материалов, «одолженных» из служебного сейфа, советским друзьям. Их переснимали, возвращали, и Кернкросс аккуратно вкладывал их в те же сейфы, откуда накануне изымал бесценные сведения.

Зато он преуспел в составлении информационных сводок — Кернкросс, как и Филби, был тут великолепен. Уж если Джон составлял для резидентов Арнольда Дейча или Теодора Малли резюме какого-то доклада или важного сообщения, то умел сделать сообщение кратким, сжатым, доступным для понимания.

Он не был аналитиком, как тот же Ким Филби, но в его составленных без всяких размусоливаний донесениях сразу бросалась в глаза суть, он умел выделить главное, не отнимая в Москве, у работников Центра, времени на размышления о том, по какой же теме идет сообщение. Лаконичность Кернкросса экономила время, сложностей с переводом его сообщений не возникало. И это было очень важно — ведь Джон передал в годы войны тысячи страниц секретнейших бумаг, информаций, многие из которых и сегодня не рассекречены.

Уже в 1941-м, когда немцев отогнали от Москвы, за изучение английского доклада по атомной тематике, пусть и с некоторым объяснимым опозданием, взялась не одна только еще зародившаяся научно-техническая разведка во главе с будущим Героем России Леонидом Квасниковым. Сообщение пошло на самый-самый верх: получило подтверждение предсказание некоторых советских ученых о реальности создания противником — немцами и союзниками — англичанами и американцами атомной бомбы. Информация Кернкросса была подтверждена и источниками в Соединенных Штатах.

Определенную роль сыграли и казавшиеся поначалу непонятными сигналы из захваченных фашистами стран, в частности — Норвегии, где уже тайно велись работы по добыче урана, являющегося одним из важных компонентов в создании грозного оружия.

Надо признать: именно доклад, добытый Кернкроссом, заставил советское руководство взяться за создание атомной промышленности. Атомная бомба, видевшаяся в начале войны делом весьма далекого будущего, предстала реальной угрозой. За ее создание надо было браться еще позавчера. И хотя положение

на фронте оставалось тревожнейшим, были предприняты первые шаги для реальных действий.

Это не вина Кернкросса, что истекающая кровью держава задержалась с реализацией атомных проектов, и впоследствии, до самых до последних дней «Карела» в разведке, добывать материалы для талантливых советских ученых во главе с великим Курчатовым пришлось опять-таки «Кембриджской пятерке». Кернкросс же, пусть и сам не подозревая об этом, первым зазвонил в колокол, точнее — ударил в набат, пробудивший Москву даже не от спячки, а, скорее, от незнания, неведения.

Кем же был этот таинственный Пятый по своей, по британской жизни? Если в библиографии книг, написанных о Киме Филби, насчитывается более двухсот с лишним постоянно возрастающих наименований, то Кернкросс оставался, или ухитрился остаться, в относительной тени. Может, и к лучшему. Его непростая судьба сложилась без таких драматических коллизий, как у Филби, Бёрджесса и Маклина. Вероятно, и потому, что был он гораздо незаметнее, не отличался открытостью и друзей имел немного. Замкнутый по натуре, Кернкросс с трудом, в отличие от Филби и особенно от Бёрджесса, входил в новую компанию. Круг его общения был им же сознательно ограничен. Все это не вяжется с привычным обликом разведчика, который просто обязан быстро находить общий язык со всеми. Но Кернкросс и отдаленно не походил на «типичного представителя» «второй древнейшей профессии».

Начнем с того, что он всегда болезненно ощущал свою оторванность от британского истеблишмента, в который столь естественно входили его коллеги. Сын мелкого торговца из Глазго, родившийся в Шотландии, он не мог похвастаться ни славной родословной, ни обширными связями, ни хоть каким-то богатством. Там, где за других играло одно лишь имя, ему приходилось пробиваться своими стоическим упорством, работоспособностью, прилежанием. Младший, пятый (опять-таки!), сын в небогатой семье полагался лишь на себя. Вот к кому стопроцентно относится коронное английское self made man — человек, сам себя сделавший. Он карабкался по ступеням социальной лестницы с упорством фанатика.

Окончил «Гамильтон Академи» близ Глазго, где с 1930 года изучал политэкономию и языки. Немецкий освоил легко. Вряд ли Кернкросс с его происхождением добился бы стипендии, дававшей право на стажировку во французской Сорбонне, но учился он так, что не заметить юный талантище было невозможно, а потому через два года он уже в Париже, где совершенствует свой французский, берется за изучение

классической литературы. Любимым писателем сразу стал Мольер. Так и звучал его первый псевдоним, полученный в советской разведке.

Потом он начнет говорить по-итальянски и по-испански, читать на шведском и даже русском. В 1934-м полиглот пробивается в знаменитый Тринити-колледж в Кембридже. Здесь, ловя на себе кислые взгляды родовитых соучеников, Кернкросс штурмует высоты, малодоступные парню с его простецкими корнями.

Есть определенные основания полагать, что свои антифашистские взгляды он проявил еще во Франции в 1932 году, сойдясь с местными студентами-коммунистами. Но не более того. Никаких вербовочных подходов к англичанину, никакого проявления инициативы работать на Советы с его стороны.

Но левые воззрения, царившие в Тринити-колледже, пришлись Кернкроссу по душе. Он был даже более радикален, чем его будущие коллеги по «пятерке». Вступление в компартию явилось логическим завершением ненависти к фашизму, пренебрежения фальшивыми британскими буржуазными устоями. Он презирал лейбористов, которые играли «под левых», а при первой же необходимости резко меняли взгляды и уходили далеко вправо. Быть может, взыграло и уязвленное самолюбие. Его, блестящего студента, в Тринити так до конца и не принимали за своего.

Впрочем, он и не был своим. Педантичный, кажущийся угрюмым, вызывающе плохо одетый, Джон не слыл скрягой. Но чтобы выжить, приходилось отказываться от столь любимого английским студенчеством pub crawling — ползания по барам. Он сторонился шумных компаний. Берег каждый пенс. В то же время даже несколько свысока смотрящие на Джона сверстники считали его парнем серьезным, обстоятельным, скромным.

И еще, повторюсь, исключительно скрытным. Даже о членстве Кернкросса в компартии догадывались немногие. Как известно, в советской разведке принадлежность к коммунистическим организациям афишировать запрещалось. Настоятельно советовали не светиться, не выражать левых взглядов публично, не ходить на митинги… И Кернкросс, не подозревая об уготованном ему поприще разведчика, делал всё правильно, словно по наитию скрывая свои убеждения. В 1936 году диплом был получен, репутация отличного студента завоевана, а знаниями языков, особенно французского, Джон выгодно отличался от большинства выпускников Тринити. Вообще англичан трудно назвать яркими полиглотами. Зачем учить другие языки, когда важнейший в мире все равно английский?

Кернкросс, тараня дорогу наверх, отказался от общепринятого саксонского постулата, что́ в будущем, при прочих равных, точнее неравных условиях, всегда играло на руку ему и СССР.

Блестяще освоенные французский и немецкий языки наверняка помогли поступить в Форин оффис. Настоящий прорыв для сына мелкого лавочника. А до его членства в партии в то время так никто и не докопался. Кроме, впрочем, Энтони Бланта. Хотя Блант и был всего на несколько лет старше Кернкросса, это он, учась в том же Тринити-колледже, стал его научным руководителем: Кернкросс писал тогда труд о французской классической литературе.

Можно ли было назвать дружескими отношения между аристократом Блантом и простолюдином Кернкроссом? Ни в коей мере! Достаточно было того, что они понимали друг друга. Энтони, со своим научным марксизмом, и Джон, с «выстраданным коммунизмом», находили общий язык. Их доверие было обоюдным, хотя никогда и отдаленно не напоминало дружбу. Единомышленники? Да, но не друзья, скорее партнеры по общему святому для обоих делу борьбы с фашизмом. Общался Кернкросс и с Гаем Бёрджессом. Их отношения, на определенных временных этапах и с некоторой натяжкой, можно было считать даже товарищескими. Наверняка — благодаря Бёрджессу, сумевшему расшевелить такого молчуна, как Кернкросс.

В иных исследованиях значится, что Кернкросса завербовал сбежавший потом на запад советский резидент Орлов-Фельдбин. Действительности это не соответствует. Во Франции они не встречались, а в Лондоне их пути разошлись. Орлов был вынужден быстренько покинуть страну, оставив часть сложных незавершенных задач на радиста Фрэнка — Вильяма Фишера, будущего «полковника Абеля» — который, вероятнее всего, встретился с Кернкроссом в середине 1930-х годов.

До вербовки наступила некоторая заминка. Уединенный образ жизни Кернкросса, его скрытность и нелюдимость никак не позволяли проверить достоверность данных, имеющихся о Джоне. Советскому резиденту Арнольду Дейчу пришлось потратить довольно много времени и сил, чтобы провести требуемую Центром проверку. Нельзя сказать и то, что Кернкросса завербовал Блант. Хотя, по просьбе советской разведки, Энтони — как, впрочем, Филби, Маклин и Бёрджесс — дал свою характеристику упорному шотландцу. Отмечая, что он не слишком умеет вести себя в обществе, не относя Кернкросса к кругу близких друзей, все четверо порознь не высказали никаких сомнений в его преданности коммунистическим идеалам. Подтвердили: хорошо образован, достаточно умен. Арнольду

Дейчу этого, в принципе, было достаточно.

Хотя возник и еще один объективный барьер, беспокоивший Центр. Джон Кернкросс потратил столько сил, чтобы пробиться поближе к английскому истеблишменту. Казалось невероятным, что он, пусть и человек идеи, пойдет на риск, забудет о карьере, поставит на кон абсолютно всё, добытое воистину каторжным трудом.

Колебания сомневающихся в Кернкроссе выглядели оправданными. Сотрудники резидентуры, не обижая недоверием Бланта и троих его друзей, обратились и к другим источникам в левой студенческой среде, благо в них в ту пору недостатка не испытывали. Тогда один из них, считавшийся в числе наиболее проверенных, кому в Центре доверяли безгранично, помог окончательно отбросить возникшие было возражения. Он же взял на себя трудную миссию конкретно поговорить с Кернкроссом о работе на Советы. Вскоре подтвердил: Кернкросс из тех, за кого он лично может ручаться.

Имя человека, завербовавшего Джона, назвать не могу. Известно, что это — коммунист ортодоксально-суровых взглядов, близкий к руководству компартии Великобритании; во время войны он некоторым, пусть и не столь блистательным образом повторил путь, пройденный Кимом Филби. Взглядов своих не скрывал, но проник в военную английскую разведку. Прожил довольно долгую жизнь, оставаясь преданным идеалам юности. Хотя в различных исследованиях вербовке Кернкросса дается совершенно разная трактовка, но я остановлюсь на этой, по разным причинам видящейся мне абсолютно правдоподобной, версии.

Джона Кернкросса приняли на государственную службу. Его связи на первых порах были весьма скудны, однако трудолюбие и способности могли превратить «Мольера» из Форин оффис в бесценного агента.

За Джона взялся опытнейший Арнольд Дейч. Вот уж кто досконально знал, как не загружать новичка непосильными пока что для него поручениями. Как одобрять даже за не до конца проделанную работу — так, чтобы постарался скорее доделать…

Не имевший никакой разведывательной подготовки, Кернкросс пытался с помощью Дейча освоить на ходу некоторые методы и приемы конспирации. Однако, не закрывая деликатную тему обучения, признаем, что исправного агента, умевшего уходить от наружки и считывать оставленные условные знаки, из Кернкросса не получилось и близко. «Мольер» вечно и до конца своего служения разведке путал даты и время встреч. Мог явиться, да еще и припозднившись, совсем не в то место, что было

несколько раз подробнейше оговорено.

Не со всеми кураторами после Дейча он находил общий язык. Ему претили невежливость, излишнее давление, он не выносил безапелляционного командного тона. Джон был силен совсем не вымуштрованностью, так что приходилось мириться с некоторыми особенностями его поведения. Да и здоровье у Джона было не очень. С детства он плохо видел, но настоящие проблемы со зрением, а затем и со слухом начались где-то в 1943-м. Эти его физические недостатки замечали и английские коллеги по службе, и советские связники. Идя с кем-то по улице, он всегда шел с определенной стороны — чтобы лучше слышать. Разведка даже выделяла деньги на его лечение, но оно помогало, честно говоря, неважно. С возрастом Кернкросс оглох на одно ухо.

Более-менее сносного водителя из Кернкросса также не вышло. Однажды он с советским связником Питером чуть не засыпался на ерунде. Привезя на встречу несколько секретнейших документов, Джон забыл убрать ручку подсоса, и его машина заглохла на оживленном перекрестке. Все попытки завести мотор заканчивались неудачей. Предупредительный лондонский бобби, долго наблюдавший за страданиями водителя и волнениями сидевшего рядом с ним мужчины, пришел на выручку. Залез в салон, уселся на шоферское место, снял ручку с подсоса и через минуту отогнал авто к обочине. Потом вежливо объяснил Кернкроссу его элементарную ошибку. Если бы полисмену пришло в голову проверить документы водителя и его спутника, он бы наверняка заинтересовался, почему оказались вместе английский госслужащий и сотрудник советского посольства. Ну а догадайся вежливый полисмен взглянуть на прихваченные Кернкроссом бумаги, разведывательная карьера «Карела» и его связника оборвалась бы прямо на злосчастном перекрестке.

Каждая неумелая парковка Кернкросса привлекала внимание полиции, так что от встреч в специально приобретенной для ценного агента машине пришлось отказаться. Вероятность засыпаться на ерунде заставляла резидентуру прибегать к специфическим и довольно рискованным способам связи.

Увы, тут было никак не избежать личных и всегда таких непредсказуемых со стороны Пятого встреч. Для них облюбовали лондонские окраины, поздними вечерами — пустынные. А Джон, в очередной раз что-то напутав, приходил не всегда. Однако все эти обоюдные мучения стоили тех данных, которые добывал Кернкросс.

Он дисциплинированно подчинился указанию советских друзей: все внимание сосредоточивал именно на тех материалах, что требовались сейчас, сегодня. Подчиняясь требованиям

разведки, отошел, к разочарованию хорошо его знавших соратников, от коммунистической партии. Не поддерживал отношений и с бывшими знакомцами по левым митингам и прочим сходкам.

От него, поддерживавшего нормальные отношения с женским полом, можно было не ожидать каких-то эксцентричных выходок, типа тех, что до конца дней позволял себе Бёрджесс или иногда выкидывал истощенный постоянным нервным напряжением Маклин. Он мало пил — тоже редкость, и, что высоко ценимо, совсем не болтал. Его надежность потрясала, перечеркивала все недостатки, которых набиралось немало. В 1937–1938 годах от этого безропотно-трудолюбивого новичка шло очень много материалов по Германии, которые к тому же им тщательнейше обрабатывались, а в Москве докладывались на самый верх. На «Мольера» не могли нарадоваться.

Но в конце 1938 года Кернкросса перевели в министерство финансов. Думается, он слишком уж отличался своей серой трудоголичностью и ярким талантом от людей из другого, высшего, круга, засевших в Форин оффис. Даже его единомышленник из МИД Маклин считал Кернкросса малообщительным, не слишком приятным, никогда не улыбающимся сотрудником. Одевался он как попало — вероятно, финансы были тут ни при чем: внешним своим видом Кернкросс демонстрировал презрение к устоям и нормам, для себя не приемлемым. Он не хотел становиться и не стал «своим».

За это он был жестоко наказан «чужим» большинством. Формальным поводом для перевода в менее престижное министерство финансов объявили недостатки в образовании: чего-то не закончил, где-то недоучился, недополучил лишнюю бумажку. Как бы то ни было, в казначействе «Мольер» попал в другие условия и обстановку. Его оперативные возможности — разведка это вскоре почувствовала — явно сузились.

Надо ли было заниматься перевоспитанием ценного агента? Нотации и нравоучения могли его обидеть или, еще страшнее, просто оттолкнуть. Кернкросса принимали таким, каким он был. Ведь логично предположить, что в советскую разведку Джона, помимо прочего, привела и ненависть к твердым консервативным устоям, которые он не принимал с младых лет, против которых боролся, рискуя не только положением в обществе — но и жизнью.

В министерстве финансов он тоже очень старался. Его информация пусть резко сузилась, но не иссякла. К тому же вскоре, как уже говорилось, лондонская резидентура опустела и целый год Кернкросс проходил «беспризорным». А затем этот

полиглот и трудяга потребовался такому же трудоголику лорду Хэнки.

Коммунист и агент Кернкросс чудесно сработался с ненавидевшим большевиков лордом. Хэнки подкупали не только трудоспособность, но и полная, постоянно демонстрируемая на практике преданность Джона. Стоило кому-то из политической или военной верхушки обойти Хэнки с секретными документами, не прислать ему доклад или сообщение, не пригласить на очередное заседание какого-то комитета, как энергичный личный секретарь моментально посылал «обидчику» официальный и суровый запрос. После того, за редким исключением, документы быстро досылались главе бесчисленных комиссий. Этим сложившимся сотрудничеством были удовлетворены и лорд Хэнки, и Джон Кернкросс, не говоря уже о советской разведке.

Правда, в 1941-м сообщения от Кернкросса пошли исключительно тревожные. Ему удалось передать телеграмму министра иностранных дел Идена о беседе Гитлера и наследного принца Греции Павла. Документ свидетельствовал: нападение на СССР неминуемо. Этот же вывод подтверждали письма в Форин оффис английских послов в США и Швеции. Британская разведка сообщала о военных приготовлениях немцев в Германии и Финляндии. Тревожно звучали предупреждения посла из Турции: немецкие суда быстро перебрасываются поближе к черноморскому побережью СССР.

В четвертом томе «Очерков истории российской внешней разведки» приводятся такие цифры: «Об интенсивности работы с источником говорит отчет резидентуры, направленный в Центр 31 мая 1941 года. В нем, в частности, идет речь о направлении 60 пленок с материалами Кернкросса по разнообразнейшим аспектам — от военно-политических до чисто разведывательных».

Грянуло 22 июня, и Кернкросс без всякой раскачки приступил к обработке сообщений об отношении английской верхушки к нуждам Красной армии, о затягивании рассмотрения вопросов о военных поставках в СССР. Стало понятно, что союзники не торопятся направлять в Россию современное вооружение, не заботятся об увеличении объемов поставок. Быть может, сегодня эти строки и звучат суховато, но осенью 1941-го, когда судьба Москвы висела на тончайшем волоске, информация была исключительно востребована.

Однако вскоре, как когда-то в 1938-м, Кернкроссу, он же теперь «Карел», пришлось подыскивать новое место службы. Лорд Хэнки поменял работу, а вслед за ним поисками иного вида деятельности пришлось заняться и его секретарю. Сложнейшая проблема: и на новом месте работа Кернкросса должна была

вестись во благо Советского Союза. Резидент Горский посоветовал ему попробовать устроиться в школу шифровальщиков в Блечли.

Тут я должен снова обратиться к встречам с Владимиром Борисовичем Барковским. Считалось, будто к 1942-му англичане частично разгадали не только немецкие, но и советские шифры. Действительно, сообщения немецкого Генштаба они перехватывали и расшифровывали и некоторыми данными даже делились с «этими русскими». Но проникли ли бритты в тайны нашего шифра? Владимир Борисович категорически отверг утверждения, будто разгадать его во время войны помогла найденная где-то в Финляндии полуобгоревшая книжка с кодами. Такого не было! Лишь после, когда в Канаде на сторону противника переметнулся шифровальщик Гузенко, а к работе подключился гениальный дешифровальщик Мередит Гарднер, англичане и американцы частично продвинулись в решении этой задачи. А как же тогда с американской операцией «Венона», в результате которой «главный противник», пусть и задним числом, вроде бы справился с расшифровкой посланий Центра в Штаты, что привело к аресту и последующей казни супругов Розенберг и к другим неудачам нашей разведки? Барковский объяснял: шла игра спецслужб. Доказательств вины советских агентов не было, и легальными методами засадить их в тюрьму было невозможно. Вот и прибегали к давлению: шантажировали вымышленными расшифрованными посланиями, выбивая признания из слабонервных. Так, например, сознался наш агент — талантливый немецкий ученый Фукс, хотя прямых доказательств его сотрудничества с Советами не было.

Кстати, эту точку зрения подтверждают и теоретические работы Филби на тему, признавать «провалившимся» агентам свою вину или нет. Опытный разведчик настаивал на полном непризнании вины…

Проникновение Джона Кернкросса в школу в Блечли-парк можно считать серьезной удачей разведки. Джону снова помогло знание языков — на его «низкое происхождение» в жестокие военные годы было уже наплевать.

И «машина» под названием «Кернкросс» заработала на всю катушку. Тут, кстати, есть такой интересный вопрос: англичане, даже делясь с СССР расшифрованной немецкой информацией, никогда не выдавали источников. Утверждали, что сведения добыты то в третьих странах, то благодаря немецким перебежчикам… Да и «дележка» с русскими союзниками шла выборочно, иногда с опозданием. Так что Кернкросс просто восстанавливал справедливость.

Однажды Черчилль попытался объяснить советскому

руководству такой вот «английский» стиль общения: мол, их Сикрет интеллидженс сервис была уверена, что немцам удалось завербовать нескольких высокопоставленных сотрудников советского Генштаба, а раз так, то предоставлять всю информацию опасно. Кстати, британское предположение до конца пока не опровергнуто. Были ли в Генштабе предатели? Ответа нет…

Хотя кто бы в то время признался англичанам, что обнаруженный ими благодаря расшифровке агент «Макс», он же «Гейне», является советским разведчиком Александром Демьяновым? Подготовленный осенью 1941-го одним из лучших радистов НКВД Вильямом Фишером, он перешел линию фронта, сдался немцам, окончил разведшколу абвера, вернулся по его заданию в Москву и якобы благодаря усилиям противников советского режима попал в Генштаб. Действительно, по просьбе разведки Демьянова туда взяли, одно время он даже состоял при легендарном маршале Рокоссовском и чуть не до завершения войны передавал немцам дезинформацию. Возможно ли было раскрывать операцию, о которой даже в НКВД знали только считаные люди? Кстати, гриф секретности с «Макса» — «Гейне» был снят только в 1990-х годах, когда его уже не было в живых.

Кернкросса все это не касалось, и материалы от него шли потоком.

Остановлюсь лишь на бесценных, что помогли выиграть небывалое за всю историю войн танковое сражение на Курской дуге. Это «Карел» еще в 1942 году передал в Москву попавшие к англичанам технические характеристики нового немецкого танка «Тигр». В частности, стала известна толщина его брони, которую конструкторы из Германии считали непробиваемой для советской артиллерии. Однако у наших оружейников хватило сил и знаний для быстрого изготовления новых, гораздо более мощных, чем прежде, снарядов, разработки мощных систем самоходной артиллерии. В результате вскоре уже «тигров» уничтожали воистину с русским размахом, который просто вгонял фашистов в панику.

«Карел» уведомил резидентуру и о том, что немецкое командование полностью ознакомлено с построением обороны советских войск на Курской дуге, и нашему руководству удалось в последние дни перед Прохоровкой произвести их скрытую передислокацию, что явилось для противника полной неожиданностью.

В одной из глав этой книги безымянный, но авторитетнейший рассказчик упоминает о коробочках с орденами, хранящихся в навечно засекреченных личных делах некоторых наших

помощников. Такой орден есть и в папке Кернкросса: за Курскую дугу он был награжден орденом Красного Знамени.

Награду еще во время войны доставили в Англию. Резидент Крешин встретился с «Карелом» и вручил орден Джону. Тот был благодарен и тронут. Однако затем орден был возвращен резиденту, вложен в коробочку и снова проделал неблизкий путь — теперь от Лондона до Москвы, где боевой награде суждено было навсегда осесть в недоступном хранилище…

Вскоре Кернкросс поменял Блечли на другой род секретной деятельности. В центральном аппарате СИС он анализировал расшифрованные телеграммы немцев о работе их разведки в Советском Союзе и на Балканском полуострове. Знал многих немецких агентов и разведчиков по именам и псевдонимам. Надо ли говорить, что «знакомилась» с ними и советская разведка?

Кернкросс попал в свою стихию: множество материалов, поток информации, четкий анализ, передача документов связнику. Работать в СИС ему было легче, чем в Блечли-парк: по инструкции отработанные материалы должны были сжигаться, но указание это выполнялось далеко не всегда, учета расшифрованных и уничтоженных телеграмм не велось. Так что «Карел» часто передавал в резидентуру оригиналы, которые можно было не возвращать обратно.

Подчас его коллеги по СИС допускали явные небрежности. Раз в неделю, на своих вечерних дежурствах, он просматривал материалы, получаемые другими работниками из самых разных регионов. Так, однажды ему прямо в руки приплыл список английских агентов в Балканских странах.

А еще Кернкросс сумел достать ключи от сейфа собственного начальника, и когда тот отсутствовал, знакомился с материалами, которые не предназначались для глаз рядовых сотрудников…

Осенью 1944 года Центр особенно заинтересовали полученные от Кернкросса директивы Гиммлера. Фашисты предполагали создавать в Германии и оккупированных странах крупные подпольные группировки. Каждая должна была состоять из трех основных частей: разведки, саботажа и обеспечения собственной безопасности. Во главе — офицеры СС и преданные нацисты. Вся разветвленная организация строилась на принципе «пятерок». Для успешной легализации будущие руководители фашистского подполья могли уже в 1944-м подвергаться арестам, заключаться в тюрьмы и концентрационные лагеря. Всей этой сворой головорезов, обученных изготовлению и применению бомб, взрывчатки и даже химических ядовитых веществ, управляли бы заблаговременно скрывшиеся Гиммлер,

Кальтенбруннер и Борман. Однако создать такую систему у гитлеровцев не получилось — этому помешало и предупреждение, переданное Кернкроссом.

Он проработал в СИС до конца войны, но связь с советской резидентурой не прервалась и после ухода Кернкросса со службы, когда он вернулся в министерство финансов, а затем и в министерство снабжения.

Одно время казалось, что возможности его резко сузились. Или не нашел «Карел» общего языка со связником, приехавшим на смену Крешину? Но потом, в 1947-м — новый всплеск. Сошелся характерами с разведчиком-новичком Юрием Модиным, полностью доверял ему. Методы работы Кернкросса оставались прежними: поздними вечерами где-нибудь на окраине Лондона «Карел», так и не прибавивший в техническом образовании, передавал документы связнику. Ночью их фотографировали, а ранним утром новая встреча, возврат сфотографированного. И опять встреча — через месяц.

По некоторым данным, Кернкросс снова по-настоящему развернулся в 1949-м. Вроде бы, занимая довольно скромный пост, он имел доступ к малозначащим финансовым документам. Однако касались они только создаваемой и на первых порах непонятной для СССР организации — НАТО. Но используя простую арифметику: сколько и куда направляются фунты из государственной казны, можно было отследить, на что конкретно тратятся широкой рекой льющиеся денежные потоки. «Карел» так поднаторел в этой секретнейшей бухгалтерии, что работал абсолютно безошибочно. Порой в Москве узнавали о предполагаемом вливании, к примеру, в норвежскую армию гораздо раньше, чем в Осло. Благодаря по-британски скрупулезным денежным отчетам удалось выяснить, какие огромные инвестиции вкладываются в производство атомного оружия. Перестало быть секретом и расположение атомных объектов: английские финансовые органы аккуратнейше следили, чтобы в самые разные страны деньги поступали точно в срок и по назначению. Следила за этим и советская разведка.

Да, Кернкроссу не хватало гениальности Филби, блеска умеющего наладить контакт со всеми Бёрджесса, интеллекта Маклина и аристократических связей Бланта. Но Кернкросс никогда не был и «скромным винтиком» в отлаженном разведывательном механизме. Он извлекал, исчерпывал до дна все ресурсы, до которых добирался с риском и с усилиями раба на галерах. То, что мог пропустить, оставить без внимания фонтанирующий новыми идеями Гай Бёрджесс, никогда не ускользало от пристального внимания Джона Кернкросса. Его

невысокое положение чиновника среднего ранга компенсировалось смелостью и усердием. В разведке он совершал то же, что и в профессиональной карьере, — вопреки всему добирался до нужного результата.

Его рисуют бережливым от рождения шотландцем низкого происхождения. Но почему тогда Джон пользовался таким успехом у прекрасного пола? Среди его подруг жизни и красивая американка, затем игривая англичанка, а потом и верная жена. И если он был настолько скуп, то почему, как и четверо остальных, — конечно же и не подозревая о их отказе, — он отверг установленную ему в 1945-м пожизненную пенсию в тысячу фунтов стерлингов в год — сумму по тем временам солидную? Между прочим, его сотоварищам денег все же предложили чуть побольше. Даже Советы, возможно и без всякого умысла, капельку сэкономили на своем вернейшем друге. Не родственник же короля, как Блант.

Тут я подхожу к заключительной части саги о Кернкроссе. Пропущу уже описанное исчезновение Маклина и Бёрджесса, не повторюсь, рассказывая о допросах и мужественном поведении Филби. После войны МИ-5, поднаторевшая на отлове немецких шпионов, взялась за своих, и Кернкросс попал «под колпак» контрразведки. Замечал ли он наружку? Принял ли он всерьез первый допрос, устроенный ему в сентябре 1951 года? Уверен, что да. За 15, будем так считать, лет работы с нами Джон Кернкросс — «Моцарт», «Лист», «Карел» — превратился в опытного разведчика.

Особенно насторожили его вопросы о принадлежности к компартии. Об этом, по примеру американцев, и в Англии спрашивали всех и каждого, кто был раньше замечен «в левых».

Бытует версия, что все документы, собранные британскими спецслужбами о членах английской компартии, сгорели в канцелярии знаменитой лондонской тюряги «Скрабе». Название известное хотя бы потому, что из этой тюрьмы совершил фантастически дерзкий побег ныне здравствующий Джордж Блейк. Но правда ли, что все дела на членов компартии исчезли? Или это только вымысел, призванный притупить бдительность? Как бы то ни было, Кернкроссу доступ к секретным документам официально закрыли.

Всплыла и еще одна деталь. При обыске на квартире сгинувшего Бёрджесса обнаружили некие письма, вроде бы содержащие секретную информацию. Нашелся и свидетель, подтвердивший, что почерк их автора напоминает почерк Кернкросса. Но Джон сумел доказать, что никакой секретности бумаги не содержали — это всего лишь записки, которыми

обменивались между собой госслужащие. Кернкросс «припомнил»: письма написаны аж в 1939 году! Обошлось без ареста, однако с государственной службы его быстро уволили.

Кернкросс залег на дно, и поиски его резидентурой оказались напрасны. Он то ли покинул Лондон и уехал в родную Шотландию, то ли махнул за границу, что было сомнительно, ибо это еще больше насторожило бы МИ-5. Скандал с Бёрджессом и Маклином то затихал, то вдруг разгорался нежданно ярким пламенем, а Кернкросс все пережидал и не появлялся на людях. Где-то и как-то скрывался. Умение не вылезать, затаиться, переждать — важное для разведчика качество. Вильям Фишер — Рудольф Абель в своих рекомендациях юному поколению нелегалов вспоминал, что иногда этот уход в себя, полное исчезновение могло продолжаться и полгода, и дольше…

Все же настойчивый и смелый связник Юрий Модин отыскал, «выкараулил» подопечного. Приблизился к нему сзади и громко — а как иначе при некоторой глухоте Джона? — назначил место и время встречи. «Карел» кивнул. Он понял и пришел.

К тому времени в Центре осознали: отношения с Кернкроссом пора прекращать. Навсегда. Ему было решено предоставить некую сумму, которая позволила бы относительно безбедно пережить года полтора-два. На последней встрече «Карел» высказал предположение: о его членстве в партии знали немногие, значит, выдал кто-то из близких. Следователям он объяснил свое раннее увлечение марксизмом заблуждениями молодости и юношеским максимализмом. Заверил связника, что никаких видимых ошибок не допускал. С Бёрджессом и Маклином несколько лет прямых контактов не поддерживал. У контрразведки нет против него ничего конкретного — так, подозрения и домыслы. Он намерен держаться твердо.

Перед тем как произнести последнее «прощай», связник передал Джону Кернкроссу пакет с деньгами. Тот кивнул, положил конверт в карман. Эпопея подошла к концу.

Разведке оставалось ждать, как будут развиваться события и не дрогнет ли Кернкросс на неизбежных допросах. Ведь он столько знал! Под угрозу попадал самый ценный из «пятерки» — Ким Филби. Расколись «Карел», выложи хоть немногое — ему, как и Бланту, в обмен на сотрудничество со следствием обещали иммунитет от судебного преследования — и Филби попадал бы в безвыходное положение.

Действительно, вскоре последовали новые допросы. Следователь Уильям Скардон, «расколовший» нашего ценнейшего атомного источника Фукса, был мастером своего дела. Однако если судить по тому, что Филби в конце концов так и не

арестовали, Кернкросс хранил молчание. Или, по крайней мере, сумел не дать никаких конкретных показаний против Кима. Остается гадать: была ли заключена сделка со следствием? Я, со своей точки зрения историка разведки, могу лишь высказать сугубо личное мнение: кажется — да. Единственным видимым последствием того стал отъезд Кернкросса из Британии. Можно предположить, что «Карел» признался в работе на советскую разведку в военные годы — иначе его вряд ли бы выпустили. После этого его видели в Канаде, где, по некоторым данным, он трудился преподавателем. Потом Кернкросс вернулся в Европу, работал в Риме, в международной организации под эгидой ООН. Его личная жизнь складывалась удачно — всегда окруженный молодыми спутницами, одиночества он не испытывал.

После бегства Филби из Бейрута в 1963-м его снова подвергли допросам. МИ-5 все-таки разобралась в том, что за информация передавалась Кернкроссом в Москву. Однако судебному преследованию он не подвергся, что подтверждает предположение о предоставленном судебном иммунитете. Наступила середина 1960-х… Сколько лет все-таки пробежало с трагического для «Кембриджской пятерки» 1951 года!

Кернкросс переехал во Францию. Там в Нормандии поселилось немало его соотечественников, соблазненных невысокими, по сравнению с Великобританией, ценами на недвижимость. В начале 1990-х знакомые французские журналисты рассказывали мне, работавшему тогда собкором в Париже, что «можно бы попытаться съездить на побережье, если один бывший русский шпион согласится дать интервью». Тогда Кернкросс уже был раскрыт как «Пятый». Но что-то не сложилось. Да и выяснилось позже, что речь шла о совсем другом человеке: Теодоре Холле, он же «Персей» или «Млад», — американце, работавшем в атомной лаборатории Лос-Аламоса.

А Кернкросс тихо жил в Провансе. В 1981-м неугомонная премьерша Тэтчер, со свойственной ей излишней экспансивностью, вдруг взорвала тишину. Некоторым образом нарушив обещание о судебном иммунитете, она заявила в парламенте, что Кернкросс был завербован советской разведкой.

Умело избегая просьб журналистов о встречах, он все же был вынужден согласиться на пару интервью с настойчивой прессой. Они были туманны, неконкретны. Французам, кстати, он счел возможным поведать немножко больше, чем соотечественникам. Заявил, что, возможно, придет день, когда люди поймут, почему молодой англичанин, обладающий интеллектом, решился на им совершенное.

Из всей «Кембриджской пятерки» один лишь Кернкросс

оказался долгожителем — он скончался в 1995 году, дожив до восьмидесяти двух лет.

В отличие от тех бесед в газете опубликованные им на склоне дней работы по истории любимой французской литературы отличались конкретикой. Но случайно ли, что человек, первым псевдонимом которого было имя великого француза, закончил свой путь в этой жизни изданием многолетнего исследования — «Гуманизм Мольера»?

А были ли шестой… седьмой?

На Западе этот вопрос по-прежнему продолжает волновать многих. Фигура относительно незаметного, но такого «продуктивного» Кернкросса, ставшего официальным «Пятым», не столь взволновала британский истеблишмент. Он не принадлежал к высшему обществу, и потому известие о выявлении еще одного советского агента из Кембриджа, перешедшего на чужую сторону, было воспринято относительно спокойно.

Нет, не Кернкросса искали британские контрразведчики, исследователи, историки и журналисты! Шпиономания выплеснула другие, гораздо более значимые — для них, не для нас — имена. На долгие годы главным подозреваемым сделался не кто иной, как сэр Роджер Холлис, возглавлявший МИ-5 с 1956 по 1965 год.

Кое-какие основания подозревать Холлиса в причастности к делам «кембриджцев» у его главного противника и страстного обвинителя офицера МИ-5 Питера Райта, проработавшего в контрразведке аж с 1949 по 1976 год, были. Ведь Филби, Бёрджесс и Блант были хорошо знакомы с Холлисом и использовали дружбу с ним, а то и его покровительство в разведывательных целях. Объявленному «кротом» Холлису пришлось выдержать неистовый натиск.

Впрочем, на его долю и до этого выпало немало испытаний. Отец Холлиса был епископом англиканской церкви, так что он сам учился в аристократическом учебном заведении — только не в Кембридже, а в Оксфорде, что дало повод говорить о существовании «Оксфордской группы», непонятно, правда, состоящей то ли из «тройки», то ли из тоже «пятерки», — но так и не получил заветного университетского диплома. Обстоятельства заставили Холлиса в 1927-м покинуть Англию и отправиться в Шанхай, где Роджер устроился на работу в международную табачную компанию.

Шанхай! Это дало повод «Ловцу шпионов» Райту увязать его имя со знаменитым советским разведчиком Рихардом Зорге, одно время возглавлявшим шанхайскую резидентуру. Райт утверждал: шпионская работа Холлиса на Советы началась еще в Шанхае, где его завербовал Зорге или кто-то из его людей.

Такая лакомая и долгожданная гипотеза, отвечающая вкусам и британской разведки, и читателям выпускаемых Райтом книг и статей, была вброшена. Началась ее тщательнейшая проверка. Было сделано множество запросов, в детальнейших подробностях

изучены все дела, даже косвенно связанные с Зорге и… Не найдено ни единого доказательства того, что пути Зорге и Холлиса хоть как-то пересекались! Ни малейшего следа!

После исчезновения в 1951-м Гая Бёрджесса и Дональда Маклина неутомимый Питер Райт понял, что пришло его время. Возможно, он искренне ненавидел интеллектуалов из английского джентри — мелкого дворянства. Быть может, у него вызывали зависть выпускники аристократических Кембриджа и Оксфорда. Не исключаю, что Райт не был удовлетворен и собственной карьерой. Но только все, кто не вписывался в представление Райта об образцовом британском разведчике, попадали под его подозрение. Офицеру контрразведки виделось, будто МИ-5 опутана агентурными сетями, оставленными сбежавшим Бёрджессом.

Жаль, но это было совсем не так. Однако, не сознавая этого, Райт оказывал реальную услугу тем, кого считал главным противником. Многие сотрудники МИ-5 не выдерживали груза подозрений, не могли смириться с бесконечными разбирательствами. Некоторые наиболее способные люди, которые находили себе применение в других областях человеческой деятельности, уходили. Других пачками увольняли. Против некоторых возбуждали расследования, не приносившие результатов. Кто-то даже покончил жизнь самоубийством, не выдержав беспрестанной травли, унизительных допросов. Объективно, всё это помогало советской разведке.

Нет-нет, никто и не собирается заподозрить в Райте «пятого»! Но его непрекращающаяся десятилетиями «охота на ведьм» тормозила деятельность одной из наиболее мощных и квалифицированных спецслужб мира, набравшей силу и опыт в период работы во время войны. Даже высокое начальство, где-то опасаясь неистового Райта, побаивалось пресекать поднятую им вакханалию — а не объявит ли в этом случае Райт агентами или предателями и их тоже?

Действуя как слепой фанатик, Питер Райт не боялся никого и ничего. Так было вдоль и поперек изучено все досье Холлиса. А там имелось много чего, ведь Роджер пришел в МИ-5 еще в 1938 году. Работал в отделе, который занимался коммунистической партией Великобритании. Во Вторую мировую обязанностей у него прибавилось: он «курировал» союзника — СССР, затем исполнял обязанности начальника секции, ведающей не только Советским Союзом, но и странами Восточной Европы.

Особенно удачно сложилась его послевоенная командировка в Австралию, когда, уже в ранге руководителя управления МИ-5, отвечающего за внутреннюю безопасность, он помог создать на

пятом континенте собственную разведку и службы безопасности. Роджер Холлис уверенно продвигался вверх по карьерной лестнице, и уже упоминавшийся в этой книге сэр Дик Уайт, ставший к тому времени генеральным директором МИ-5, назначил его своим замом.

Райт, знавший о дружеских отношениях Бланта с Уайтом, взял это на заметку, пытаясь на протяжении шести лет вырвать у хранителя королевских галерей признание в том, что Холлис и был «пятым». Безуспешно. В качестве доказательства существования этого призрачно-смутного «пятого» Райт приводил в своей книге «Ловец шпионов» достаточно сомнительный довод: мол, в 1945-м русские согласились на уход Бланта из контрразведки только потому, что там оставался другой их агент. Не приводя конкретных доказательств, он без стеснения называл его имя: сэр Роджер Холлис.

К тому времени версия о «пятом» была подогрета и показаниями сбежавшего на Запад майора Голицына. Тот дал материал на Филби и утверждал, что «Кембриджская группа» состояла из пятерых.

Это сыграло на руку Райту. В МИ-5 была создана специальная комиссия «Флюенси», которой было поручено заниматься поиском работавших на СССР «кротов» из контрразведки.

Заканчивался 1961 год, Холлис уже возглавлял МИ-5 в качестве ее генерального директора, но это не помешало подвергнуть его допросам (!). Комиссия, деятельность Райта, вся атмосфера подозрительности добавили немало сложностей в работе. В МИ-5 царила нервозность, ее сотрудники были словно расколоты на два лагеря. Одна часть поддерживала своего многолетнего шефа, доказывая, что именно при нем и были изобличены Бёрджесс с Маклином, а Филби изгнан из разведки. Другие подозревали Холлиса в шпионаже. Конечно, деятельность МИ-5 была не парализована, однако затруднена…

Холлис и его сотрудники арестовали советского нелегала Конона Молодого — он же Гордон Лонсдейл — вычислили и засадили на 42 года в тюрьму сотрудника британской спецслужбы Джорджа Блейка, а им всё равно не верили. Райт же находил новых и новых подозреваемых. В том числе — и заместителя Холлиса.

В 1965-м сэр Роджер вышел, как и планировалось, в отставку. А в 1969 году его опять допрашивали хорошо знакомые по многолетней совместной работе собственные сотрудники. Кабинет даже оборудовали специальными техническими устройствами, и на протяжении двух дней допросов аналитики, сидевшие в соседней комнате, следили за поведением Холлиса,

его реакцией на вопросы. Потом они еще долго изучали, сравнивали данные им ответы, надеясь подловить подозреваемого на неточностях… Естественно, среди обосновавшихся в той комнате был и Питер Райт.

Экс-шеф контрразведки не сделал никаких признаний, не возвел напраслины ни на себя, ни на других. Отмел все подозрения. Если читателю кажется, что я пишу о Холлисе с симпатией, то это правда — он был хороший профессионал. А ведь самое страшное, когда тебя подозревают свои. В конце концов досье Холлиса, к горю Райта, пришлось закрыть.

Но что было делать с нападками, которые то утихали, то вновь набирали силу? Истерию попыталась прекратить премьер Тэтчер. В марте 1981 года она рассказала членам парламента о дополнительном расследовании по делу Холлиса. «Очень часто доказать невиновность человека не представляется возможным. Но против сэра Роджера Холлиса не найдено ни одной улики. Сделан окончательный вывод: он не является агентом советской разведки».

И все равно Райт и компания не сдавались. Запрещенная в Англии книга «Ловец шпионов», изданная им в Австралии, как и менее весомые книженции английских журналистов, будоражила умы коллег, сеяла сомнения в обществе. Подливая маслица в огонь, Райт настаивал: среди представителей высшего эшелона британских спецслужб — а может, и не только спецслужб — засели предатели. Урон, ими нанесенный, гораздо серьезнее, чем принято считать.

Ушедший в отставку Райт снова нашел предлог для выдвижения обвинений против Холлиса в мае 1988 года — после смерти Филби. Заявил, что английские спецслужбы «съедаемы сомнениями» из-за так и не полученного ответа на вопрос «а был ли пятый?». Прошло уже столько лет после кончины Холлиса, ушедшего еще в 1973-м, а дебаты все продолжались…

Известный в Великобритании историк и аналитик разведки, тогдашний член парламента от консервативной партии Руперт Элласон, выпускающий свои многочисленные книги под псевдонимом Найджел Уэст, пытался положить конец спору. «Это плохо для морали, это плохо для проведения операций», — писал он.

Но даже к умершему Холлису нашлись претензии, которые его хулители считали обоснованием доказательств его измены. Доказательства эти были совершенно удивительные! Известно, что, выйдя в отставку, Роджер Холлис развелся с женой, с которой прожил в браке больше трех десятилетий. Почти сразу же после процесса сэр Роджер женился на своей секретарше. Сколько лет

он поддерживал с ней интимные отношения, находясь во главе МИ-5, не знает никто. Что ж, дело житейское…

И это было сочтено… доказательством его вины! Мол, советские спецслужбы шантажировали его этой связью и разрешили узаконить ее только после выхода Холлиса в отставку. Вот вам и все улики.

Занавес! Тушите свет…

«Глыба твердой породы»

Этот человек совсем не из тех, кто вот так возьмет и выложит всё, что знает о Киме Филби. Но в каждом слове моего собеседника — до недавнего времени руководителя одного из управлений Службы внешней разведки — столько пиетета к Филби, что невольно задумываешься, каким Ким был высокопрофессиональным разведчиком и как он умел завоевывать расположение людей.

Отвечая на мои вопросы, он словно скульптор отсекал все ненужное, придуманное, незначащее, создавая образ знакомого ему, уже стареющего Филби… Сравнение со скульптором неслучайно: и в Москве Ким Филби оставался все той же скалой, глыбой твердой породы, о которую вдребезги разбивалось наносное, сугубо житейское, особой роли в судьбе разведчика не игравшее…

Попробую привести нашу некороткую беседу. Это не интервью, не вырвавшаяся откровенность, а профессиональная оценка, которую один профессионал дает другому — Киму Филби.

— Может быть, начнем с ваших первых впечатлений о Филби?

— Не думаю, что это может иметь особое значение. Потому что мы приходили, уходили, сменялись в силу служебных причин. До меня с ним был другой человек, тоже проработал год с небольшим. Потом пришла ему, как это у нас принято, пора уезжать. Понимаю, если бы вы задали вопрос о первых впечатлениях Джорджу Блейку — он личность того же масштаба, и это сопоставление могло бы быть значимым… К слову, мне посчастливилось участвовать в работе одновременно и с Кимом Филби, и с Джорджем Блейком.

— Вы часто с ними виделись?

— Не сказать, что часто. Главным образом по важным событиям: юбилеи и праздники нашей Службы, какие-то даты у Кима и Джорджа. Организация их поездок по стране, участие в решении разных вопросов, в том числе и бытовых…

Период моей работы с ними совпал с достаточно интересным периодом в жизни нашего государства и, соответственно, Кима и Джорджа. «Перестройка», «гласность» — они коснулись и нашей сферы деятельности. Тогда руководство комитета и Первого главного управления пошло на некоторое приподнимание завесы таинственности вокруг этих людей, на выпуск их в эфир. Помню, известный журналист Генрих Боровик получил возможность взять короткое интервью у Кима, его показали по телевидению. В это

же время Ким предложил идею относительно того, чтобы дать интервью Филипу Найтли.

— Британскому журналисту, написавшему массу книг о разведке. У них была долгая переписка перед московской встречей…

— Что отмечено в истории. Вы это интервью читали?

— Да, но Филби мало что рассказал Найтли. Почти ничего.

— А я ту беседу оцениваю по-другому.

— И как же?

— Как подведение итогов своей жизни. Недавно еще раз перечитал интервью — уже с нынешних позиций. Я все-таки считаю, что Филби не то чтобы предвидел такой скорый уход. Нет. Однако нашел возможным через Филипа Найтли изложить основные итоги собственной жизни в личной интерпретации, донести их в том числе и до английского читателя. Показал смысл всей своей жизни и цели, которых он добивался и добился. Мне кажется, это ему удалось.

Мы придавали достаточно серьезное значение его встрече с Найтли: было важно показать, что люди, с нашей разведкой работавшие, живы, сохраняют свое видение развития ситуации в мире, принципы, позиции. Ким был как раз тем человеком, который в наибольшей степени мог и смог это сделать. Его я квалифицирую для себя аристократом во всех смыслах: аристократом духа, жизненного настроя, интеллекта, отношения к людям, привычек… И, конечно, аристократом в нашей профессии — разведчиком высочайшего полета.

— А потому все достаточно прямые вопросы, которые задавал ему многоопытный Найтли, Филби умело обошел.

— Так ведь, извините, Найтли для него, для Филби, был инструментом, если хотите — каналом доведения нужной Киму информации. Ведь сам Филби и журналист, и разведчик, и крупный руководитель. А насчет интервью припоминаю нечто любопытное. У нас была задача, чтобы Найтли не догадался, где живет Филби. Чему вы удивляетесь? Откуда мы знаем, какие могут быть последствия? У нас-то своя забота и серьезная: обеспечить его безопасность.

— Вы думаете, что даже в центре Москвы, где жил Филби…

— Подход был такой: исключить возможность получения каких бы то ни было конкретных сведений о Филби. Ким жил поблизости от улицы Горького. Но перед тем, как завезти Найтли к нему, мы его долго кружили по городу, чтобы сложилось впечатление, что Филби проживает где-то далеко от центра Москвы. Так и получилось: подвезли, раз и в подъезд, на лифте подняли. Мы даже хотели номер дома убрать… Да, об этом тоже приходилось думать! Хотя, казалось бы, у нас в Москве, в

столице…

— Интервью с Найтли — это, конечно, очередная успешная операция Филби. Но ведь говорят, были у него и слабые стороны, тяжелые пристрастия. Или они больше из области мифов?

— Не хочу сравнивать Филби в этом отношении с кем-то другим. У каждого есть свои сильные и слабые стороны. Но уже упомянутый его аристократизм присутствует во всем. Проходит по всей жизни — и по происхождению, и по воспитанию, и по образованию, и по всему тому, что произошло в дальнейшем, в последующей жизни здесь, у нас.

Конечно, о любом публичном человеке, в том числе и о Филби, с позиции недоброжелателей можно писать негативные вещи. Иногда пытаются очернить его, снизить уровень жизненного потенциала. Но я уверен, что это недостойная затея и такие потуги не соответствуют роли Филби и его значению в такой специфической сфере, как деятельность специальных служб. Если вспоминать о давнем периоде, которого я не захватил, то вам придется поговорить с кем-то другим. В моем понимании, пресса — и современная наша, и иностранная — в погоне за сенсационными фактами придает совершенно непропорциональное значение таким привычкам английского джентльмена. Прозвучало недавно высказывание Руфины Ивановны: выпивал два маленьких стаканчика коньяку, наполовину, даже на две трети разбавленного водой. Стаканчика! Разбавленного водой! А идет: выпивал два стакана коньяку, о разбавлении — ничего. Принять пятьдесят граммов за ужином, это что — алкоголизм? Нормальный был мужчина в этом смысле, с моей точки зрения, как английского, так и русского менталитета. В последние же годы не было этого ничего. Тем более Руфина Ивановна…

— *…перевоспитала его.*

— Да. К тому же стечение обстоятельств: время, возраст. В последние годы жизни Филби, конечно, воспрянул. «Перестройка», действительно подъем и в настроении, и в жизни. У человека в достаточно зрелом возрасте появилась востребованность. Активный период: интервью, подготовка информационных материалов, переиздание книги… Я, кстати, ездил в «Воениздат», обсуждал вопросы, связанные с переизданием его «Тайной войны». Вышла, и большим тиражом — сто тысяч экземпляров.

— Мне бы хотелось, чтобы вы поделились какими-то личными впечатлениями. Вы ведь с ним соприкасались, ездили, сопровождали?

— Не то чтобы соприкасался и ездил. Я бывал у него дома,

встречались на работе.

— Знаете, если о работе, то меня очень удивил один пассаж из книги Филби «Я шел своим путем». В 1977 году, выступая перед руководящим составом Первого главного управления, он в какой-то миг ошарашил слушателей, сказав, что проник в штаб-квартиру восьмой по счету спецслужбы. То была, конечно, шутка, однако по залу пронесся гул замешательства. Публика потом быстро разобралась — британский юмор. А я был поражен другим. Филби в Москве с 1963-го, а первый раз в здании разведки лишь четырнадцать лет спустя. Неужели он раньше там не бывал?

— Да, понимаю, о чем вы хотите спросить… Остались еще люди, которые работали с ним много раньше моего. Они в большей степени осведомлены о том периоде жизни, которым он, вероятно, был не полностью удовлетворен.

— Я даже его снимок с Калугиным видел. Тем самым, что теперь в США.

— А почему нет? Калугин был начальником управления, с Филби встречался, как потом встречались и последующие начальники этого же управления. Здесь уже организационная сторона жизни Филби, наша помощь, если хотите, более специфический термин — кураторство. Это совсем не значит, что он кого-то выбирал или для него подбирали сотрудников, обязательно раньше работавших в Англии или по Англии.

— Разве отбирали не по этому, английскому, признаку?

— Нет. Я, например, в Англии был только в рамках обеспечения государственного визита и уже в 2000-е годы. Вообще я «немец» по профилю, если можно так сказать. Никакого прямого отношения к британским делам не имел.

— Почему тогда к Филби отправили все-таки вас? Может, молодой? Или время подошло или как? Рассчитывали, что вы каким-то образом сойдетесь?

— Насчет того, сойдетесь — не сойдетесь, наверное, да, смотрело руководство. Такие моменты тоже учитывались. Но думаю, что здесь все-таки и фактор случайности, стечения обстоятельств. Не такой я уж был молодой, за сорок.

А Киму — за семьдесят пять. Еще раз повторюсь: аристократ во всем, во всех проявлениях, человек, который никогда не демонстрировал, что у него есть проблемы, не требовал повышенного внимания к своей личности. Никогда не просил ничего лично для себя. В то же время такого ничего в Москве не было, чтобы ему надо было стоически переносить какие-то сложности, трудности.

— Вы приходили, он вас встречал сам?

— Я звонил, он открывал дверь: Александр, заходите. По-

хозяйски так, гостеприимно приглашал. Провожал в комнату, спрашивал: что будете — чай или кофе? Потом обсуждали тот вопрос, с которым я приходил.

— Это были какие-то оперативные вопросы?

— Как правило, нет. Скорее организационные или житейские. Хотя их он как-то сторонился, больше Руфина Ивановна этим занималась. А у нас — интервью, подготовка и встречи с журналистами: где провести. Со стороны руководства мне не было инструктажа: скажи Филби, чтобы он сделал так-то и так-то. Априори исходили из того, что он сам знает, как хорошо и правильно сделать. Доверялось на его усмотрение. Уже упомянутое интервью Найтли не редактировалось.

— Ким Филби тогда по-прежнему еще работал на разведку?

— Да. Проводил брифинги для сотрудников, отправлявшихся на работу в англоязычные страны. Были группы, человека по три. Он очень серьезно относился к этой работе. Готовился, писал для себя материалы, которые использовал в процессе учебы. Внимательно следил за событиями в мире и особенно в своем регионе. Считал это своим вкладом в подготовку молодых разведчиков.

— Хотя прошло уже столько лет после его приезда в Москву. И сколько поменялось и там, и тут…

— Тем не менее это было если не смыслом жизни, то составляло определенную ее часть — профессиональную. Пусть не часто, но приходили к нему раз в неделю ученики. И давайте вспомним, сколько ему было лет: середина 1980-х — уже за семьдесят. А учеба продолжалась. Ко мне обращались, когда к нему можно, и я созванивался, утрясали расписание.

— Встречались на конспиративной квартире или у него дома?

— Потом в основном дома: Филби такую возможность предоставлял. Сидели, занимались на фоне его библиотеки.

— Он прилично говорил по-русски?

— Не очень… Вот Георгий Иванович Блейк вошел в русскую жизнь достаточно плотно, но он — совершенно иной человек. Блейк освоил русский язык, хотя акцент остался. Родился у них сын, и это очень способствовало его адаптации в нашей стране.

— Как сейчас сын Блейка? Не у вас?

— Нет. Но у него все хорошо, успешно работает. К Филби приезжали сыновья от предыдущего брака. Но вернусь к вопросу о его русском языке. Филби мог какие-то вещи говорить, но не настолько, чтобы свободно вести разговоры, общаться в городе.

— «Общаться в городе» — у вас невольно прорываются специфические термины.

— А вы как хотели?

— Читал он только на английском?

— В общем-то, да. Хотя просматривал какие-то вещи и на русском. Короче, сказать, что свободно владел русским — нет, нельзя.

— И на работе с вашими ребятами, «молодой порослью» — все беседы по-английски?

— Так для этого они к нему и приходили!

— А с вами как, вы же — «немец»?

— По-разному. К этому времени я уже завершал изучение английского языка. Говорили мы с ним и по-русски. Иногда по-немецки. Хочу рассказать об одном эпизоде, характеризующем его как человека с юмором. Надвигалось очередное торжественное мероприятие. Я его заблаговременно по телефону предупредил о том, что надо будет присутствовать на торжестве, надо соответственно одеться, так как соберется личный состав, руководство, молодежь. Имея при этом в виду, что он придет на встречу с наградами. А он не любил надевать награды. Люди разные — одни вешают все, что есть, а Ким — не очень. Я за ним приезжаю, смотрю — он празднично одет, но без орденов и говорит: «Видите, я не в спортивных брюках, надеюсь, я не подвел вас». Мне так неудобно стало! Пришлось оправдываться в отношении наград. Вот так, как бы и мимоходом Ким преподал урок деликатности.

— К тому же у видимо, он не любил всех этих торжеств?

— Не очень. Но снисходил, шел на это. У него не было такого тщеславия, что надо быть при полном параде везде и повсюду. Хотя награды были у него высокие — орден Ленина, орден Красного Знамени…

— Был ранимый?

— Не то чтобы ранимый… Очень тонко все воспринимал. Юмор у него был очень ироничный. Но это как раз подчеркивает, как Ким мог тонко показать нюансы, найти форму и слово, как обозначить свое отношение к человеку, к вопросу.

— А как он себя вел на этих официальных мероприятиях? Как подходил к начальникам? Как с ними общался?

— Дело в том, что подходил не он, а к нему. Я уже говорил, что во всех отношениях проявлялся его абсолютно естественный и достойный аристократизм. Во всем — в выборе знакомств, в разговоре с любыми чинами, в умении даже неприятное сказать таким образом, что ты воспринимаешь это не как науку, а как полезный урок.

— Вам общение с ним много дало?

— Еще как! Когда я с ним познакомился, я был уже достаточно сложившимся оперработником, отработал две

загранкомандировки. Но считал и считаю, что от каждого человека всегда найдется что взять. Это — тоже учеба. Ким всем своим поведением, отношением к людям демонстрировал, что такое человеческое достоинство, умение себя поставить и провести свою линию. Сделать это тонко, деликатно, никого не унижая — и в то же время четко и понятно. Это мне пригодилось в последующей жизни.

— А какие-то профессиональные советы вы от него получали?

— У Филби никогда такой задачи не стояло: обучать своих кураторов.

— Не помните, с вашими сотрудниками, кроме тех молодых ребят, которых он готовил к поездке, Филби как-то общался?

— Нет. Такого, чтобы он приезжал в Службу, по подразделениям ходил, нет. Это и не принято. Общение носило скорее церемониальный характер.

— Жалко, такие люди могут дать массу полезного не только молодым…

— Знаете, это судьба. Все, в той или иной степени повторившие путь Филби и его коллег, на нее обречены. Но жил он в Москве нашей, здешней жизнью. Все политические события внимательно отслеживал. Вот вам фрагмент, нашедший отражение в интервью Найтли: «Если бы со мной посоветовались, то я бы никогда не рекомендовал вводить войска в Афганистан».

— По тем временам очень смелое заявление.

— И о чем оно говорит? О том, что он постоянно следил за обстановкой, за внешнеполитическими шагами, за действиями Советского Союза. На мой взгляд, находясь в как бы заданных условиях, Филби *did his best*, то есть делал все от него зависящее и как можно лучше. Читая «Таймс» и решая кроссворды, он жил здесь, с нами, а не создавал для себя свою собственную маленькую Англию, не замыкался. Но, давайте откровенно, тут была и иная, рутинная сторона. Судьба всех людей, сменивших сторону баррикад, раз и навсегда предопределяется таким шагом. Как правило, от них получают всё, что можно, а потом говорят: «Получи полмиллиона или сколько и иди, живи, как хочешь». Здесь все зависит от того, что лежало в основе смены сторон. Если деньги или какие-то личные причины, то исход такой. В случае Кима, друзей его по Кембриджу — иное дело. Они-то все были идейными. Вот что главное. Даже от пенсий, пожалованных еще в военные годы, когда все они трудились в Англии, отказались. Хотя потом, в Москве, получали неплохое обеспечение. Впрочем, все это очень относительно. Но для сравнения можно сказать: содержание Кима было значительно выше пенсии советского генерала.

Филби пользовался большим уважением, и даже его оппоненты на Западе ничего не могут найти, чем можно было бы в этом плане его дискредитировать. Вот и приходится им запускать в оборот тезис о его невостребованности. Мы об этом уже говорили. Но давайте вспомним, в каком году он прибыл в Советский Союз из Бейрута.

— В 1963-м.

— Видите, 1963-й, и прожил в Москве, как он сам себя называл, гражданин СССР Филби двадцать пять лет.

— Меня впечатлила вычитанная где-то шутка Филби, что бóльшую часть своей жизни он был связан с СССР: жил здесь или работал в интересах нашей страны.

— Ким двадцать пять лет прожил в Москве. Поэтому, когда мы говорим о его профессиональной и оперативной востребованности, к этому надо подходить с пониманием — сколько всего за эти годы поменялось! И с точки зрения методологии, и организации работы, и психологии. Тут одно за другое цепляется. В 1930-е годы, когда он начинал работать с нами, разведка велась совсем по-другому. Не сказать, что была проще, но она была иной с точки зрения оперативной составляющей. Посылали друг другу сообщения с зашифрованными словами… Но было много положительного и тогда — вы бы посмотрели лаконичные доклады резидентов в 1930-е! И, конечно, нельзя забывать о политическом чутье Кима, его постоянном стремлении и умении быть в курсе текущих событий в мире.

— А если обратиться к жизни повседневной. Филби водил машину?

— Нет, за руль он не садился, пользовался служебной. Своей машины, по-моему, у него не было. На дачу Кима возили, дачу он очень любил. Руфина Ивановна, если не ошибаюсь, до сих пор ею пользуется.

— Одевался Филби, судя по фотографиям, со вкусом, но довольно скромно.

— Скромно-то скромно, но джентльменом он оставался всегда.

— Вещи с вашей помощью оттуда присылались?

— Да, твидовые брюки, джемперы и другие вещи, которые ему нравились. Помогали Киму чувствовать себя тут если не как в Англии, то, по крайней мере, в окружении привычных ему вещей и предметов — газета «Таймс», их английская горчица, еще какие-то значимые для него вещи… Многое для него делалось, выделялись специальные средства, и коллеги за рубежом для него все это приобретали.

— С кем из англичан своего круга он здесь общался? Я читал, что с Гаем Бёрджессом — никогда, считал, что тот своим бегством в Москву его крепко подставил, и до конца жизни он за это Гая не простил.

— Знаю по рассказам, что одно время он был очень близок с Маклином. Дружил с Блейком. Не было такого, чтобы оставался Ким человеком одиноким!

Понимаете, меня заботит не столько частная жизнь, сколько иное. Вот, вспомнились его ордена. Если оценивать в сегодняшних исторических критериях сделанное Кимом Филби, то его личный вклад в нашу победу над гитлеровской Германией в Великой Отечественной огромен. Информация его была бесценной! Когда я вошел в материалы, посмотрел внимательно его дело, то возникло ощущение несправедливости. Как же так, он столько сделал — и не Герой Советского Союза? Почему? Начал я доводить эту идею до руководства. Сверху объяснили, что время не то: 1987 год, может быть, Горбачев не хотел осложнений с англичанами. Так что поддержки эта идея не получила. И вдруг приходит от Крючкова документ, в свою очередь поступивший ему из приемной Яснова, тогда председателя президиума Верховного Совета РСФСР. И к нему: «Владимир Александрович, (это Крючкову) прошу рассмотреть приложенное письмо». В нем три харьковских студента пишут: как же так, такой выдающийся человек, внес великий вклад в дело победы — и не герой? Незадолго перед этим как раз прошло по телевидению интервью Филби с Генрихом Боровиком, и ребята, видимо, посмотрев передачу, пишут письмо — но почему-то Яснову. Но это и не важно, кому. Важно, что они поняли и пишут. А уж коли пошло обращение о присвоении таким путем, «из народа», то поступила команда — готовить представление. Мы начали готовить документы. Но в мае 1988-го Филби не стало…

— То же самое, почти слово в слово, только, конечно, без Боровика и Яснова, мне рассказывали про Абеля — Фишера: хотели, начали, не успели.

— Н-да, и посмертно тоже, как-то так не получилось.

— Почему? Ведь присвоили же звание Героя России посмертно нескольким атомным разведчикам — Лоне Коэн, Яцкову, Квасникову.

— Да, тем более в 2012 году — столетие Филби. Вполне достойный повод!

— Вы провожали Филби в его последний путь. Все действительно случилось как-то внезапно? По крайней мере, английские и французские газеты писали о неожиданной кончине.

— Так и было — тайны никакой нет. Филби лежал на обследовании у нас в госпитале. Палата люкс, все как положено, он один. А у него уже дома случались потери сознания — и такое случилось в госпитале. Потерял сознание, упал и все… Если бы был в палате кто-то второй, вызвал бы доктора.

Причем не сказать, чтобы был он до этого в тяжелом состоянии. Нет, проходил обычные процедуры. Все шло нормально, он говорил, что полежит еще несколько дней и выпишется. Руфина Ивановна у него была и потом признавалась, что было у нее какое-то тревожное ощущение, сжимало сердце, и она хотела остаться. Ким сказал: нет, нет, поезжай, отправил ее. А наутро звонок — Ким ушел из жизни.

— Похороны были закрытые?

— Похороны были событийные. Много людей было в ритуальном зале и на Новокунцевском кладбище. Могила на самом взгорье. Холм, возвышение, сосны и обелиск. Упокоился он в Москве, практически по его завещанию.

— А на похоронах — только ваше начальство или приезжали и другие люди? Год 1988-й — некое перепутье.

— Были от нас представители руководства во главе с генерал-лейтенантом, так называемые «расшифрованные» — несколько десятков человек. Приехали из Англии сын и дочь с мужем. Руфина Ивановна, ее родственники — близкий круг.

— И узкий. Но я все-таки о своем. Вот вы говорите, не было одиночества. А я однажды, в первый и последний раз, встретился с Героем России Моррисом Коэном, когда жены его Лоны уже не было — и мне показалось, что он грустит страшно.

— Но это свойственно человеку. Вот мы с вами люди одного поколения шестидесятилетних, но у нас уже есть уходы друзей, и сколько еще всего неизбежного надвигается… Сверстники Филби уходили. Людей вокруг оставалось меньше.

— Знаете, после разговора с вами я еще больше укрепился во мнении: все основное Кимом Филби было сделано там, далеко отсюда.

— Конечно. Он — разведчик. И его разведывательное дело было сделано до ухода из Бейрута. Даже в Бейруте, по-прежнему работая, в меру сил нам помогая, он был, как мы говорим, практически в законсервированном состоянии. Конечно, оставался рядом с политикой, был журналистом, еще где-то и чего-то… Но сравните со Штатами, когда в 1949—1951-м он работал представителем СИС. А потом его вызвали в Лондон, выразили ему недоверие. К тому времени основная часть его работы уже была совершена.

— Это судьба разведчика — сделать два, может быть, три

дела?

— Можно вообще сделать одно дело. Ведь многие дела в разведке сделаны, они зарезультированы, они заархивированы — и всё. И никто не знает об этом! Люди спокойны. Кто на пенсию ушел, кто из жизни — и никто ничего. Знают только то, что становится достоянием общественности, печати. Тогда уже идет ранжирование, у кого подвигов больше.

— У Филби полтора десятка лет такого горения, такой отдачи и таких подвигов — и потом тоже, конечно, не доживание, не угасание, но уже другая, совсем иная жизнь.

— Вы поднимаете очень интересный философский пласт. Это важная задача — показать, что, во-первых, даже в такой очень специфической сфере есть место и горению, и решению высших задач. Что же касается Кима Филби, есть еще один аспект: ему никто, в том числе и на Западе, не может предъявить претензии, что он работал за деньги. Такой ореол чистоты, романтизма в отношении к стране, для которой десятилетиями работал, в которую верил!

Наука от Кима Филби

Однажды у меня дома раздался вечерний звонок: на трубке — мой давний приятель, с которым мы, идя разными жизненными путями, изредка общаемся. Поговорили о том о сем, и вдруг:

— Видел по телевидению передачу о разведке. Согласен с вашим выступлением — таким, как Ким Филби и Рудольф Абель, надо присваивать звание героя. Пусть сейчас, пусть завтра — если опоздали сделать это при их жизни!

— А почему вас это так взволновало? — удивился я.

И после долгой паузы услышал:

— Ким Филби учил меня азам разведки…

Мы встретились, и мой собеседник был достаточно откровенен. По понятным причинам имени этого старшего офицера Службы внешней разведки, пусть и ушедшего в отставку, называть не буду.

— Давайте начнем с понятного и очевидного. Где проходили занятия с Филби?

— Как правило, на одной и той же квартире нашей Службы в центре Москвы — на улице Горького.

— Что это была за учеба? Практические задания, теория?

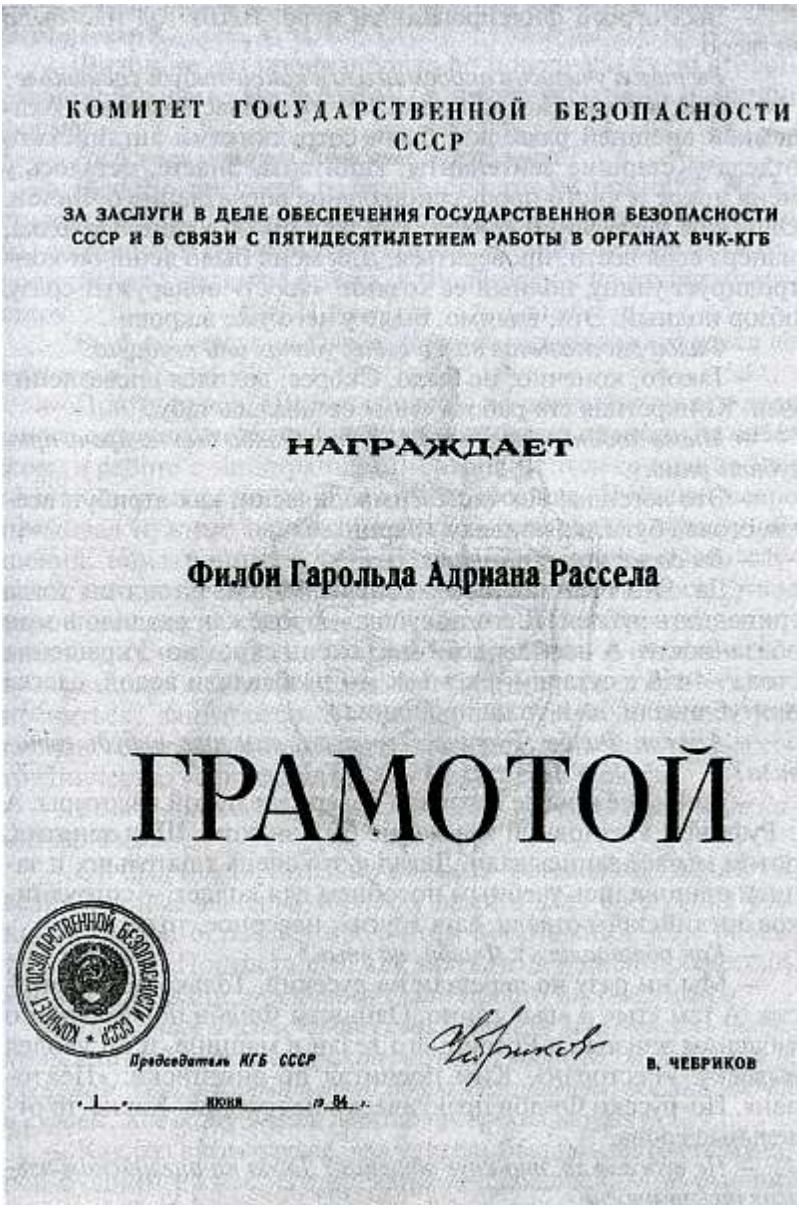
— Тут была своя система. Заранее объявлялась тема, и мы к ней готовились. Естественно, начиналось с теории. Давалась общая картина. Ну и обязательный элемент — практические занятия. То, что сейчас называется «ролевые игры». Кто-то из нас играл роль дипломата или журналиста, или коммерсанта. А Филби, соответственно, выступал как сотрудник британского МИДа или спецслужбы…

— Как часто проходили такие встречи?

— Я бы предпочел называть их серьезными занятиями. Раз в неделю, с сентября по май-июнь, в конце недели, с трех до шести. Задания были разные — познакомиться, понравиться, получить информацию, убедить…

— Сколько ваших коллег приходили к Филби?

— Был строго фиксированный курс. В тот год нас было четверо.



КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

ЗА ЗАСЛУГИ В ДЕЛЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР И В СВЯЗИ С ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ РАБОТЫ В ОРГАНАХ ВЧК-КГБ

НАГРАЖДАЕТ

Филби Гарольда Адриана Рассела

ГРАМОТОЙ

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

Председатель КГБ СССР В. ЧЕВРИКОВ

«1» июня 1984 г.

— *Вы тогда учились в академии или в какой-нибудь спецшколе?*

— Нет, все мы уже окончили то, что сейчас называют Академией внешней разведки, были сотрудниками английского отдела — старшие лейтенанты, капитаны. Знаете, осталось у меня яркое и чисто профессиональное впечатление о Филби. Однажды я случайно увидел, как шел он по улице. Походка, манера себя вести, проверяться. Для меня было ясно: он контролирует улицу, полный ее хозяин, «хвост» обнаружит сразу, обзор полный. Это, видимо, было у него уже в крови.

— Филби рассказывал вам о своих удачах или неудачах?

— Такого, конечно, не было. Скорее, делился впечатлениями. Конкретная его работа «там» оставалась табу…

— Много ходит легенд о том, будто Филби был не прочь пригубить рюмку.

— Это легенды! Но чисто символически, как атрибут, всегда стояла бутылка коньяку «Варцихе».

— Вы даже марку помните?

— Да. Это был любимый коньяк Филби. Стоил он тогда тринадцать рублей. Я его покупал — вроде как входило в мои обязанности. А вообще всё было очень скромно. Украшение стола — чай с сухарями, коньяк мы разбавляли водой, слегка пригубливали, да и то на прощание.

— А жена Филби, Руфина Ивановна, вам что-нибудь готовила?

— Чай и всё прочее готовили содержатели той квартиры. А с Руфиной Ивановной я даже не был знаком. Шли занятия, потом мы всё записывали. Делал я это очень тщательно, и записи становились учебным пособием для коллег — сотрудников английского отдела, да и других, наверное, тоже.

— Как обращались к Филби, на «вы»?

— Мы ни разу не перешли на русский. Только по-английски. А там «ты» и «вы» едино. Однажды Филби поведал нам о забавном эпизоде в России: его везли в машине, и он увидел вывеску: «Ресторан». Ким прочитал по-английски: «Пектопан». По-русски Филби практически не говорил. Какие-то отдельные слова.

— Не сужало ли это круг общения? Тогда на английском изъяснялись немногие.

— В нашем кругу говорили все, хотя, конечно, круг общения оставался узок. Но Филби был погружен в язык и культуру западного мира. Получал свежие британские газеты, родственники присылали ему книги. Англия осталась частью его жизни — он с ней не расставался.

— Чувствовалось ли, что некоторые наши советские дела ему претят?

— Филби не раз иронизировал по поводу каких-то сторон советской жизни. Но всё это — в интеллигентной, изящной форме.

— Не боялся, что вы донесете, настучите?

— Нет! Во внешней разведке стучать не принято. Не та специальность. В круг обязанностей это не входило. Все-таки мы считались и считали себя элитой, «белой костью». Да и относились мы, зеленые ребята, к Филби как к настоящему мастеру.

— Вы были учеником Филби. Пригодились ли вам его уроки на практике?

— Пригодились. Школа общения со знатоком своего дела много значит. А мне уроки Филби особенно помогли за рубежом, в работе с иностранцами. Важны не только знание или незнание языка, но и неуловимые нюансы. Учитель щедро прививал нужные навыки, деликатно поправлял манеру общения. Учил понимать собеседника, внимательнее его слушать, конкретнее формулировать собственные вопросы. У нас надо чувствовать, с кем и как беседовать. Постепенно подводить к тому, что, в конце концов, интересует — а иногда и сразу переходить к сути дела. Задачи тут разные: не отпугнуть, понравиться, заинтересовать на первом этапе. А когда уже познакомились, заставить, вернее, подвигнуть человека на сотрудничество «с представителем Советского Союза».

— Если я попрошу вас назвать какие-то отличительные качества Филби…

— Он был исключительно волевым человеком! Редкий ум, великолепные манеры, хорошая память. Для всех своих учеников Филби оставался предметом восхищения, а не объектом анализа. Портрета его, как принято в нашей профессии, мы не составляли, поскольку были просто им очарованы.

— Но в книге Филби «Я шел своим путем» мне довелось наткнуться на любопытные характеристики, которые он давал вам — ученикам. Они исключительно доброжелательны, однако подчас и суровы. Кое-кому Филби просто предрекал неудачу.

— Как раз в том случае, где учитель был по-настоящему суров с одним из нас, его предвидение сбылось. Мой бывший коллега сорвался, и не на какой-то подстроенной чужой спецслужбой передряге. Дал волю эмоциям и вынужден был покинуть страну. Хороший был парень, но уж чересчур влюбчивый. И надо же ему было без толку приударить за одной дамочкой… Это лишний раз доказывает прозорливость Филби. Нечто подобное — правда, не столь примитивное — он косвенно, но предсказывал. А к тому, что преподаватель будет давать оценки, я, как и все мы, относился спокойно. Меня и мои возможности он тоже оценил точно — теперь-то, десятилетия спустя, я могу судить о том беспристрастно. Филби и Лонсдейлы получаются далеко не из каждого. В жизни разведчика полно того, чего, к счастью, нет и обычно не бывает у людей иных, более простых профессий.

— Как сложилась ваша судьба после уроков Филби?

— Я, скажем так, попал в политическую сферу, работал за границей — несколько долгосрочек. Не провалился и никого не

подвел. Дослуживался до определенного звания.

— Что принесла вам эта работа?

— Главное — интерес, понимание многих проблем. Ты выполняешь обязанности по собственному прикрытию, например, вкалываешь в посольстве-торгпредстве. Плюс делаешь еще гораздо больше для разведки. Я бы не рискнул заявить, что это занятие для публики со средними мозгами и слабой физической подготовкой. У нас было так: если дипломат — трудись в дипломатических рамках, журналист — в журналистских… Интенсивность труда — страшнейшая. Контактов — больше. Психологическая устойчивость — тверже. Вот что требовалось.

— Почему вы ушли из разведки?

— Сложный вопрос. Трудно объяснить… Не уверен, поймете ли. Ушел я на заре «перестройки». Оценка результатов работы тогда стала чересчур формальной. Велась, на мой взгляд, по не совсем верным показателям. Какие-то чисто количественные данные. Проценты — как на производстве или «голы, очки, секунды», что, по-моему, неправильно. Стало скучно. Пошла бездушная система. Многие работали или вхолостую, или на показуху. Будни в разведке становились все менее интересными — она тогда отставала от новой реальности. Да и захотелось пожить одной жизнью. Две — тяготили и меня, и семью.

— Семья догадывалась?

— Знала. И поддержала в решении. Я мечтал заняться большим делом.

— Навыки, приобретенные во внешней разведке, судя по всему, помогли эти большие дела свершить. Пост вы теперь занимаете немалый.

— Нормальный. Образование мы получали великолепное — естественно, помогало. Нам было как бы дозволено быть впереди других. Мы еще тогда читали книги, о которых многие узнали только недавно, а о некоторых и сейчас не слышали. Молоденький лейтенант, если хотел, мог приобрести массу знаний. Одно общение с Филби чего стоило…

— Говорят, из КГБ не уходят. Все равно ведь остаются прежние связи. Как и обязательства…

— Тут я должен повторить прописную истину: внешняя разведка — не КГБ. Отставка — и с тех пор ни единого контакта. Хотя и у нас, и на Западе действительно бытует мнение, будто из разведки не уходят, мол, «бывших разведчиков не бывает». Это — заблуждение. Я ушел сам.

— Не жалеете о времени, которое провели в той жизни?

— Жалеть о чем-либо вообще глупо — поскольку бесполезно. И о чем, собственно? Я за этим туда и шел: увидеть тайные

пружины, которые движут многим. Попутешествовал вволю. Но я сам делал выбор: пришел и ушел. А что не вышло из меня профессионала уровня Кима Филби… Такие, как он, рождаются нечасто.

Уроки мэтра

Этот интеллигентный, седовласый, явно преуспевающий в жизни человек — один из тех, кто вполне заслуженно считает себя учеником Кима Филби. В книге Филби «Я шел своим путем» и сам Ким выделял его из остальных молодых — тогда — подопечных. И оценки ему всегда ставил высокие, и характеристику дал блестящую.

Вылетев из-под крылышка великого Филби, он поработал в Англии, потом, увы, был вынужден покинуть страну вместе с большой группой советских дипломатов, разведчиков, журналистов, выданных предателем.

Его отношения с Филби и его супругой Руфиной Ивановной сохранились. Перешли из профессионального разряда, ученик — учитель, в товарищеские, даже, как мне видится, в дружеские. Полковник в отставке сегодня немало делал и делает, чтобы память об учителе стала достоянием не только узкой профессиональной группы соратников. Считает, что свершенное Кимом Филби — это великий подвиг, о котором обязаны помнить. По-прежнему, вот уже много лет, помогает супруге Филби Руфине Ивановне Пуховой. В его архиве сохранились редчайшие документы, касающиеся жизни разведчика в Советском Союзе.

Этот монолог полковника я не сопровождаю ни комментариями, ни оценками. Привожу его без особых купюр и редакторских правок.

Как «приоткрыли» Филби

Мне трудно говорить о том, что было до 1975—1976-го. Познакомились мы с Филби именно в эти годы. Да, до того времени над Филби — завеса секретности. Даже для своих. Его оберегали, обеспечивали безопасность. И в принципе это понятно.

Но как же возникла в Москве мысль использовать профессиональные знания Филби, прикрепить к нему молодых сотрудников Службы, которым предстояло работать в Великобритании? Я был знаком с Филби с того первого момента, когда родилась сама идея. Ее автор — полковник Михаил Петрович Любимов. Сейчас он — писатель, часто выступающий по телевидению, дающий профессиональные комментарии по разведке. По меркам того консервативного времени, он был прямо-таки либералом по сравнению с большинством руководителей нашей Службы. А со стороны внешней

контрразведки не против этого был Олег Калугин, человек теперь по печальному, неприятному поводу многим известный. Неприятно даже произносить его фамилию. Но для Филби он кое-что сделал. Насколько знаю, это они вместе с Любимовым решили «приоткрыть» глубоко запрятанного Кима.

Инициатива заключалась в следующем: провести встречу нескольких молодых работников Службы с Филби на конспиративной квартире на Тверской, тогда улице Горького.

Собрали группу. Мы, ребята молодые, волновались. Вошли, представились Киму Филби, пожали ему руку. И первым вопрос Филби задал, может, и от волнения, как раз я: «Кем вы хотели стать, когда поступили в Кембриджский университет?» Ким улыбнулся: «Хороший вопрос!» С этого и началось. Получилось нечто вроде пресс-конференции. Интересно и познавательно.

Так и зародилась идея регулярно проводить такие вот, назову их, семинары. Занимался всем этим Михаил Петрович Любимов. Отобрали трех молодых сотрудников политической линии из английского отдела, в число которых попал и я. Плюс с нами «дядька-куратор» — оттуда же. Он, постарше и в ранге начальника направления, обязательно присутствовал на семинарах, а согласовывались все эти встречи и время занятий с контрразведывательным подразделением нашей Службы. И никто нашей линии политической разведки не мешал.

Самое первое занятие состоялось вскоре после дня рождения Кима — он родился 1 января. Нас с Юрой Кобаладзе, впоследствии ставшим руководителем пресс-бюро СВР и генерал-майором, отрядили искать подарок. Помните, каким небогатым был тогда выбор в Москве? Выполняя ответственнейшее поручение, мы обрыскали полгорода, сбились с ног и наконец где-то на Арбате, перед закрытием магазинов, с отчаяния купили настольные часы из самоцветного камня типа малахита. К изумлению, Ким оказался абсолютно счастлив подарком. Может быть, это недоступная нашему разумению высочайшая британская вежливость, засомневались мы? Истинную причину мы узнали, лишь попав к Филби домой: часы гордо отстукивали на ломберном столике из точно такого же камня. Так зарождалась чуть ли не телепатическая близость между Кимом и его учениками, о которой он впоследствии писал в письме одному из них.

Пикадилли на улице Горького

Мы заранее определяли какую-то тему: предположим, работа по парламенту, общение с прессой… Ким готовился всегда

тщательно.

Руфина Ивановна потом поведала мне, что муж перед этими встречами волновался. И понятно почему. Для него это было очень важно. Он повторял: я приехал в 1963-м из Бейрута, будто переполненный котел. Не знал, как мне поделиться всей той информацией, которая у меня имелась. Думал, вот я в Москве, со мной будут встречаться, стану рассказывать и рассказывать всё, что знаю про английские и американские спецслужбы.

Но период этих, как мы их называем, дебрифингов оказался довольно коротким, да и формальным. Не мне судить, что там происходило в 1963-м. Оказалось, детали, подробности, все те данные, которыми обладал Филби, никого не интересовали. Как у нас говорят — всем было до лампочки.

Не могу этого понять! Возможно — подчеркиваю — возможно, в ту пору коллеги считали, что они всё знают и без Филби. Дали ему солидную пенсию, окружили вниманием, быт наладили — и уже хорошо.

Так же отнеслись к приехавшим раньше, еще в 1951-м, Гаю Бёрджессу и Дональду Маклину. Да, наверняка беспокоились за их безопасность. Но послать двух англичан в первый же год пребывания в незнакомой стране в провинцию да еще определить на далекие от разведки должности…

Считали отработанным материалом? Или никому в голову не приходило, что эти трое, а Филби особенно, являются ценнейшими источниками информации? Может, в ту пору не было у нас еще настоящих специалистов по дебрифингу?

Житье Филби в Москве в первые годы объясняет многое. Почему он тогда стал пить? Приехал, огляделся, увидел, что вокруг. Вы представьте: человек всю сознательную жизнь положил ради нас! Сражался за мировой коммунизм. Сколько совершил в войну и после. И вдруг Москва, 1963-й, обеспеченное существование и пагубное для него бездействие. Никогда не был Ким трезвенником, как и все англичане, потреблял алкоголь. А сэр Алекс Фергюссон, который столько лет главным в «Манчестер Юнайтед»? Он что — не поддает? Но руководит великим клубом, сидит себе прекрасно на тренерском месте. А у Кима основные неприятности в этом плане начались здесь. Руфина, на мой взгляд, героиня: спасла его от бутылки. Вот какую надпись по-русски нашла Руфина Ивановна после его кончины на папке с рукописью: «Если бы Р. Ив. убила меня, я подтверждаю, что довольно причин для этого… К. Ф.». (Передаю ее буквально, сохраняя стиль автора.) А Руфина помогла мужу избавиться от алкогольной зависимости. Слава богу, что пришло спасение.

В первые годы в Москве Филби никуда не пускали. В разведку

— тоже. Иногда кто-то к нему приходил. Хотя, да, были билеты в Большой театр, машина, поликлиника…

Поначалу он из своего переполненного котла писал записки, меморандумы. Но они никуда и никому не шли. Вкалывал, создавая труды, которые никто не читал. Я сам от него это слышал.

Конечно, были у него кураторы. Но и что из того? Они-то что могли поделать? Да ничего. Общее настроение даже не в Службе, а в стране, попавшей в застой, такое, что ничего не надо. Вот уж застой, так застой…

Потом была встреча с Юрием Владимировичем Андроповым. И она, если не ошибаюсь, пусть всего и единственная, многое изменила. Жаль, произошло это не сразу после приезда.

Его стали привлекать к консультированию по линии активных мероприятий, и Ким был этим очень увлечен. Давали сложные вещи на рецензирование, и Филби писал свои точнейшие рекомендации. Однако годы уже катились ко второй половине 1970-х, и сколько же лет потрачено впустую.

Чуть позже специальным распоряжением Андропова его приравняли по содержанию к старшему офицеру, насколько знаю, к полковнику (а потом и к генералу. — Н. Д.). А он всю жизнь считал себя аттестованным офицером КГБ. Но никогда им не был. Могу здесь, конечно, ошибаться. Пенсия требовалась не только ему. Это чтобы потом, после ухода, была хоть как-то обеспечена жена Руфина, которая, отказавшись от всего ради мужа, была с ним постоянно. Но все шло медленно, не сразу.

Филби как-то на лекции для высшего руководства Первого главного управления обронил с сарказмом: у меня были официальные пропуска в штаб-квартиры семи ведущих спецслужб мира. Наконец, после сорока трех лет службы советской разведке я проник в восьмую по счету — мою родную.

К этому моменту он — уже 14 лет в Москве. Да, с ним поступили так. Выкручивайся, как можешь.

Насколько известно, Гай Бёрджесс закончил печально. А Дональд Маклин нашел себя: писал книги, научные работы, лекции… Помню, когда мы учились в специальном заведении, изучали его изданную в Москве монографию «Внешняя политика Англии после Суэца». Маклин сумел всё преодолеть! Превратился в крупного ученого и под псевдонимом С. П. Мадзоевский создал немало ценного. Мог бы проявить себя и такой яркий, исключительно талантливый человек, как Бёрджесс. Ведь в ту пору Англия с точки зрения политологии была изучена у нас слабо, мало кто исследовал английскую политику. Я писал диссертацию по англо-американским отношениям в Институте

США и Канады в 1980-е годы и по собственному опыту знаю, насколько мало специалистов по этой стране, как немного политологической литературы о Британии у нас тогда издавали.

Хотя какая европейская держава может быть важнее Англии? Еще Суворов говорил: «Англичанка гадит». И на протяжении веков Британия оставалась, остается и останется главным нашим антиподом в Европе.

Начались затем у Филби поездки за границу. Болгария с Венгрией и ГДР беспокойства не вызывали, туда спокойно добирались на поезде. Но вот в 1978 году они с Руфиной отправились на Кубу. Это было уже сложнее: пассажирский теплоход делал остановки в «неприятельских портах». Самолет исключался с самого начала. В конце концов — поплыли на сухогрузе без остановок, прямо до Гаваны.

У Филби в Москве, к счастью, появились новые увлечения. Он, всю жизнь болевший за лондонский «Арсенал», приобщился к нашему футболу и хоккею. Ходил — правда, с сопровождающими — на стадион. В 1978-м встречался с победоносной хоккейной сборной СССР — проникся незнакомой раньше игрой. Потом был на встрече с «Динамо», где с ним беседовали тренер Юрзинов, великие игроки Мальцев, Васильев. Ясно, что болел за динамовцев — а за какую же еще команду? Он рассказывал молодым ребятам какие-то понятные им эпизоды из своей жизни, желал удачи. Хорошо, стали его использовать хоть так.

А до этого: хочешь поехать в Ярославль? Давай, поезжай, мы и экскурсию организуем. Но он-то — человек любознательный, но совсем не турист, не любитель праздных экскурсий. Считал, что мог бы многое дать людям своей профессии.

Существуют мнения, будто недоверчивому отношению к Филби есть определенные объяснения. В военные годы, да и после войны, возникали в личных делах Филби и его друзей некие записи. В войну его, давшего точные данные о грядущей битве на Курской дуге, вдруг упрекнули в снижении активности и результативности. В 1943-м вообще заподозрили в Филби агента-двойника. Люди серьезные писали рапорты! Даже Зоя Рыбкина-Воскресенская, известная наша разведчица, затем писательница… И не одна она, была и другая дама с польской фамилией — майор ГБ Елена Модржинская. Доказывала со времен войны, что агенты из «Кембриджской пятерки» — подставы, и докладывалось это наверху. А раз докладывалось, то, значит, всё копилось и лежало. Ставили на контроль. Но вскоре всё возвращалось на свои места, с контроля снимали.

Наверное, не было разведчика, особенно перед войной, которого бы не подозревали то ли в предательстве, то ли еще в

чем. Раздражала постоянно меняющаяся информация о дате нападения Гитлера на СССР Ведь сколько было получено сообщений! Сроки действительно разные, однако изменялись в зависимости от обстоятельств. Поди разберись в той предвоенной жутчайшей каше. И в работе Филби тоже случалось, что не всё точно, в указанный день.

Учитывайте и менталитет, в те годы господствовавший: подозрительность тотальная, да еще сообщают не кто-нибудь — англичане. А они же наши заклятые…

В «Автобиографии» Филби есть один совершенно потрясающий маленький момент, точно воспроизводящий всю существовавшую паранойю. Где-то в 1930-е годы Филби встречается со своим оперативным руководителем Теодором Малли. И тот его спрашивает: правда ли, что погиб знаменитый английский разведчик Лоуренс Аравийский? Этот вопрос задается спустя несколько лет после смерти Лоуренса. Почему? Все же абсолютно очевидно. Но вопрос советского разведчика, работавшего с Филби, типичен: нам не верится… Филби объясняет, что Лоуренс разбился на мотоцикле, похоронен там-то. И снова вопрос: а это правда, что он похоронен?

Паранойя — на этот раз наша по отношению к англичанам, которые «способны на всё». Хотя, уверяю с неменьшей гарантией, что точно такая же паранойя у англичан по отношению к нам. Меня они, к примеру, как-то спросили: «А что, жена у вас тоже полковник спецслужб?» Они до сих пор не верят, что я уже давно не в разведке. И, знаете, почему? Потому, отвечают, что и Филби в своих мемуарах, и Гордиевский в написанной с Кристофером Эндрю книге так вас хорошо характеризовали, что не могли вас отпустить из органов. А один знакомый отставник из европейской спецслужбы, с которым мы контачили по бизнесу, с ужасом рассказал: «Ты не поверишь, у них в черных списках полно ваших покойников, то есть тех советских (российских) разведчиков, о смерти которых официально сообщалось!»

Об этом еще писать и писать. Со времен Ивана Грозного — взаимное недоверие. Они боялись большущей России, старались ее раздробить, разделить. Англичане — выдающиеся прагматики, исходя из своих национальных интересов вступают в самые неожиданные альянсы, в том числе для того, чтобы нас придушить. Хитрят, пытаются дурить.

Ну какой из Филби двойной агент?! Он — на редкость целостная натура. Человек порядочный, честный. Еще до войны дал клятву работать на коммунизм и клятве этой не изменил до конца. Уже после того попал в английскую разведку. Хочу подчеркнуть: сначала — наша разведка, потом вскоре — клятва

верности нам, затем — их разведка, а не наоборот! (В этой связи вызывают отвращение попытки «косить под Филби» Олега Гордиевского, который присягал на верность одной стране, СССР, а потом переметнулся на другую сторону.) Кое-кто из друзей Кима, работавший на СССР вместе с ним, тот же Энтони Блант, со временем сошли с дистанции — 1945 год, война закончилась, и они честно заявили: мол, помогали победить общего врага — фашизм, а теперь — всё, штык в землю. Филби же оставался с нами всегда. И когда до войны из-за сталинских репрессий чуть не полтора года не было связи «пятерки» с Центром. И когда его считали двойным агентом — он всё равно продолжал служить своему делу.

В 1963-м в возрасте уже за пятьдесят Ким приезжает в Москву. Видит и понимает всё. Да, с горя стал пить. И потом, когда слышал все эти брежневские «дорогггггие товааррищи» и видел затяжные лобзания генсека с соратниками, он, по словам Руфины, чертыхался. Но не отрекся. Застой, брежневщина — и Филби определяют чуть не в диссиденты. Но правда всегда пробивается, пусть кто-то хочет, кто-то нет, но Ким Филби уже стал легендой, он — герой. И совсем не британский, а наш и только наш. Его ноша была тяжела, и Ким до конца пронес ее с достоинством.

Ким неплохо воспринял «перестройку», еще больше воспрянул духом, однако уходила эпоха, которая была и его эпохой. И он ушел с ней. Это чисто английское качество. За преданность, за упорство и веру англичан любят у нас еще со времен диккенсовских романов. Или если не любят, то уважают: есть в них эти принципиальность, честность, джентльменство. Эти качества помогли ему прожить жизнь так, как он хотел.

Он не предавал соотечественников. Очень многие на Западе считают Филби предателем. Но Филби никогда не работал против Англии. И нас он учил работать не «против Англии», а «по Англии». Филби повторял, что ни один англичанин, подчеркиваю — англичанин, не погиб по его вине или в результате его действий. Он работал «по Англии» — это все пропускают мимо ушей. У него был другой подход к разведке.

Да, уничтожались агенты, например, в Албании. И Филби дал на это ответ британскому журналисту Филипу Найтли: «Сожалений возникать не должно. Да, я сыграл определенную роль в срыве разработанного Западом плана по организации кровавой бойни на Балканах. Но те, кто задумал и спланировал эту операцию, допускали возможность кровопролития в политических целях. Агенты, которых они отправили в Албанию, были вооружены и преисполнены решимости осуществлять акты

саботажа и убийства. Поэтому я не испытывал сожаления, что способствовал их уничтожению, — они знали, на что идут».

Или в Турции, когда арестовывались переходящие через советскую границу диверсанты из различных диаспор. Их же отправляли бороться против своих соотечественников в Армению, Грузию и в другие республики!

Вывезли из Стамбула предателя Волкова, предложившего услуги англичанам. Догадываюсь, какая его постигла участь. Но Волкова к британцам отнести сложно — а перейди он на чужую сторону, сколько бы людей было арестовано, казнено!

Прямой канал

«Я чувствовал, что мои идеалы и убеждения, мои симпатии и желания на стороне тех, кто борется за лучшее будущее человечества, — так писал Ким в книге «Я шел своим путем». — В моей Англии, на моей родине, я тоже видел людей, ищущих правду, борющихся за нее. Я мучительно искал средства быть полезным новому обществу. А форму этой борьбы я нашел в своей работе в советской разведке. Я считал и продолжаю считать, что этим я служил и моему английскому народу».

Быть может, звучит несколько идиллически. Но был он идеалистом, романтиком, искренне верящим в новое и чистое будущее. В первые годы жизни в СССР он был разочарован, но не сломлен. Оставалась вера, которая и помогла.

В этом высказывании Кима Филби — целая философия разведки, ее главный постулат. Так считали и мы, в этой области человеческой деятельности занятые, преданно в ней работающие. Вот общаются дипломат с дипломатом. Но информация, получаемая представителями двух разных стран, все равно не та, что идет через разведку. Она приукрашена, в ней немало чисто дипломатических экивоков. Поэтому с незапамятных российских, потом советских, а сегодня вновь российских времен посла слушали с меньшим вниманием, чем резидента. Разведка — более прямой канал для доведения куда требуется необходимых твоей стране сведений.

И наиболее умные англичане, включая видных политиков, в первую очередь лейбористской, да и консервативной партий, порой сознательно шли на контакте нашим резидентом или оперативным работником. То, что они хотели, и то, что им надо было побыстрее довести до нашего руководства, доводилось именно так. Это — первый момент.

Момент второй: разведка способствует прозрачности. Если кто-то что-то друг от друга скрывает, если разведка узнает нечто

о переговорах, ведущихся не совсем так или совсем не так, как сообщают чужие дипломаты, то разведка помогает донести правду до высшего руководства. И тогда уже лидеры стран, получившие информацию от разведки, обращаются к своим зарубежным оппонентам: мол, что же мы тут друг другу морочим голову. Таким образом, разведка способствует и прозрачности, и откровенности в отношениях.

Я вам по своему опыту скажу. Слышал от тех же видных английских политиков: «Догадываюсь, кто ты. И говорю это тебе потому, что уверен: это скорее дойдет до нужной нам ступени вашего руководства». В политической разведке, или линии ПР, не так уж много каких-то военных секретов. Она скорее важна для общего понимания происходящего, для доведения озабоченности в каких-то сугубо политических делах. Она — тот посыл, из которых и состоит большая политика. И обе стороны это понимают.

Десант из Ясенева

По пятницам мы ездили на улицу Горького из Ясенева. Собирались часа в четыре. Нам выдавали деньги, и мы покупали бутылку коньяку — либо грузинский «Варцихе», либо армянский «Ани». Брали какое-то печенье и шли на конспиративную квартиру. Ее хозяева нам открывали, мы старались прийти пораньше учителя.

Чтобы предупредить все вопросы, скажу, что коньяк мы сильно разбавляли, получалось нечто вроде бурбона, и вот так впятером — три слушателя, «дядька» и учитель — его потихонечку потягивали.

Ким всегда курил свой любимый «Дымок». Дешевый и крепкий, он напоминал ему французские «Голлуаз» или «Житан» — черный необработанный табак. А когда привозили из зарубежья эти французские, бывал он очень доволен, надолго их растягивал.

Несколько раз мы наблюдали, как он шел на занятия. Король улицы! Видел всё и всех на 150 градусов. Человек идет, гуляет, но обзор — отличный, не видит только за своей спиной. Всё замечает. Для профессионалов, которые это понимают, в этом и артистизм. Может ходить вот так, чтобы всё оставалось под полным контролем, годами выработанная привычка, которая раньше спасала.

Занятия — по два-три часа. Филби рассказывал о теме так, как она ему виделась. Смотрел в свои записи, по ходу иногда делал какие-то пометки. И после этого начинались практические

занятия. Своеобразные ролевые игры. Что он нам давал — даже трудно передать.

Говорил, что разведка — гигантский аналитический труд. И еще — интенсивнейшее общение с людьми и якобы ни о чем. Он предупреждал нас обо всех сложностях, о предубеждениях и вероятных ошибках.

Если я расскажу, в чем состоял в Англии мой рабочий день, то понятно станет, что все рассказанное Кимом сбылось. Несколько обязательных часов работы с газетами. Масса встреч с самым разным народом. И только потом все это перерабатывается в голове и появляется некая информация.

Серьезное задание тебе дают очень редко. Не каждый день ты считываешь метки и закладываешь тайники. И наружное наблюдение за тобой далеко не каждый день. Посчитать — так несколько раз в месяц или какими-то волнами.

Жизнь идет потихонечку, но тебе что-то обязательно надо, ты обязан давать результат. Понимаешь, что ты находишься в целом под чужим наблюдением, а как иначе?

Отсюда внутренняя настороженность и постоянная оценка людей вокруг тебя. Потому разведчик все время под определенным стрессом. Филби об этом знал, как никто другой. О чем-то говорил в шутку, но так, что мы понимали всю серьезность ситуации, о которой учитель конкретно предупреждал. О таком не прочитать ни в каком учебнике — он рассказывал нам о вещах, о которых нам было нигде не узнать.

У Филби было великолепное чутье. И помимо всего — это было общение на хорошем английском языке с представителем английского истеблишмента, с профессионалом разведки.

Да, возможно, сведения были чуточку устаревшие. Но учитель доносил до нас основу основ.

Иногда на семинарах я чувствовал, что учитель переживает. Особенно в тот раз, когда из Англии приехал в отпуск известный разведчик. Гордился наш коллега тем, что хлопал по плечу британского министра, а лейбористы принимали его с распростертыми объятиями. Пригласили залетного гостя на наши занятия, он согласился «давайте, пойдем», и мы, предупредив Кима, пришли к нему со «звездой разведки». И стал гость рассказывать о том, что говорится и происходит в Лондоне сегодня, сейчас. У Кима отвисла челюсть. Я прямо ощущал его волнение. Потом он признавался: я этого вообще не знаю. К примеру, затронули новые методы слежки, и Филби заметил, что «в наше время такого не было».

Филби задумался: «Что же я могу вам дать?» И стал еще тщательнее готовиться к семинарам.

Мы учились вести беседу, общаться с англичанами из различных слоев общества. Филби разыгрывал из себя то журналиста, то разведчика, то вдруг преображался в бизнесмена или дипломата. И мы тоже пытались за ним тянуться, вживаться в образы.

Филби потом признавался, что пытался воспитывать в нас «чувство охотника» — «sense of a hunter». Теперь у него была своя школа и свои ученики. И он очень гордился нами. Школа — важный кусок его жизни. Еженедельная, уже не в молодом возрасте, работа, большая загруженность.

После занятий учитель писал отчеты, характеристики — к ним я еще вернусь.

Первое занятие, если память не изменяет, состоялось в январе 1976-го. В последующие годы шли они, начиная с сентября-октября и по май. Встречались каждую неделю. Иногда, правда, пропускали, если что-то не складывалось или попадало на какой-то праздник. Насколько помнится, курс состоял из десяти — пятнадцати занятий. Продолжалась школа около десяти сезонов. Я сам несколько лет был в этой группе.

С годами я, к собственному удивлению, стал все больше замечать, что на мне «бренд» — любимый ученик Филби. Любимый, нелюбимый — может быть, он ко мне больше всех привык и потому между нами сложились дружеские отношения? А может, чуял во мне родственную душу: такой же, как он в молодые годы, идеалист и «моральный чистюля», верящий в порядочность, принципиальность и… «коммунизм — светлое будущее всех народов»? Так или иначе, после первого года был я Кимом отмечен: учитель уже при первом выпуске поставил мне единственному «пятерку». Потом — второй год: взяли еще двоих и меня. И прошел я у Филби курса четыре или пять. Получилось, что был я головной.

Когда в 1984 году из Англии вернулся Юрий Кобаладзе, ответственным стал уже он. Я же тогда работал в Лондоне и с Филби переписывался.

А вот письмо на кондовом, доморощенном английском, которое мы, ученики, написали Филби после завершения одного из годичных семинаров:

«Dear comrade, professor Kim! Please accept our gratitude for Your lectures, seminars, tutorial and professional jokes. We very appreciate Your titanic efforts and promise You that the knowledge we received on memorable for us Fridays will fruitfully serve to our common goal. We always admire You as a friend, wise teacher and comrade at arms. Your diligent students and colleagues — Albert, Alexander, Victor, Michael, Vladimir».

«Дорогой товарищ, профессор Ким! Просим принять нашу благодарность за Ваши лекции, семинары, обучение и профессиональные шутки. Мы исключительно ценим Ваши гигантские усилия и обещаем Вам, что знания, полученные по памятным для нас пятницам, плодотворно послужат нашему общему делу. Мы всегда восхищались Вами как другом, мудрым учителем и товарищем по оружию. Ваши прилежные ученики и коллеги — Альберт, Александр, Виктор, Майкл, Владимир».

И еще об одном моменте следует упомянуть. Предатель Гордиевский, который пишет о Филби в своей книге, никогда не был в числе его учеников. Но он примазывается, рассуждает на тему учебы. А сам брал материал из наших справок, знал о занятиях по нашим рассказам, вот и вставил это в свою книгу.

Кстати, еще целый ряд сотрудников, и близко к Филби не подходивших, вдруг вспомнили, будто были они с Кимом «вась-вась». Пошла мифология — что, в принципе, естественно. Большие имена обрастают легендами. Так что не исключаю, что и на вашем пути возникнут фигуры, утверждающие, что с Филби они были накоротке. Но круг был, поверьте, довольно ограничен.

Однако продолжу об учебе. Мы брали у Кима материалы, которые он готовил для нас на английском. Ну, скажем, тезисы о парламенте в его изложении. И получалось в виде справки — «занятие, скажем, № 24 с Кимом Филби от такого-то числа». Потом переводили то, что он нам говорил на занятиях. Из таких вот главок получился специальный том. Где он сейчас, я, разумеется, не знаю.

Зато знаю, что произошло с характеристиками, которые писал Филби. Они оказались в холщовых мешках с документами, подлежащими уничтожению — понятное дело, путем сожжения. Набирался полный мешок, и шли в котельную. В специально оборудованном помещении к твоим услугам кочерга, синие халаты, подлокотники. Содержимое мешка — в печь, а ты стоишь, шуруешь кочергой до тех пор, пока все это полностью не прогорит. И вот, когда мы перебирали бумаги с моим другом и коллегой Юрой Кобаладзе, то наткнулись на оригиналы наших характеристик, написанных Кимом. В них — без фамилий, там все просто под именами. На свой страх и риск взяли эти листочки, перепечатали, привели в хороший вид — короче, сохранили. Ведь были эти характеристики не в наших личных делах, не в кадрах — они лежали на сожжение.

Я сохраняю лояльность Службе, благодарен ей. Еще бы, столько лет проработать! Много чем ей обязан, особенно родному отделу. Но говорю с горечью: даже в нашем отделе, увы и ах, никому эти характеристики оказались не нужны… Хотя на них

многие ссылались — ведь читали их. Оценки учитывали, а к самим материалам — отношение разгильдяйское. Конец 1980-х годов — начало 1990-х, еще и Союз не распался…

Теперь посмотрим на сами характеристики. Всё, абсолютно всё попало в точку — выводы Филби были совершенно точны, равно как и последствия, им предсказанные.

Тут есть и про меня. Простите, но для полноты придется привести и часть сугубо положительную, комплиментарную:

«Очень хорошо будет принят в английском обществе. Во время наших занятий я часто ловил себя на мысли, что родись он в Англии, он вполне мог бы работать в Форин оффис. Он будет с удовольствием принят в кругах британского истеблишмента. В клубах сотрудников госаппарата, среди представителей свободных профессий и в академическом мире. […] Знание английского языка достаточно для выполнения любой обычной задачи. […] Хорошие оценки за рассудительность, подход к проблеме и самоконтроль. […] Я с уверенностью поручил бы ему задания, требующие этих качеств, а помимо этого он наверняка справится с решением личных и профессиональных проблем деликатного свойства».

И здесь Филби пишет об излишней моей скромности: «Мое единственное сомнение […] заключено в слове “скромность”. Это прекрасное качество для успешного ведения работы с представителями английского общества. Но наша работа иногда требует проявления значительной степени самоуверенности со стороны оперработника».

Написано с искренней деликатностью. Тут не может быть никаких обид или сомнений. Филби оказался абсолютно прав. Моя излишняя мягкость, тонко и точно подмеченная

Кимом, отмечалась всеми — и нашими коллегами, и представителями той, чужой стороны. Или еще одна характеристика, оказавшаяся вещей:

«В целом будет хорошо принят в английском обществе. Ему не составит труда сойтись с представителями большинства слоев, и особенно с образованными людьми…» И в то же время: «…Он, вероятно, наиболее нервный и возбудимый из всей группы. Это заставляет меня задуматься над некоторыми вопросами. […] Сможет ли он контролировать себя в условиях перерастания дискуссии в горячий спор? Сможет ли он сохранять спокойствие перед лицом резко враждебной атаки личного или политического характера? Насколько хладнокровно поведет он себя в условиях серьезного профессионального кризиса?»

Больно писать, но Филби предугадал возникшую ситуацию. На втором году загранкомандировки в небольшой европейской

стране я дал волю чувствам. Личное, казавшееся мне, человеку эмоциональному, исключительно важным и искренним, заслонило реальную суть происходящего. Не анализируя сложившейся в общем-то банальной ситуации, в которую часто попадают или с которой нередко встречаются оперативные работники, я отдался накатившейся увлеченности. Поставил под определенную угрозу себя, семью, коллег. Результат — срочный отзыв в Москву. Итог — практическое завершение неплохо начинавшейся карьеры разведчика и вынужденное расставание с хорошо дававшейся мне профессией прикрытия.

Как тут не вспомнить Кима! Ведь он давал нам некоторые вполне понятные предупреждения: об этом с английскими собеседниками говорить никогда не надо. Не надо обращать их в свою веру, ни к чему, не тот случай. А я вдруг ляпнул англичанам про всемирный сионистский заговор, и они меня чуть не растоптали. Или еще чересчур резко отозвался о поляках, об их «Солидарности». Тоже попался: хозяева чуть не выдворили меня из-за стола. Мог испортить совершенно шикарный контакт… Филби сколько раз повторял: никогда в разговорах с англичанами, хотя у них в глубинке шовинизма и антисемитизма тоже хватает, не упоминай презрительно о малых национальностях и других народах. Плохих наций, как и плохих детей, не бывает. На всю жизнь я урок этот усвоил! И сколько еще было таких уроков и для меня, и для всех тех пятнадцати человек, которые прошли школу Филби.

За пределами школы мы с Кимом не общались. К нему домой друзья-кураторы нас в период учебы не пускали. Общение ограничивалось конспиративной квартирой.

У Филби, как и у некоторых людей его ранга, всегда был куратор от контрразведки. Но уже ближе к середине 1980-х мы с учителем умудрялись встречаться, даже обходя куратора. Был период, как я говорил, когда Филби считался чуть ли не диссидентом. Ну, как же, ругал Брежнева.

Случился такой эпизод. Один из наших, у Филби учившихся, вернулся из Англии. Хотел навестить учителя. А его не пускают. Я бы назвал того человека одним из наиболее достойных учеников. Спрашивает: «Почему нельзя?» Отвечают: «Да у него нездоровые настроения». Но наш коллега плюнул на все запреты — пользуясь связями, знакомствами, своим уже относительно высоким положением, пришел.

Потом Филби ему признавался: «Знаешь, в моей жизни получалось так, что близкие мне люди все время пропадали. Иногда я не мог понять причину». У моего коллеги — комок в горле: как ему сказать Филби, что причина в твоей

неблагонадежности, учитель! Было это где-то в районе 1984 года. Так что у Филби в общении с разными направлениями нашей Службы тоже были свои нюансы.

Потом с 1985-го по 1988-й кое-что изменилось. Мы познакомились с Руфиной Ивановной. Созванивались с ней и заходили к Филби на квартиру. Он принимал нас, сидя в привычном и любимом кресле. Руфина уже знала нас всех по именам — Юру Кобаладзе, меня, других ребят.

В день смерти мы прибежали к Филби на квартиру. Хотели ее поддержать. Думали, встретим многих людей, начальство. Но оказалось, что были мы с Юрой вдвоем…

Руфина нуждалась в поддержке

Сложилось так, что Руфину я очень поддерживал. Она мне доверяет, мы хорошие друзья. Началось все по-настоящему, когда мы поняли, что она бедствует. Все свои силы, время, годы она отдала Киму. Но в 1988-м Филби ушел, и наступили трудные годы — конечно, не только для Руфины Ивановны, для всей страны. В начале 1990-х пенсия у нее была такая, что и назвать стыдно — десяток или два долларов в пересчете с инфляционных рублей. Надо было Руфину поддержать.

То самое обращение в аукционный дом «Сотбис», о котором многие писали с неким осуждением, было мерой вынужденной. Моя идея. Да, я тут немного согрешил. Был еще «технически» сотрудником Службы — в процессе увольнения, но никого в известность не поставил, связался с Сотбис сам.

В английских газетах тогда на видном месте красовалась фетровая шляпа. Но, скажу вам, не Филби, как многие думают, а Гая Бёрджесса. Ушла она куда-то в частную коллекцию…

Ведь сюда, в Москву, приезжали к Руфине разные люди. Представлялись писателями, профессорами. Но попадались среди них элементарные жулики — но такие на вид интеллигентные, в очках. Только подворовывали. Вплоть до того, что один «деятель» утянул у нее девять фотографий.

Или целая делегация явилась, вроде бы из американского университета. Смотрели, а потом уверенным тоном предложили: за всё — пять тысяч долларов. Сами понимали, что уж слишком перегнули: ладно, вы неправильно поняли наш английский, мы имели в виду пятнадцать. Руфина — человек деликатный, да и я грубостью не отличаюсь, что подмечал еще Ким. Но приходилось этих наглых покупателей выставлять. Они все с ходу схватывали: ну что вы, давайте еще поторгуемся…

Сплошное расстройство! Вот тогда мне и пришло в голову,

что наиболее честное из всего, что может быть, — это аукцион. Наилучший вариант — Сотбис. Связался с ними, написал письмо. И пошла серьезная работа.

Руфина исходила из того, что Ким сказал ей перед смертью: «Мало что могу тебе оставить. Вот моя библиотека — распоряжайся, как хочешь». Ценнейшую ее часть составляли фолианты отца Филби — известного арабиста. Приехавшие эксперты Сотбис впились в них своими знающими взглядами. Уж они-то в этом разбирались. Отдельные тома оценили в 800, 1000, 1500 фунтов.

Состоялся аукцион. А еще до него мы столкнулись с вопросом: как все это вывезти? Ввезти-то ввезли. Как бы англичане ни относились к Филби, однако после бегства из Бейрута все его вещи собрали и отправили в Россию: частная собственность неприкосновенна, это — святое. Но как вывезти эти вещи туда?

И Юра Кобаладзе пошел к Примакову. Тот рассудил моментально: если Руфина Ивановна владелица и вещи законно перешли к ней, то она имеет законное право делать с ними все, что хочет. Тут же, сославшись на это, Примаков написал письмо, и Министерство культуры дало официальное разрешение на вывоз. Примаков, как всегда, был мудр и сразу сделал доброе дело. Иначе чинили бы такие препоны и ставили такие преграды!..

Аукцион состоялся. Руфина поехала в Лондон, присутствовала на нем. Хотя там, конечно, ее немножечко «надули», не без этого, но она все-таки стала более-менее обеспеченным человеком. Сейчас и пенсии в России немного получше плюс сумма, которую она выручила, — так что, слава богу.

Готовя аукцион, люди из Сотбис отбирали в первую очередь то, что более «продаваемо». Но много интересного в квартире Руфины все же осталось. К примеру, фотография отца Филби до аукциона успела съездить в Ясенево, где сделали замечательную копию. Да и фотопортрет Че Гевары, который Ким привез из поездки на Кубу — он висел и продолжает висеть на видном месте в его кабинете, — сохранился. Как и многое, многое другое — всё это вместе без преувеличения тянет на шикарную квартиру-музей.

Многочисленные попытки всех последних лет пробить идею создания квартиры-музея Филби — больная для нас с Руфиной Ивановной тема. Пробовали и так и этак, через руководство родной Службы и даже через аппарат правительства. Все высокопоставленные лица вроде бы «за», но на практике всё

упирается в бюрократическую волокиту. На чьем балансе? Чье ведомство отвечает? И так далее. Очень жаль, ведь время-то идет…

Ну и помимо всего этого, уговаривал я Руфину написать воспоминания о Киме. Ведь практически об одной трети его жизни было ничего не известно. А жил-то здесь, в Москве. В браке они состояли 18 лет. Но оставались о московском 25-летнем периоде жизни Филби по существу лишь воспоминания его третьей жены-американки, которая сочиняла их с пятого на десятое, мало что понимая и ни в чем не разбираясь. Там в основном о трудностях быта… В конце концов она их и не выдержала, бросила Кима и рванула к себе в Штаты, где вскоре скончалась.

А Руфина плакала, садиться за воспоминания не хотела: «Ну как, как я все это буду…» Но начала, и я каждый вечер звонил: «Как, Руфина Ивановна, продвинулись? Что вписали сегодня?» Приходил, просил прочитать… Читали и обсуждали.

Руфина по профессии редактор — и она себя очень жестко редактировала, работая над «Островом на шестом этаже». Зато значительнейшая глава в биографию Филби была вписана.

А еще до этого, в конце 1980-х, она мне сообщила, что вдруг отыскались две папки, связанные с работой Кима. Она и их открывать не стала, поняла, что нечто секретное, и сразу отдала кураторам заодно с пишущей машинкой — казенной, с инвентарным номером. Но была еще одна тоненькая папочка с текстом, который был Руфине знаком — рукопись начатой новой книги. Ким забросил эту работу, поскольку был уверен, что все равно никогда не опубликуют. Ее она никому не стала показывать — боялась, что пропадет.

Как-то Руфина предложила мне: «Давайте посмотрим вместе содержимое папочки». Сели и посмотрели. Надо же, да это его личные манускрипты — многостраничная рукопись, начало книги о его жизни, за которую взялся Ким! Кроме того, незаконченная статья о том, как правильно инструктировать агентуру на случай возможного ареста — вероятно, с тех времен, когда он был переполнен желанием быть полезным, но его никто не слушал. Я убежден, что ознакомление с этим бесценным материалом оперработников Службы спасло бы не один десяток агентов, оказавшихся в ситуации провала. В довершение всего в папке оказались развернутые тезисы «исторического» выступления Филби перед руководящим составом разведки в 1977 году.

Вы знаете, я хранил эти рукописи, как родные, любовно их расшифровывал, печатал и переводил… Ведь время летит, а вместе с ним исчезают и вещи, связанные с событиями, в те

времена происходившими. Так, в какой-то период оставался лишь единственный экземпляр лекции, которую Филби читал в Ясеневе. Сидело все начальство во главе с Крючковым, да нас, учеников, тоже пустили. И те сноски о шорохе в зале, об аплодисментах зафиксировали именно мы. И мы все это сохранили на свой страх и риск.

Такова вкратце история моей скромной сопричастности к великому разведчику — Киму Филби. Скажу честно: «бренд» «любимого ученика Филби» — ноша не из легких. От тебя постоянно ожидают, что ты какой-то необычный, сверхталантливый, хотя на самом деле… Да и в отношениях с Англией одна сплошная беда!

Судите сами. Вот уже более четверти века, с 1985 года, я абсолютная персона нон-грата не только на Британских островах, но и в США с Канадой. Мир, слава богу, не без добрых людей, и эпизодически до меня, через сочувствующих старых знакомцев, доходят кое-какие сведения об отношении к моей особе английских спецслужб. Рассказали, например, почему американцы в 1995 году отказали мне в визе для краткого въезда на деловую встречу. Оказывается, проинформировав для проформы своих британских союзников, всемогущие хозяева западного мира — янки услышали такую истерику, что предпочли отказать под каким-то дурацким предлогом.

Через несколько лет подключен был даже британский посол в Москве. Он поначалу живо откликнулся на мою просьбу о краткосрочной разовой визе, но, наведя где надо справки, раздраженно кинул ходатайствовавшему за меня послу уважаемой европейской страны: «Боюсь, ничего не выйдет. Что вы хотите от некоторых моих соотечественников, которые до сих пор живут в холодной войне!» Это — дословная цитата!

Потом была попытка моего хорошего знакомого — члена британского парламента, министра в «теневом» правительстве консерваторов, который искренне считал ситуацию нелепой. Поговорив с членами своего элитного клуба, работающими в британских «органах», он отписал мне: «Майкл, я такое услышал, что лучше больше не поднимать этот вопрос».

Долго я сидел и размышлял, что же такого натворил. Сам-то знаю, что ничего экстраординарного в моей английской карьере не было. Постепенно пришел к твердому убеждению, что причина — в моей близкой ассоциированности с именем Филби. Этому, в частности, способствовал предатель Гордиевский, расписавший меня как опаснейшего сотрудника лондонской резидентуры — не зря ведь сам Филби считал его своим самым многообещающим учеником.

Надо понимать, что для англичан все связанное с Филби — настоящая заноза, тяжелая травма. И человеку, в мир разведки не погруженному, даже представить трудно до какой степени. Один из руководителей СИС, Филби, его друзья по «Кембриджской пятерке», добравшиеся до высоких постов в Форин оффис, в разведке или до почетнейшей должности хранителя королевской картинной галереи, как Энтони Блант, — все это для британского истеблишмента удар в самое сердце. Сколько же лет Филби с друзьями работали на русских, пробравшись в святая святых, уверенно занимая посты, о которых мечтают сотни тысяч соотечественников! Такого в Британии не могли представить. То, что британские спецслужбы так прокололись, — зарубка на всю жизнь.

Я никак не претендую на то, что этот мой монолог полностью раскроет вам образ моего учителя. Нет, конечно, нет! У меня иная задача. Я хотел бы помочь читателю в какой-то степени понять, как складывалась в Москве жизнь Филби. И обязательно оценить все значение его личности.

Великие знали друг друга

Два великих разведчика Вильям Фишер — Абель и Ким Филби, конечно, знали друг друга. Они не могли не встречаться еще в Лондоне в середине 1930-х годов, где радист Вилли Фишер, работавший под своей фамилией, передавал материалы Кима Филби в Москву.

К 1931 году Вилли завершил подготовку к «закордонной работе». Ему предстояло создать целую сеть радиостанций в Скандинавии и других европейских странах. Можно было отправить Фишера в Европу и по поддельным документам, однако в ОГПУ решили по-другому. Представлялся отличный шанс попытаться выяснить, как на практике действует британская система выдачи документов.

Возможно, на эксперимент подвигла и жизненная история друзей Фишеров — семейства Прокофьевых, тоже вернувшихся в Россию из английской эмиграции. Но Прокофьеву-сыну в СССР не понравилось сразу, и, обратившись в консульство Британии в Москве, он получил и документы, и разрешение возвратиться в Англию.

Фишеру надо было торопиться. Срок действия его выданного в 1921 году паспорта истекал. Кстати, сохранилась и истертая копия, свидетельствующая, что Вильям Генрихович Фишер сдал его на хранение советским властям. И в один прекрасный день в консульстве на улице Воровского, дом 46, появился довольно застенчивый, скромно одетый посетитель. Застенчивость застенчивостью, но держался Вильям Август Фишер, родившийся 11 июля 1903 года в Ньюкасл-апон-Тайн, твердо. Убедительно рассказал принявшему его консулу о желании вернуться. Назвал причины: женат, родилась дочка, а денег на жизнь не хватает, перспектив — никаких, ибо ему, уроженцу Великобритании, не пробиться сквозь препоны советской бюрократии. Да, его родители состояли в Англии в социалистической партии и здесь вступили в коммунистическую. Но для него, родившегося на Уитли-бей и прожившего там 17 лет, возвращение в чужие пенаты превратилось в пытку. Звучало убедительно. Проситель вел себя достойно, в истерики не впадал, советскую власть в отличие от многих, просившихся на постоянное местожительство в Британию, хаял в меру.

Вилли сумел внушить консулу такую симпатию, что англичанин написал письмо советским властям. В нем была просьба не чинить препятствий с выездом Вильяму Фишеру. Но все копии документов с соответствующей припиской консул

отправил все же в Великобританию для принятия решения. В столице империи волынку не слишком тянули, и 6 августа 1931 года в Лондоне был изготовлен паспорт под номером 445470, который благополучно прибыл в столицу Совдепии уже в конце месяца. Вскоре его выдали Фишеру. «Сапоги», как называли разведчики тех времен свои документы, были настоящими — лучше не придумаешь.

Перед отъездом последовал традиционный ужин с руководителями Иностранного отдела, и в начале сентября радист Фишер, кодовое имя «Фрэнк», отправился с женой Элей и крошечной дочкой Эвелиной ночным поездом в Ленинград. Оттуда — в Хельсинки, затем — в Стокгольм и, наконец, — в Осло, где он и проработал до декабря 1934 года, устанавливая по Европе радиостанции, связывавшие нелегалов с Центром.

Летом 1935-го по этому же паспорту отправился в Англию, где вовсю уже развернулась «Кембриджская пятерка». Филби и, возможно, кто-то еще передавали резиденту столько важнейших сведений, что без помощи классного, похоже — лучшего в И НО, радиста Фрэнка было не обойтись. Работы только прибавлялось.

Вилли пришлось нередко наведываться в Кембридж, чтобы забирать то, что добывали для отправки в Москву его подопечные. Он также передавал им задания, некоторые документы, иногда и деньги на покрытие оперативных расходов. Общение с агентами было полезно, Фишер набирался опыта. И все же не со всеми из них отношения складывались ровно — уж очень они с радистом были разными людьми. Однолюб и верный супруг, строгий педант Фишер не всегда понимал сексуальные увлечения, к примеру, Бёрджесса или Бланта. Сдержанному и дисциплинированному Фрэнку было трудно по-настоящему сблизиться с людьми, которых он считал экстравагантными, даже эксцентричными. Отношения складывались нормальные, однако чисто деловые, в дружбу и близко не переходящие. Такой духовной близости, как, к примеру, в 1950-е годы в Америке с «волонтерами» — будущими героями России Морисом иЛоной Коэн, не возникало. Некоторые соображения об этом Фишер включил тогда в свой отчет Центру, переданный им резиденту Арнольду Дейчу 14 февраля 1936 года. В отчете — шесть пунктов, в трех из них радист Фрэнк дает личностные характеристики своим подопечным — и совсем не восторженные. Но работе это не мешало. Радиопередатчик, собранный Фишером, работал с полной нагрузкой.

Впрочем, эта связь с «Кембриджской пятеркой» продолжалась недолго. Уже 19 мая 1936 года семейство Фишера оказалось в Москве. Предполагается, что столь быстрое возвращение

произошло из-за предательства бывшего резидента в Лондоне Орлова… Но, как бы то ни было, связи Фишера с Филби и его сподвижниками были установлены еще до Великой Отечественной.

Нет свидетельств, чтобы они возобновились в военное время. Впрочем, косвенно Фишер все же соприкоснулся и с Филби, и с Блантом, и особенно с Кернкроссом. Английская разведка перехватывала и расшифровывала донесения немцев о пробравшемся в советский Генштаб агенте. Ребята из Кембриджа, читавшие по долгу службы секретнейшие расшифровки, упорно предупреждали об этом Центр. Даже премьер Черчилль намекал Сталину о таинственном немецком агенте в русском Генштабе. Это впрямую подтверждало: немцы клюнули на подготовленную НКВД, и Фишером в том числе, приманку. Его ученик агент Макс, именовавшийся немцами «Гейне», действительно был внедрен в Генштаб. Только не абвером, а советской разведкой. Нет, не зря натаскивал Александра Демьянова суровый преподаватель радиодела капитан Фишер!

Сначала чекисты придумали операцию «Монастырь», где истинный потомок древнего дворянского рода Демьянов играл роль монархиста, ждущего прихода немцев, будто манны небесной. Потом, когда фашисты стояли под самой Москвой, Фишер в рекордные сроки сделал из Макса неплохого радиста, а затем помогал Демьянову совершить «побег» на ту сторону. И немцы, хотя они и лупили перебежчика, и даже имитировали его расстрел, поверили. А как тут было не поверить, если Демьянов каким-то чудом пробрался к ним через минное поле? Действительно чудом. Фишер схватился за голову, когда увидел, что Саша Демьянов попал на усеянное минами поле, по ошибке не обозначенное нашими на карте. Но Бог и удача помогли. Демьянов долго трудился офицером связи в Генштабе, передавая немцам дезинформацию. Даже после войны генерал Шелленберг в своих книгах хвастался, что его агент общался с маршалами Жуковым и Рокоссовским. Чистая правда, общался, — и оба маршала о чекистской игре не подозревали. Так что еще долго после войны бродил по свету миф о немецком агенте, засевшем в самом центре Москвы — ведь даже донесения Филби и К° подтверждали: немецкий агент пробрался в Генштаб. Ясно, что они и не подозревали, что снова столкнулись со своим старым знакомцем Фрэнком…

Развеять легенду было разрешено только в конце XX века.

Зато во время послевоенной командировки в США, как считают некоторые американские источники, полковник Абель, он же Фишер, он же резидент советской нелегальной резидентуры

Марк встречался с Филби неоднократно. Об этом довольно убедительно пишет в книге «Как отец, как сын. Династия шпионов» исследователь Вин Арфей.

Поначалу взаимодействовать с Филби, кодовое имя «Стенли», должен был другой резидент, прибывший в Нью-Йорк в марте 1950-го, а курьером между ними был Гай Бёрджесс, тоже находившийся в Вашингтоне. В июне 1950 года началась война в Корее, и данные, поступавшие от Филби и Маклина из посольства Великобритании в США, были просто бесценны.

Но резидент, так хорошо начавший и вроде бы даже завербовавший важного источника, вдруг оказался не на высоте. Когда весной 1951-го Киму стало понятно, что Маклин под угрозой, он обратился за помощью к резиденту — назовем его М. Но тот прореагировал слабо. Больше того, когда легальная резидентура заложила в тайник две тысячи долларов, предназначавшихся для Филби, М. почему-то не сумел отыскать указанного места. Как бы то ни было, внушительная по тем временам сумма до Кима не дошла. Закрались подозрения, а не присвоил ли резидент денежки? Провести расследование Центр приказал Вильяму Фишеру, а сам М. был на время передан ему в подчинение. Тут всплыли еще и другие факты денежных злоупотреблений: кажется, пропали предназначавшиеся на оперативные цели девять тысяч долларов. Резидента М., поначалу подававшего столько надежд, срочно отозвали в Москву, где с управлением, в котором трудились нелегалы, ему пришлось расстаться. Вин Арфей не без оснований полагает, что с тех пор связь с Филби осуществлялась через нелегального резидента Абеля. В его книге говорится, что Филби по разным поводам встречался с Абелем в начале 1950-х годов в Канаде…

После возвращения из США Фишер постоянно встречался с некоторыми из своих бывших агентов, работавших вместе с ним в Штатах. Дружил с Коэнами, часто вместе с женой и дочерью бывал у них дома на Патриарших. Виделся с Беном — Гордоном Лонсдейлом. А вот данных о связях с давно знакомыми ему людьми из «Кембриджской пятерки» никогда не публиковалось. Хотя есть тому свои причины. Гай Бёрджесс скончался вскоре после обмена полковника Абеля на летчика-шпиона Пауэрса. С Дональдом Маклином, который уже жил в Москве, он связей не поддерживал.

А с Филби… Да как-то не виделись, хотя Фишер знал, что его давний знакомец в столице. Оба не выражали желания встретиться. Слишком разные были люди. Аскет и скромник Вилли не понимал Кима. Ему было непонятно его тогдашнее пристрастие к спиртному…

Дружбы не сложилось. Впрочем, разве обязательно рабочие отношения должны заканчиваться дружескими объятиями и переходить в нечто большее? Зато сотрудничество за кордоном было плодотворным. Да таким, что и желать больше нечего.

Он шел своим путем

В декабре 2010 года, в канун девяностолетия со дня создания Службы внешней разведки, на здании пресс-бюро СВР России, что на Остоженке, открылась памятная доска в честь величайшего разведчика Кима Филби.

В тот день здесь собрались руководители Службы во главе с ее директором Михаилом Фрадковым, те ветераны, кому довелось поработать с легендарным руководителем разветвленнейшей сети советской разведки в Англии, скромно названной «Кембриджской пятеркой».

Михаил Фрадков и вице-премьер правительства России Сергей Иванов перерезали ленточку. Открылась мемориальная доска с барельефом Кима Филби и его словами, в которых отражен смысл совершенного разведчиком: «Я смотрю на прожитую жизнь как отданную служению делу, в правоту которого искренне и страстно верю». Ниже даты жизни: «1912–1988». Авторы мемориальной доски И. Новиков и А. Тихонов.

Почему памятная доска открыта именно здесь? Помимо всего прочего, Филби был еще и отличным журналистом. Именно как репортер, якобы симпатизирующий Франко, он передавал ценнейшую для советской разведки информацию из дравшейся с фашизмом Испании. Да и последние годы жизни, когда он уже попал под подозрение своей контрразведки, Ким работал в Бейруте на несколько крупных британских изданий… Но главное все же в том, что, по оценкам западных специалистов, Ким Филби является наиболее известным советским разведчиком.

А в заносимом снегом дворике звучали искренние воспоминания соратников, тех, кому Филби с радостью отдавал свои знания в середине 1970-х, в 1980-х, чем он очень гордился. Слышится под мягко падающий снег их тихое: «Ким любил русскую зиму. И снежок, и этот мороз. И хотел, чтобы останки его остались в России, которую считал своей».

Тут же и Руфина Ивановна Пухова-Филби, жена Кима, которая так скрашивала его годы, стала последней и настоящей любовью человека, столько лет рисковавшего жизнью там, вдалеке, чтобы другим людям лучше жилось здесь.

— Филби вспоминают как легендарного разведчика. А для меня он был прекрасным любящим человеком. Мы нашли вместе наше семейное счастье, — сказала она. — Нам было хорошо. Но наступала работа, и все остальное отходило у него на второй план. Ким не будет предан забвению, пока он в памяти людей. Филби любил свободу и ненавидел фашизм. Россия стала его

родиной.

Можно ли создать музей-квартиру Кима Филби?

Выдающийся советский разведчик Гарольд Адриан Рассел (Ким) Филби с 1969 по 1988 год проживал в своей четырехкомнатной московской квартире в тихом переулке в центре Москвы. Здесь он вел напряженную аналитическую работу в интересах советской внешней разведки, писал мемуары, регулярно встречался с руководящими сотрудниками ПГУ КГБ СССР и молодыми чекистами-разведчиками, принимал английского писателя Грэма Грина и журналиста Филипа Найтли, готовился к многочисленным публичным выступлениям.

После смерти Филби в 1988 году в этой квартире на правах собственности проживает его вдова Руфина Ивановна Пухова-Филби, 1932 года рождения.

Руфине Ивановне удалось полностью сохранить в квартире обстановку, существовавшую при жизни мужа. В кабинете Кима на полках, сделанных его руками, располагается богатейшая библиотека, состоящая как из его собственных книг, так и книг из коллекции его отца — известного английского ученого-арабиста. Там же находятся уникальные фотографии Гарри Сент-Джона Филби, Че Гевары и многочисленные сувениры, полученные Кимом от коллективов сотрудников КГБ СССР и Вооруженных сил СССР.

Неменьший интерес представляет гостиная, где, среди прочих аутентичных предметов, находятся испанский стол XVII века, любимое кресло Кима, стул и приемник 1950-х годов, по которому он слушал радиотрансляции футбольных матчей из Англии, гравюра, переданная ему через советское посольство Энтони Блантом, и множество других вещей, представляющих историческую ценность.

По сути своей, квартира, где проживает Руфина Ивановна, является музеем-квартирой Кима Филби, и она могла бы стать филиалом Кабинета славы СВР России, использоваться для ознакомления молодых разведчиков, а также ограниченного круга других заинтересованных лиц с историей и традициями советской внешней разведки.

Руфина Ивановна, у которой нет прямых наследников, неоднократно выражала озабоченность тем, что произойдет в будущем с квартирой Кима Филби. Она неоднократно поднимала вопрос о своей готовности завещать свою квартиру государству, при условии создания там музея-квартиры Филби. Никакого

определенного ответа так и не было получено.

С каждым годом увеличивается опасность того, что уникальное историческое наследие, оставшееся от легендарного советского разведчика Кима Филби, может быть просто-напросто утрачено. Так давайте же предпримем конкретные шаги — пока это еще в наших силах!

Приложения

Эти материалы были рассекречены Службой внешней разведки весной 2011 года к семидесятилетию со дня начала Великой Отечественной войны. Среди них и множество сообщений из Лондона.

Привожу лишь несколько без каких-либо поправок и сокращений. Напомню, что «Зенхен» — оперативный псевдоним Кима Филби.

Сообщение загранаппарата из Лондона

Ист. «__» 5 апреля 1939 г.
Прил. к § 4 п. 13/8 № 9744

С.С.С.Р. и Англия

г-н Гринвуд, руководитель Рабочей партии:

«Мы не можем не знать, что СССР с того времени, как вошел в Лигу Наций, проявил больше лояльности в своих принципах и решениях, чем английское правительство. Советская Россия могла бы быть решительным фактором в деле поддержки всеобщего мира».

г-н Ллойд Джордж:

«Если завтра III империя объявит войну Польше, Англия не сможет послать ни одного батальона в эту страну. Франция будет иметь сомнительные укрепления. Польская армия, как бы она ни была сильна, столкнется с чрезвычайными затруднениями. При таких условиях политика правительства основывается на ложных предположениях».

Ллойд Джордж проанализировал 4 гипотезы:

1/ Нейтралитет Италии. Италия остается верной оси Рим — Берлин: итальянская армия вдвое сильнее, чем в 1914 г.

2/ Нейтралитет Испании. Это неизвестность.

3/ Будет ли судоходство в Средиземном море таким же свободным, как в 1914 г. Ллойд Джордж не верит этому.

4/ СССР рано или поздно вмешается. Ллойд Джордж настаивает на необходимости советского вмешательства, как на суше, так и на море с самого начала военных действий. Он утверждает, что советская армия насчитывает в настоящее время

18 миллионов человек и военная подготовка этих людей значительно выше, чем в 1914 г.

Что же касается возражений Польши по поводу участия русских, Ллойд Джордж считает, что Англия должна поставить условия для этого сотрудничества.

г-н Антони Иден:

Он критически отнесся к заявлениям Ллойда Джорджа. Он проанализировал вопрос советского сотрудничества и заметил, что Германия в случае войны будет иметь столкновение на Востоке так же, как и на Западе, и что разница по сравнению с 1914 годом в части, касающейся Средиземного моря, заключается в англо-турецкой дружбе.

Официальные заявления

Лорд Галифакс заявил в палате лордов на вопрос по поводу России, который ему часто задают в кулуарах Вестминстера до начала заседания:

«Я могу сказать, что английское правительство полностью отдает себе отчет в том, какое значение имеет позиция советского правительства, и придает большое значение поддержке хороших отношений с СССР».

Он напомнил, что некоторые нации имеют натянутые отношения с СССР вследствие разногласий по идеологическим вопросам. Но он заявил, что со стороны английского правительства таких затруднений не существует.

Чемберлен:

«Я ничуть не считаю, что между СССР и Великобританией не существует идеологических разногласий. Эти разногласия остаются все те же. Но, как я уже сказал в пятницу, эти разногласия, каковы бы они ни были, не имеют значения в тех вопросах, которые интересуют нас сегодня.

Вопрос, который нас занимает, — это сохранение нашей независимости, и когда я говорю “нашей”, я не хочу сказать только о независимости Англии, но я хочу сказать о независимости всех государств, которым может угрожать агрессия.

Мы принимаем сотрудничество всякой страны, какова бы ни была ее система внутренней политики, не имея в виду агрессию, а желая противостоять агрессии».

Перевела:

Верно: /подпись/

* * *

Сообщение из лондонской резидентуры

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

СПРАВКА

Вадим из Лондона сообщает, что точных данных относительно целей прибытия ГЕССА в Англию еще не имеется.

По сведениям, полученным «Зенхеном», в личной беседе с его приятелем Томом ДЮПРИ (заместителем начальника отдела печати МИД) и еще не проверенным через другую агентуру:

1. ГЕСС до вечера 14 мая какой-либо ценной информации англичанам не дал.

2. Во время бесед офицеров английской военной разведки с ГЕССОМ ГЕСС утверждал, что он прибыл в Англию для заключения компромиссного мира, который должен приостановить увеличивающееся истощение обеих воюющих стран и предотвратить окончательное уничтожение Британской империи, как стабилизующей силы.

3. По заявлению Гесса, он продолжает оставаться лояльным Гитлеру.

4. Бивербрук и Иден посетили Гесса, но официальными сообщениями это опровергается.

5. В беседе с Кирк Патриком Гесс заявил, что война между двумя северными народами является преступлением. Гесс считает, что в Англии имеется стоящая за мир сильная античерчилльская партия, которая с его (Гесса) прибытием получит мощный стимул в борьбе за заключение мира.

Том Дюпри на вопрос «Зенхена» — думает ли он, что англо-германский союз против СССР был бы приемлемым для Гесса, ответил, что это именно то, чего хочет добиться Гесс.

До прибытия в Англию Гесс написал герцогу Гамильтону письмо, оно было своевременно перехвачено английской контрразведкой, пролежало там около шести недель и затем было отправлено адресату. Гамильтон, получив письмо через три дня, передал его в контрразведку.

В парламенте Черчиллю был задан вопрос — в распоряжении каких (военных или гражданских) властей находится Гесс.

Черчилль ответил — «Гесс мой пленник», предупреждая тем самым оппозицию от интриг с Гессом.

«Зенхен» считает, что сейчас время мирных переговоров еще

не наступило, но в процессе дальнейшего развития войны ГЕСС, возможно, станет центром интриг за заключение компромиссного мира и будет полезен для мирной партии в Англии и для Гитлера.

(по 18.5.41 г. № 338.)

ВЕРНО:
(подпись)

«22» мая 1941 г.

* * *

Сообщение из лондонской резидентуры

СОВ.СЕКРЕТНО

СПРАВКА

Вадим сообщил из Лондона, что:

1) по данным «Зенхен», ГЕСС, прибыв в Англию, заявил, что он намеревался прежде всего обратиться к ГАМИЛЬТОНУ, знакомому ГЕССА по совместному участию в авиасоревнованиях 1934 года. ГАМИЛЬТОН принадлежит к так называемой кливденской клике. ГЕСС сделал свою посадку около имения ГАМИЛЬТОНА.

2) Кирк ПАТРИКУ, первому опознавшему ГЕССА чиновнику «Закоулка», ГЕСС заявил, что привез с собой мирные предложения. Сущность мирных предложений нам пока неизвестна. (Кирк Патрик — бывший советник английского посольства в Берлине.)

14/V — 1941 г.

№ 376

Резолюция тов. ЖУРАВЛЕВА — т. РЫБКИНОЙ — телеграфируйте в Берлин, Лондон, Стокгольм, Америку, Рим. Постарайтесь выяснить подробности предложений.

Верно:
(подпись)

* * *

Сообщение из ЛОНДОНА[14]

20 VI 1941 г.

Из ряда документов о заключении турецко-немецкого договора о сообщенных нам «__», сейчас после опубликования текста, заслуживает особого внимания один факт. Английский посол в Анкаре телеграммой № 1464 от 15 июня сообщил об одной из своих бесед с турецким министром иностранных дел, посвященной обсуждению проекта договора. Излагая ход беседы, английский посол пишет о следующем замечании турецкого министра иностранных дел:

«Его превосходительство напомнил подробнее о точке зрения, выраженной в параграфе 5 вашей телеграммы № 1157 о том, что война между СССР и Германией — в интересах Турции. Он заявил, что турецкий отклик на немецкое предложение является прямым вкладом навстречу этому…

“__”, из телеграмм английского посла по этому вопросу следует, что после двух бесед Сара-Джиоглу [Сараджоглу] с фон Папен, своевременно сообщенных вам, был некоторый интервал, после чего между 12 и 16 июня переговоры возобновились и были быстро закончены под давлением немцев. Во всяком случае, так освещает все это дело английский посол в Анкаре».

19/VI № 524. ВАДИМ.

* * *

Сообщение из Лондона

СОВ. СЕКРЕТНО

Сообщение из ЛОНДОНА[15]

20 VI 1941 г.

«__» сообщил нам, что среди бумаг «__» он видел запись одной из последних бесед Идена с Майским, где Иден сообщил о готовности Англии послать в СССР военную миссию, если это станет необходимым, и обещал активизацию деятельности

английской авиации против Германии для ослабления немецкого давления на СССР, в случае германо-советской войны. Точнее по этому вопросу мы получили на днях.

Одновременно с этим за последнее время англичане усиливают свои приготовления к бомбардировке Баку. 16 июня под председательством Черчилля состоялось очередное заседание комитета имперской обороны, на котором обсуждался вопрос о средствах прекращения получения Германией нефти. В своем выступлении Черчилль настаивал на скорейшем завершении всех приготовлений к бомбардировке Баку, что, по мнению «__», является одной из его «идей фикс» в настоящее время. На этом заседании Черчилль спросил Бивербрука о его мнении по этому вопросу. Бивербрук уклончиво ответил, что «Кавказская схема кажется ему сейчас очень отдаленной». В беседе с «__» «__» охарактеризовал всю эту схему как «совершенно идиотскую», ибо значительно легче, проще и целесообразнее бомбить запасы нефти, заводы по добыче синтетической нефти и прочее, находящиеся у порога Англии, то есть в Германии. По предложению «__» комитет принял решение провести очень крупную бомбардировку Гельзенкирхена, однако по настоянию Черчилля главнокомандующему индийской армией была в тот же день начальниками штабов послана следующая телеграмма № 130: «Ход развитий советско-германских отношений может сделать для нас исключительно выгодным быть готовыми предпринять бомбардировку Бакинских нефтепромыслов с минимальнейшей задержкой. В связи с этим предлагаем вам дать указания командующему войсками в Ираке, совместно с командующим авиацией в Ираке и в сотрудничестве с командующим авиацией на Ближнем Востоке, сделать все административные приготовления для этой операции, включая все требуемые расширения и улучшения выбранных посадочных площадок. Предполагаемый объем атак будет равняться интенсивным операциям примерно в продолжение месяца двух эскадрилий бомбардировщиков “Веллингтон” и двух эскадрилий бомбардировщиков типа “Бленхейм”, оперирующих из Мосула».

* * *

РАССЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ
19/VI-41 г. № 525. ВАДИМ.
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Экз.

О П И С Ь № 1

материалов, полученных с почтой № 14/А от 20.V.49 года

1. Телеграмма № 5 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 22.I.48 года — политический обзор № 1 4 фотоклише

2. Телеграмма № 7 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 11.II.48 года — политический обзор № 2 3 — "-

3. Телеграмма № 8 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 26.II.48 года — политический обзор № 3 5 — "-

4. Телеграмма № 9 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 12.III.48 года — политический обзор № 4 4

5. Телеграмма № 11 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 2.IV.48 года — политический обзор № 5 4

6. Телеграмма № 14 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 23.IV.48 года — политический обзор № 6 4

7. Телеграмма № 16 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 10.V.48 года — политический обзор № 7 3

8. Телеграмма № 19 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 27.V.48 года — политический обзор № 8 4

9. Телеграмма № 22 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 12.VI.48 года — политический обзор № 9 4

10. Телеграмма № 10 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 3.VII.48 года — политический обзор № 10 3

11. Телеграмма № 28 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 26.VI 1.48 года — политический обзор № 11 4

12. Телеграмма № 31 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 9.VIII.48 года — политический обзор № 12 3

13. Телеграмма № 33 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 30.VIII.48 года — политический обзор № 13 3

14. Телеграмма № 37 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 21.IX.48 года — политический обзор № 14 4

15. Телеграмма № 38 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 4.X.48 года — политический обзор № 15 5

16. Телеграмма № 39 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 14.X.48 года — политический обзор № 16 3

17. Телеграмма № 44 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 1.XI.48 года — политический обзор № 17 3

18. Телеграмма № 46 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 17.XI.48 года — политический обзор № 18 3

19. Телеграмма № 48 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 7.XII.48 года — политический обзор № 19 4

20. Телеграмма № 50 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 28.XII.48 года — политический обзор № 20 4

21. Телеграмма № 2 английского посла в Анкаре в МИД

Англии от 18.I.49 года — политический обзор № 1 4

22. Телеграмма № 5 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 7.II.49 года — политический обзор № 2 4

23. Телеграмма № 7 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 1.III.49 года — политический обзор № 3 3

24. Телеграмма № 9 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 29.111.49 года — политический обзор № 4 4

25. Телеграмма № 14 английского посла в Анкаре в МИД Англии от 11.V.49 года — политический обзор № 6 4

Итого 93 фотоклише

ВЕРНО:

«__» мая 1949 года

* * *

РАССЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Товарищу СТАЛИНУ И. В.
Товарищу МОЛОТОВУ В. М.

Резидент КИ в Лондоне в ночь на 23 сентября т.г. телеграфно сообщил о том, что он от агента, работающего в __, получил сведения, что разведывательные органы США и Англии совместно разработали план подрывных мероприятий против Албании, названный — операция «Ценная».

Этот план предусматривает заброску в Албанию диверсионно-повстанческих групп, укомплектованных из албанских эмигрантов — фашистов, с задачей поднять в Албании весной 1950 года «партизанское движение» против правительства Энвера ХОДЖА.

В осуществление плана на островах Мальта и Корфу организованы базы для подготовки таких групп. В ночь на 18 сентября с.г. две первые группы, по пять человек каждая, были заброшены на территорию Албании. Заброска двух других групп намечена в ночь на 24 сентября. Ведется подготовка еще нескольких групп, которые, возможно, будут переправлены в Албанию в текущем году.

Сведения о заброске диверсионно-повстанческих групп в ночь на 24 сентября переданы нами через нашего негласного

советника при Министерстве внутренних дел Албании т. ГЛАЗКОВА Мемед ШЕХУ для принятия соответствующих мер.

С. САВЧЕНКО
24 сентября 1949 г.
№ 3309/С
ВЕРНО. Подпись
25.10.49

* * *

РАССЕКРЕЧЕНО
Служба внешней разведки РФ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Экз. № 1

СПРАВКА

по рабочему делу № 5581 «С» о реализации документальных материалов, полученных из Лондона с почтами 1949 года

За период с января по декабрь 1949 года в 5 Управление КИ было направлено 75 документов на 185 листах. Прислана оценка на все документы. Из них:

Направлено в инстанции 52 документа (68 %)

Использовано в л/делах 23 документа (32 %)

Кроме того, направлено в инстанции и в другие Управления КИ 4 агентурных донесения и спецсообщения.

Наиболее ценными документами, получившими наивысшую оценку, являются следующие:

1. Доклад английского генерала Кларка о состоянии вооруженных сил Турции. Материал получен с почтой № 14/А от 20 мая 1949 года и по оценке тов. Захарова представляет значительный интерес.

2. Материалы о техническом и топографическом описании некоторых железнодорожных мостов, тоннелей и других дорожных объектов Турции. Материалы получены почтой № 14/А от 20 мая 1949 года и по оценке тов. Панфилова представляют большой оперативный интерес.

3. Сообщение тов. Вышинскому от 26 июня 1949 года, составленное на основании личной записки источника, о планах

английской разведки по заброске в СССР, о некоторых действующих агентах английской разведки в странах Народной демократии, а также по другим вопросам, связанным с деятельностью английской и турецкой разведок.

4. Информация, направленная тов. Абакумову от 7 июня 1949 года, составленная на основании личной записки источника, о конкретных планах «СИС» по переброске агентуры в СССР, об использовании «СИС» антисоветской эмиграции в разведывательной работе против СССР и стран Народной демократии, изменениях в руководящем составе «СИС» и представителях «СИС» за границей.

5. Спецсообщение тов. СТАЛИНУ и тов. МОЛОТОВУ от 22 сентября об операции «Ценная» (о плане подрывных мероприятий против Албании, разработанном разведывательными органами США и Англии).

Кислицын — подпись

27 декабря 1949 года

Основные даты жизни и деятельности Г. А. Р. (Кима) Филби

1912, 1 января — в городе Амбале в семье заместителя британского комиссара в Пенджабе Гарри Сент-Джона Филби родился сын — Гарольд Адриан Рассел (Ким) Филби.

1929 — по окончании школы в Вестминстере поступил в Тринити-колледж в Кембридже.

1933 — работа в Европе в роли курьера МОП Р.

1934, апрель — женитьба на Алисе (Литци) Фридман.

Июнь — начало сотрудничества на идейной основе с советской разведкой.

1936 — по заданию НКВД СССР работает в Испании в войсках генерала Франко в качестве «свободного журналиста».

1937–1939 — командировка в Испанию в качестве корреспондента газеты «Таймс» — на стороне мятежников; был ранен, награжден франкистским орденом.

1940, весна — работа корреспондентом при штабе английских войск на континенте.

Июнь — эвакуация из Дюнкерка.

По рекомендации резидентуры поступил на работу в британскую разведку СИС.

1941, июль — назначен заместителем начальника контрразведки СИС (отдел В).

1944 — назначен начальником 9-го отдела СИС, который занимался изучением «советской и коммунистической деятельности» в Великобритании.

1946 — награжден орденом Британской империи.

Лето — 1949 — работа в качестве резидента СИС в Стамбуле, под прикрытием первого секретаря английского посольства.

1949–1951 — возглавлял миссию связи СИС в Вашингтоне; установил контакты с руководством ЦРУ и ФБР, в том числе с А. Даллесом и Э. Гувером; координировал деятельность американских и британских спецслужб в борьбе с «коммунистической угрозой».

1951 — оказался под подозрением спецслужб США и Англии в связи с бегством Д. Маклина и Г. Бёрджесса; вышел в отставку.

1952, ноябрь — допрошен контрразведкой МИ-5, отпущен за недостатком улик.

1955 — министр иностранных дел Г. Макмиллан публично снял с Филби все обвинения.

1956, август — направлен в Бейрут по линии СИС — под

прикрытием корреспондента британских изданий «Обсервер» и «Экономист».

1963, 23 января — в связи с угрозой провала нелегально вывезен из Бейрута в СССР на сухогрузе «Долматов».

1963–1988 — проживал в Москве, являлся консультантом советской внешней разведки по спецслужбам Запада, участвовал в подготовке разведчиков.

За большие заслуги в разведывательной деятельности был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени и Дружбы народов, нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

1970 — женитьба на Руфине Ивановне Пуховой.

1988, 11 мая — скончался, похоронен в Москве на Новокунцевском кладбище.

2010, декабрь — открытие мемориальной доски в честь Кима Филби на здании пресс-бюро СВР России.

notes

Примечания

1

Дословно: «Мое слово — мои оковы (или узы)».

2

Regent's Park — один из королевских парков в зеленой зоне центрального Лондона.

З

МИ-5 — британская контрразведка.

4

Имеется в виду замаскированный под кирпич контейнер для хранения материалов.

5

«Иди шпионить в страну» — книга была запрещена в Великобритании по требованию руководства СИС.

Sandhurst — Британская королевская военная академия.

7

Фрагмент текста в оригинале отсутствует.

8

Party (англ.) — вечеринка.

9

Время чаепития (англ.).

10

Время выпивки (англ.).

11

Английское слово «dud» означает «неудачник».

12

Георг VI (1895–1952) — король Великобритании и Северной Ирландии, короновался 12 мая 1937 года, до 15 августа 1948 года — император Индии, с 1949 года — глава Британского Содружества наций. Отец королевы Елизаветы II.

13

Tutor (англ.) — наставник.

14

Т. Кретину. Доложено т. Фитину. Судоплатов. 20/VI.

15

На документе имеется помета: т. Чичаеву. П.Ф[итин]. 29/VI.